

ЮРИДИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

№ 4, 2022

ISSN: 2071-4920 (Print)

ISSN: 2712-7818 (Online)

Юридическая МЫСЛЬ

2022 4 (128)

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

ISSN 2071-4920

Журнал «Юридическая мысль» с 2010 г. входил
в ПЕРЕЧЕНЬ ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 34
ББК 67

Учредитель и издатель

ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права

Редакционная коллегия:

М.Б. Ревна, главный редактор, ректор ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

С.А. Комаров, заместитель главного редактора, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РФ;

А.В. Яковлев, ответственный секретарь редакционной коллегии, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

Т.Л. Комарова, проректор по науке и инновациям ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент;

Б.А. Ревнов, доцент кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

Е.В. Середа, профессор кафедры уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук; профессор.

Редакционно-издательский совет:

С.А. Комаров, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РФ, председатель совета;

А.И. Бастрыкин, председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

В.А. Винокуров, профессор кафедры теории и истории государства и прав ФГБУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России», Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.М. Воробьев, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

Ф.Х. Галиев, заведующий кафедрой теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, член совета;

А.М. Дроздова, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор, член совета;

М.Е. Крук-Ярош (MariaKruk – Jarosz), заместитель декана по вопросам докторантуры Университета Лазарского (Uczelni Łazarzkiego) в Варшаве, Республика Польша, доктор honoris causa ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Г.А. Мартъянов, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, член совета;

Е.В. Мицкая, заведующая кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Н.И. Полищук, вице-президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

А.В. Попова, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, член совета;

Г.С. Скачкова, профессор кафедры гражданского права и процесса Юридического института (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.П. Стёлкин, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук, доцент, член Комиссии Ассоциации юристов России, член Совета;

Кари Сюнберг (Kari Synberg), профессор факультета общественных и экономических наук Университета Восточной Финляндии, член правления Географического общества Финляндии, доктор honoris causa Юридического института (Санкт-Петербург), доктор географических наук, член совета;

Н.А. Фролова, профессор кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор, член совета.

ПОДПИСКА

в объединенном каталоге Пресса России «Подписка-2022»

Подписной индекс – 82596 (годовая подписка на 2022 г.)

Подписка в Агентстве: по тел. (499) 152-8850 и/или (495) 661-2030,
по e-mail: arpk@akdi.ru arpk@bk.ruizdatcat@eg-online.ru

в Каталоге российской прессы «ПОЧТА РОССИИ»

Подписной индекс – 24220 (первое полугодие 2022 г.)

Журнал выходит 4 раза в год

Телефон редакции: (812) 325-98-90

Адрес в Интернете: <http://lawinst-spb.ru>; <http://matgip.ru>

E-mail: lawinst-spb@mail.ru; matgip2017@yandex.ru

Founder and Publisher

Law Institute (St. Petersburg)
Interregional Association of Theorists of State and Law

Editorial team:

M.B. Revnova, chief Editor, Rector of the Law Institute (St. Petersburg), PhD;

S.A. Komarov, deputy Chief Editor, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE;

A.V. Yakovlev, executive Secretary of the Editorial Board, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), PhD;

T.L. Komarova, Vice-Rector for Science and Innovation of the Law Institute (St. Petersburg), PhD, associate professor;

B.A. Revnov, associate Professor of Department of constitutional and administrative law of law Institute (Saint Petersburg), PhD;

E.V. Sereda, professor of criminal law and procedure of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor.

Editorial and publishing Council:

S.A. Komarov, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE, Chairman of the Council;

A.I. Bastrykin, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

V.A. Vinokurov, Professor of the Department of theory and history of state and rights of the "St. Petersburg University of Emercom of Russia", Honored lawyer of the Russian Federation, Doctor of law, Professor, member of the Council;

S.M. Vorobiev, Professor of the Department of theory of state and law, international and European law, faculty of Law, Academy of the FSIN of Russia, Doctor of law, Professor, member of the Council;

F.H. Galiev, Professor of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Doctor of Law, associate professor, member of the Council;

A.M. Drozdova, professor of the Department of legal culture and protection of human rights of the North-Caucasus Federal University, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

M.E. Kruk-Jarosz (Maria Kruk-Jarosz), deputy dean for doctoral studies of the University of Lazarski (Uczelni Łazarskiego) in Warsaw (Poland), Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

G.A. Martianov, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), candidate of law, member of the Council;

E.V. Mitskaya, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and process of the South Kazakhstan State University of Auezov (Kazakhstan), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

N.I. Polishchuk, vice-president of the Interregional Association of theoreticians of State and Law, Professor of Theory of State and Law, International and European

Law Faculty of Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

A.V. Popova, a professor of the Department of legal regulation of economic activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Ph.D., associate professor, member of the Council;

G.S. Skachkova, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute of Law (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, Member of the Council;

S.P. Stepkin, associate Professor of the Department of civil law disciplines of the Russian state social University, Candidate of law, associate Professor, member of the Commission of the Association of lawyers of Russia, member of the Council;

Soili Nystén-Haarala, Professor of Commercial Law, University of Lapland, Faculty of Law (Republic of Finland), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

Kari Syunberg (Kari Synberg), professor of the Faculty of Social and Economic Sciences of the University of Eastern Finland, a board member of the Geographical Society of Finland, the Republic of Finland, Ph.D Geography, Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Professor h.c., member of the Council;

N.A. Frolova, a professor of the Department of Theory of State and Law named by G.V. Maltsev of «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration», Doctor of Law, Professor, member of the Council.

Информация для авторов:

Ваши материалы (объемом до 0,6–1,0 усл.-печ. л.) направляйте по адресу:

199106, Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3

Юридический институт (Санкт-Петербург)

Тел. (812) 325-4625. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

119415, г. Москва, ул. Удальцова, дом 19, корп. 1, оф. 12

МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»

Тел. (499) 431-5806. E-mail: matgip2017@yandex.ru

Каждая статья должна сопровождаться рецензией!

Просьба указывать свою должность, ученую степень, звание, фамилию, имя и отчество, почтовый адрес и телефон.

Свидетельство о регистрации ПИ № 2-4890 от 15 декабря 2000 г.

Формат 80x108/16. Подписано в печать 27.12.2022. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Уч.-изд. л. 8,5. Усл. п.л. 14,54. Тираж 100 экз. Заказ № ____.

Отпечатано в типографии «OneBook.ru» ООО «Сам Полиграфист»

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5, «Технополис».

© «Юридическая мысль», № 4 (128), 2022

На обложке – фрагмент картины

С. Дали «Рафаэлевская голова, разлетающаяся на куски» (1951)

Юридическая мысль

2022

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

4 (128)

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. – ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Грибов И.Н., Иванов Д.В.

Системообразующее значение понятия справедливости
в концепции права Густава Радбруха 9

Илембетов А.К.

Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации
в условиях специальной военной операции на Украине 18

Пархоменко Д.В.

В.Д. Сорокин о едином предмете правового регулирования
общественных отношений 30

5.1.2. – ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Ганиева Д.Р.

Оптимизация правовой регламентации института предоставления
муниципальных услуг 42

5.1.3. – ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Ревнов Б.А., Сувидов В.В.

Возможные аспекты модернизации законодательного регулирования
противодействия злоупотреблениям в арбитражном процессе 51

5.1.4. – УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Гареев М.Ф.

Применение принципов уголовного судопроизводства
как эффективное средство для достижения целей наказания
(на примере послевоенной эпохи Советского Союза) 66

Гареев М.Ф.

Отдельные уголовно-процессуальные аспекты предупреждения
мошенничества 87

<i>Евсеенков С.В.</i> Мошенничество в сфере оборота недвижимости в современном российском обществе	101
--	-----

CONTENT

5.1.1. – THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Gribov I.N., Ivanov D.V.</i> System-forming meaning of the concept of justice in the concept of law by Gustav Radbruch	13
<i>Ilembetov A.K.</i> Ensuring the national security of the Russian Federation in the conditions of a special military operation in Ukraine	24
<i>Parkhomenko D.V.</i> V.D. Sorokin on a single subject of legal regulation of public relations	36

5.1.2. – PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Ganieva D.R.</i> Optimization of the legal regulation of the institute for the provision of municipal services	46
---	----

5.1.3. – PRIVATE LEGAL SCIENCES (CIVIL SCIENCES)

<i>Revnov B.A., Suvidov V.V.</i> Possible aspects of the modernization of the legislative regulation of countering abuses in the arbitration process	59
--	----

5.1.4. – CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Gareev M.F.</i> Application of the principles of criminal justice as an effective means to achieve the goals of punishment (on the example of the post-war era of the Soviet Union)	77
<i>Gareev M.F.</i> Separate criminal procedural aspects of fraud prevention	94
<i>Evseenkov S.V.</i> Real estate fraud in modern Russian society	109

Индексация журнала

5.1.1. – ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.001

Системообразующее значение понятия справедливости в концепции права Густава Радбруха

И.Н. Грибов*
Д.В. Иванов**

Аннотация. Концепция Густава Радбруха составляет один из важнейших теоретических источников современной правовой мысли, ориентированной на неокантианскую парадигму, включая как феноменологическое направление, так и аналитическую юриспруденцию. Согласно Г. Радбруху, право – есть действительность, ценность которой заключается в том, чтобы служить справедливости. Для российской теории права актуальной является апелляция Г. Радбруха к ценностному основанию права, центральным звеном которого является идея справедливости.

Ключевые слова: Г. Радбрух, неокантианство, аналитическая юриспруденция, ценности, право, справедливость.

У

крепление суверенитета Российского государства предполагает глубокое понимание тех ценностных оснований, на которые опирается правовая культура российского общества и на которых основаны принципы ее государственно-правового механизма. Поэтому возрождение и развитие подлинного суверенитета России отмечено тенденцией своего рода «аксиологизация»

* **Грибов Игорь Николаевич**, аспирант Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: igorgri85@gmail.com

Научный руководитель **Комаров Сергей Александрович** – научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, доктор юридических наук, профессор. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru.

** **Иванов Денис Владимирович** – аспирант кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: deiv@rambler.ru

Научный руководитель **Комаров Сергей Александрович** – научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, доктор юридических наук, профессор. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru.

права, которая выражена в двух взаимосвязанных процессах: в усилении роли закона в защите общенациональных ценностей народов России и в возрастании значения самого права, закона, государства и его институтов в качестве таких фундаментальных ценностей [4, с. 26–27]. Это соответствует прогрессивному направлению развития права и государственно-правовых институтов в современном многополярном мире. В этих условиях особенно актуальной становится задача обновления теории государства и права, ее максимальная адаптация к условиям многополярного мира, в котором равное право на существование имеют комплексы позитивных, гуманистически ориентированных, нравственно-правовых ценностей и идеалов всех народов, населяющих планету.

Ценностное обоснование права невозможно без признания в нем абсолютного начала, что было характерно для многовековой традиции философско-правовой мысли, но полностью отвергается современным постмодернистским сознанием. Но такой подход сводит действие права и закона лишь к страху наказания и совершенно отвергает содержание идеи свободы, лежащей в основе права. Между тем, человек подчиняется нормам права, прежде всего, не потому, что боится наказания – но потому, что считает это подчинение значимым для себя, ценным, справедливым. То есть связывает его с тем кругом понятий и норм, которые мы и определяем как сферу нравственных ценностей. Причастность права началам справедливости свидетельствует в первую очередь о наличии в праве некоторого абсолютного начала, не сводимого лишь к социальным отношениям, историческим условиям, воле государства или класса [1, с. 17].

Это, в свою очередь, заставляет нас заново обратиться к тем концепциям права и государства XX–XXI столетий, которые имеют отчетливо выраженное аксиологическое основание. Именно это научное наследие должно быть в первую очередь востребовано в процессе разработки оригинальных философско-правовых начал отечественной юриспруденции.

К числу таких, философски углубленных, ориентированных на масштабные обобщения, теоретико-правовых концепций, которые и сегодня востребованы в мире науки и юридической практики, без сомнения, относятся теоретические построения выдающегося немецкого ученого Густава Радбруха (1878–1949). Он признан одним из крупнейших правоведов XX столетия, оказавших исключительное влияние на развитие правовой теории в эпоху мировых войн. По свидетельству известного швейцарского историка права Марселя Зенна, труды Радбруха (также как и работы другого видного правоведа-неокантианца Г. Кельзена) переживут то столетие, в которое они создавались [9, с. 90]. В XX веке именно Г. Радбрух «внес огромный вклад в обоснование права как культурной ценности» [6, с. 49].

Актуальным является и тот значительный антифашистский потенциал, который был заложен в концепции позднего Г. Радбруха, и который стал непосредственной реакцией на теоретические обоснования и античеловеческую практику «несостоявшегося государства» III Рейха. Наследие Г. Радбруха учит нас, что для существования, воспроизводства и развития действительного государства недостаточно только отлаженного государственно-правового механизма и логически выверенной системы законов. Государ-

ству еще должны быть присущи качества выразителя и проводника в мире социальных отношений «высшей нравственной идеи» (Гегель) [3, с. 21]. Именно поэтому государство должно служить зримым выражением общенациональных ценностей и гуманистических традиций общества.

Осмысление научного опыта немецкого ученого в деле преодоления догматических установок юридического позитивизма и разработки ценностно ориентированной теории права должно быть признано актуальным содержательным элементом системы современного политико-правового знания.

Стремление обосновать универсальность свободы личности и ее базовых прав составляет основу теоретико-правовых и философско-правовых изысканий Г. Радбруха. Центральной идеей, объединяющей все основные работы Г. Радбруха, посвященные вопросам теории права, является чисто неокантианская мысль о том, что субстанциально право есть некоторое «долженствование» и не выводимо напрямую из реально существующих правовых фактов [2, с. 70]. Эта идея немецкого ученого является своего рода водоразделом мысли, отделяющим общетеоретические основания его учения от юридического позитивизма.

Идея права как долженствования Г. Радбруха основывается на неокантианской концепции права как «отнесения к ценности»: «Согласно концепции Г. Радбруха, теория права выводит понятие права индуктивно, с помощью сравнения отдельных правовых явлений. Опираясь на опыт, можно сформулировать неограниченное число общих понятий. Однако в пределах общей теории права нельзя обосновать понятие права; общность правовых понятий, в основе которых лежат отдельные правовые факты, не может служить гарантией их ценности. Его философия права выстраивается на основе неокантианской философии ценностей. Ценности, имеющие вневременной характер, противопоставляются реальности» [6, с. 49].

С этих позиций, право должно выводиться из наивысших и последних ценностей [5, с. 16]. При этом сфера ценностей и сфера действительности четко отдалены друг от друга, что отсылает нас как напрямую к «Критике практического разума» И. Канта, так и к «теории справедливого права» Рудольфа Штаммера [7, с. 159–163; 8, с. 111–121]. Анализируя систему ценностей, которую можно положить в основу учения о праве, Г. Радбрух выносит в центр ее идею справедливости: «У нас есть все основания рассматривать справедливость в качестве исходного пункта, так как Справедливость, подобно Добру, Истинному, Прекрасному – абсолютно, то есть ценность, которую нельзя вывести ни из какой другой ценности» [5, с. 42].

Согласно Г. Радбруху, говоря о норме, вводящей справедливость, мы не можем принять ее только в силу самого ее существования по любым основаниям, будь то социальный консенсус или даже божественная воля, делающая эту норму справедливой. Норма, устанавливающая справедливость, может быть принята только в том случае, если она сама по себе является справедливой и мы видим в ней эту справедливость. Или же в том случае, если мы просто видим и принимаем эту справедливость, заключенную в норме.

Для неокантианца Г. Радбруха здесь нет разницы. Но, в любом случае, норма, устанавливающая справедливость, должна быть непосредственно самоприменима. Заметим, что по Г. Радбруху, даже обязанность, вменяемая

чужой волей, содержит внутреннее противоречие. Если мы к чему-то стремимся, то мы, в лучшем случае, можем обосновать это своей собственной потребностью, но еще вовсе не тем, что так и должно быть. Это, тем более, значимо, если речь идет о справедливости.

Давая неокантианскую интерпретацию понятия справедливости как системообразующего понятия в системе нравственно-правовых ценностей, Г.Радбрух выступает против любых попыток позитивистов отождествить закон и право, против попыток определить в качестве правового любой социальный институт, действующий от лица государства. Таким образом, он решительно отвергает претензии нацистского политического образования на то, чтобы называться правовым государством.

Хотя «справедливость», в трактовке Г.Радбруха, может рассматриваться как исключительно формальная идея, все же этот «формализм» справедливости также имеет свое глубокое значение. А именно: отсюда могут следовать «содержательно определенные положения», например, такие как «правовые положения о правоприменении», положения о независимости судей и о необходимости судебной защиты перед определением окончательного наказания.

«Постоянно существует ряд правовых предписаний, действие которых продиктовано не целесообразностью, а справедливостью или правовой стабильностью. Равенство перед законом, или запрет чрезвычайных судов – это требование справедливости, а не целесообразности. И только принцип правовой стабильности положен в основу действия так называемых “норм, регулирующих направление движения”, норм целевого назначения, которые уже простым фактом своего существования полностью себя оправдывают, норм, вводимых для единого регулирования, независимо от направления движения» [5, с. 90].

В качестве «чистых требований справедливости», таким правовым предписаниям присущ «абсолютный характер» самой справедливости. Именно отсюда следует априорное по своей природе понятие права и все необходимо содержащиеся в нем понятия как некие априорные категории юридической науки, как такие вопросы, которые можно осмысленно применить к любому правопорядку.

Таким образом, Г. Радбрух утверждает идею абсолютного в праве, без чего невозможно ее ценностное обоснование. Хотя он и делает это с субъективистских оснований неокантианской теории, трактуя абсолютное в праве как исключительно трансцендентальную категорию.

Библиографический список

1. *Воскресенский С.В., Масленников Д.В.* Идея блага и образ правовой теологии в философии религии Гегеля. – СПб.: Издательство РХГА, 2021. – 319 с.
2. *Масленников Д.В., Ревнов Б.А.* Основная норма Г. Кельзена и ее естественно-правовое обоснование // *Юридическая мысль.* – 2022. – № 1 (125). – С. 69–80.
3. *Масленников Д.В., Ревнова М.Б.* Отношение религии и государства в философии права Г.В.Ф. Гегеля // *Юридическая мысль.* – 2018. – № 1 (105). – С. 20–25.
4. *Масленников Д.В., Ревнова М.Б., Сергеева А.Ю.* Идея свободы в Царстве Абсолютного Добра (к вопросу о философско-правовых основаниях суверенной правовой идеологии) // *Юридическая мысль.* – 2019. – № 4–5 (114–115). – С. 25–32.

5. Радбрух Г. Философия права / Густав Радбрух; Пер. с нем. Ю. М. Юмашева. – М.: Междунар. отношения, 2004. – 238 с.
6. Фролова Е.А. Понятие права в философии Г. Радбруха // Право и государство: теория и практика. – 2016. – № 5 (137). – С. 49–52.
7. Шавеко Н.А. Идея права по Густаву Радбруху // Вестник Удмуртского университета. – Серия «Экономика и право». – 2017. – Т. 27. – № 5. – С. 159–164.
8. Шавеко Н.А. Рудольф Штаммлер как основоположник теории «возрожденного» естественного права // Вестник Московского университета. – Серия 11: Право. – 2016. – № 1. – С. 111–121.
9. Senn M. Rechts- und Gesellschaftsphilosophie. Historische Fundamente der europäischen, nordamerikanischen, indischen sowie chinesischen Rechts- und Gesellschaftsphilosophie. Eine Einführung mit Quellenmaterial. Zürich: Dike Verlag, 2012.

Для цитирования: Грибов И.Н., Иванов Д.В. Системообразующее значение понятия справедливости в концепции права Густава Радбруха: статья // Юридическая мысль. – 2022. – № 4. – С. 9–13.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.001

System-forming meaning of the concept of justice in the concept of law by Gustav Radbruch

Igor N. Gribov *
Denis V. Ivanov **

Annotation. The concept of Gustav Radbruch is one of the most important theoretical sources of modern legal thought focused on the neo-Kantian paradigm, including both the phenomenological direction and analytical jurisprudence. According to G. Radbruch, law is a reality whose value lies in serving justice. For the Russian theory of law, G. Radbruch's appeal to the value basis of law, the central element of which is the idea of justice, is relevant.

Keywords: G. Radbruch, neo-Kantianism, analytical jurisprudence, values, law, justice.

* **Gribov Igor Nikolaevich**, post-graduate student of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg). E-mail: igorgri85@gmail.com

Scientific Supervisor **Komarov Sergey Alexandrovich** – Scientific Supervisor of the Institute, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Legal Institute of the Principal Educational Institution of Higher Education (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, President of the Interregional Association of Theorists of State and Law, Doctor of Law, Professor. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru.

** **Ivanov Denis Vladimirovich**, post-graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Principal Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg). E-mail: deiv@rambler.ru

Scientific Supervisor **Komarov Sergey Alexandrovich** – Scientific Supervisor of the Institute, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Legal Institute of the Principal Educational Institution of Higher Education (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, President of the Interregional Association of Theorists of State and Law, Doctor of Law, Professor. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru.

Strengthening the sovereignty of the Russian state requires a deep understanding of the value bases on which the legal culture of Russian society is based and on which the principles of its state-legal mechanism are based. Therefore, the revival and development of the true sovereignty of Russia is marked by a trend of a kind of "axiologization" of law, which is expressed in two interrelated processes: in strengthening the role of law in protecting the national values of the peoples of Russia and in increasing the importance of law itself, law, the state and its institutions as such fundamental values [4, p. 26–27]. This corresponds to the progressive direction of development of law and state-legal institutions in the modern multipolar world. Under these conditions, the task of updating the theory of state and law, its maximum adaptation to the conditions of a multipolar world, in which complexes of positive, humanistically oriented, moral and legal values and ideals of all peoples inhabiting the planet, have an equal right to exist.

The value justification of law is impossible without the recognition of an absolute principle in it, which was characteristic of the centuries-old tradition of philosophical and legal thought, but is completely rejected by modern post-modern consciousness. But such an approach reduces the operation of law and law only to the fear of punishment and completely rejects the content of the idea of freedom underlying law. Meanwhile, a person obeys the norms of law, first of all, not because he is afraid of punishment – but because he considers this submission significant for himself, valuable, fair. That is, it connects it with the range of concepts and norms that we define as the sphere of moral values. The involvement of law in the principles of justice testifies, first of all, to the presence in law of some absolute principle, not reducible only to social relations, historical conditions, the will of the state or class [1, p. 17].

This, in turn, makes us turn again to those concepts of law and the state of the XX–XXI centuries, which have a clearly expressed axiological basis. It is this scientific heritage that should be primarily in demand in the process of developing original philosophical and legal principles of domestic jurisprudence.

Among such philosophically profound, focused on large-scale generalizations, theoretical and legal concepts that are still in demand in the world of science and legal practice, no doubt, are the theoretical constructions of the outstanding German scientist Gustav Radbruch (1878–1949). He is recognized as one of the greatest jurists of the 20th century, who had an exceptional influence on the development of legal theory in the era of world wars. According to the famous Swiss legal historian Marcel Senn, the works of Radbruch (as well as the works of another prominent neo-Kantian jurist G. Kelsen) will survive the century in which they were created [9, p. 90]. In the 20th century, it was G. Radbruch who "made a huge contribution to the justification of law as a cultural value" [6, p. 49].

The significant anti-fascist potential that was laid down in the concept of the late G. Radbruch, and which became a direct reaction to the theoretical justifications and anti-human practice of the "failed state" of the III Reich, is also relevant. The legacy of G. Radbruch teaches us that for the existence, reproduction and development of a real state, it is not enough just a well-functioning state-legal mechanism and a logically verified system of laws. The

state must still have the qualities of a spokesman and conductor in the world of social relations of the “highest moral idea” (Hegel) [3, p. 21]. That is why the state should serve as a visible expression of national values and humanistic traditions of society.

The comprehension of the scientific experience of the German scientist in overcoming the dogmatic attitudes of legal positivism and the development of a value-oriented theory of law should be recognized as an actual content element of the system of modern political and legal knowledge.

The desire to justify the universality of the freedom of the individual and its basic rights forms the basis of the theoretical-legal and philosophical-legal research of G. Radbruch. The central idea that unites all the main works of G. Radbruch, devoted to the theory of law, is a purely neo-Kantian idea that in substance law is a certain “obligation” and is not directly deducible from actually existing legal facts [2, p. 70]. This idea of the German scientist is a kind of watershed of thought, separating the general theoretical foundations of his teaching from legal positivism.

The idea of law as an obligation of G. Radbruch is based on the neo-Kantian concept of law as “reference to value”: “According to the concept of G. Radbruch, the theory of law derives the concept of law inductively, by comparing individual legal phenomena. Based on experience, it is possible to formulate an unlimited number of general concepts. However, within the framework of the general theory of law, the concept of law cannot be substantiated; the commonality of legal concepts, which are based on separate legal facts, cannot serve as a guarantee of their value. His philosophy of law is built on the basis of the neo-Kantian philosophy of values. Values that are timeless in nature are opposed to reality” [6, p. 49].

From these positions, law should be derived from the highest and last values [5, p. 16]. At the same time, the sphere of values and the sphere of reality are clearly separated from each other, which refer us both directly to the “Critique of Practical Reason” by I. Kant and to the «theory of just law by Rudolf Stammler [7, p. 159–163; 8, p. 111–121]. Analyzing the system of values that can be taken as the basis of the doctrine of law, G. Radbruch brings to the center its idea of justice: “We have every reason to consider justice as a starting point, since Justice, like Good, True, Beautiful, is absolute, then is a value that cannot be derived from any other value” [5, p. 42].

According to G. Radbruch, speaking of a norm that introduces justice, we cannot accept it only by virtue of its very existence for any reason, be it social consensus or even divine will, which makes this norm fair. A norm establishing justice can only be accepted if it is just in itself and we see this justice in it. Or in the event that we simply see and accept this justice contained in the norm.

For the neo-Kantian G. Radbruch there is no difference here. But in any case, the rule establishing justice must be directly self-applicable. Let us note that, according to G. Radbruch, even a duty imputed by someone else's will contains an internal contradiction. If we strive for something, then we, at best, can justify this with our own need, but not at all with the fact that it should be so. This is even more important when it comes to justice.

Giving a neo-Kantian interpretation of the concept of justice as a backbone concept in the system of moral and legal values, G. Radbruch opposes any attempts by positivists to identify law and law, against attempts to define any social institution acting on behalf of the state as legal. Thus, he strongly rejects the claims of the Nazi political entity to be called the rule of law.

Although "justice", in the interpretation of G. Radbruch, can be considered as an exclusively formal idea, nevertheless this "formalism" of justice also has its deep meaning. Namely, "substantially defined provisions" can follow from this, for example, such as "legal provisions on law enforcement", provisions on the independence of judges and on the need for judicial protection before determining the final punishment.

"There are always a number of legal regulations, the action of which is dictated not by expediency, but by justice or legal stability. Equality before the law, or the prohibition of emergency courts, is a requirement of justice, not expediency. And only the principle of legal stability is the basis for the operation of the so-called "norms regulating the direction of movement", norms for the intended purpose, which are completely justified by the mere fact of their existence, the norms introduced for uniform regulation, regardless of the direction of movement" [5, p. 90].

As "pure demands of justice", such legal prescriptions have the "absolute character" of justice itself. It is from here that the concept of law, a priori in nature, follows, and all the concepts necessarily contained in it as certain a priori categories of legal science, as questions that can be meaningfully applied to any legal order.

So, G. Radbruch affirms the idea of the absolute in law, without which its value justification is impossible. Although he does this from the subjectivist foundations of neo-Kantian theory, interpreting the absolute in law as an exclusively transcendental category.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Voskresensky S.V., Maslennikov D.V. The Idea of the Good and the Image of Legal Theology in Hegel's Philosophy of Religion. St. Petersburg: RKHGA Publishing House, 2021. 319 p.
2. Maslennikov D.V., Revnov B.A. The main norm of G. Kelsen and its natural legal justification // Legal Thought. 2022. No. 1 (125). P. 69–80.
3. Maslennikov D.V., Revnova M.B. The relation of religion and the state in the philosophy of law G.V.F. Hegel // Legal Thought. 2018. No. 1 (105). P. 20–25.
4. Maslennikov D.V., Revnova M.B., Sergeeva A.Yu. The idea of freedom in the Kingdom of Absolute Good (to the question of the philosophical and legal foundations of sovereign legal ideology) // Legal Thought. 2019. No. 4–5 (114–115). P. 25–32.
5. Radbruch G. Philosophy of law / Gustav Radbruch; Per. with him. Yu. M. Yumashev. Moscow: Intern. relations, 2004. 238 p.
6. Frolova E.A. The concept of law in the philosophy of G. Radbruch // Law and State: Theory and Practice. 2016. No. 5 (137). P. 49–52.

7. Shaveko N.A. The idea of law according to Gustav Radbruch // Bulletin of the Udmurt University. Series "Economics and Law". 2017. T. 27. No. 5. P. 159–164.

8. Shaveko N.A. Rudolf Stammler as the founder of the theory of "revived" natural law // Moscow University Bulletin. Series 11: Law. 2016. No. 1. P. 111–121.

9. Senn M. Legal and social philosophy. Historical foundations of European, North American, Indian and Chinese legal and social philosophy. An introduction with source material. Zurich: Dike Verlag, 2012.

For citation: Gribov I.N., Ivanov D.V. System-forming meaning of the concept of justice in the concept of law by Gustav Radbruch: article // Legal Thought. 2022. No. 4. P. 13–17.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.001

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.002

Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в условиях специальной военной операции на Украине*

А.К. Илембетов**

Аннотация. Исчерпав все дипломатические средства, чтобы остановить расширение НАТО на восток, Россия начала специальную военную операцию на Украине. Оставляя в стороне антироссийскую пропаганду, непредвзятые эксперты признают, что ее успех несомненен. Однако помощь НАТО Украине угрожает жизненно важным интересам безопасности России. В статье дается анализ современной стратегии национальной безопасности Российской Федерации, мерам по ее обеспечению и военно-политической обстановки после февраля 2022 года.

Ключевые слова: национальная безопасность, угрозы национальной безопасности, условия специальной военной операции на Украине, обеспечение национальной безопасности.

Первый шаг Соединенных Штатов Америки – попытка сокрушить российскую экономику и спровоцировать социальные протесты – не сработал. Обменный курс рубля восстановился, цены на российский экспорт бьют рекорды, а страны ЕС начали покупать российский газ за рубли. Хотя ожидается, что ВВП России упадет на 9% к концу 2022 года, есть основания полагать, что ее экономика выдержит такое давление: в 2020 «пандемическом» году ВВП сократился на 9%, а во время кризиса 2008–2009 годов спад был еще больше.

Вторая попытка США/НАТО заключается в увеличении своей помощи Киеву путем закачки тяжелого вооружения в страну и поддержки ее разведывательными данными и денежными средствами. Как справедливо отметил министр иностранных дел России Сергей Лавров, это, по сути, равносильно «опосредованной войне» НАТО против России [2, с. 17].

В своих усилиях ослабить Россию посредством войны на Украине Вашингтон руководствуется желанием сдержать разрушение однополярного мирового порядка. Учитывая экономический потенциал США, подорванный долгами, их последним средством является продолжение расширения военной инфраструктуры НАТО по всему миру. Примечательно, что

* Материал статьи частично изложен: *Илембетов А.К.* Правовое регулирование обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: маг. дисс. – Уфа: УУНиТ, 2022. С. 29-36.

** *Илембетов Азамат Камирович*, магистрант Института права Уфимского университета науки и технологий. E-mail: mr.ilembetov@mail.ru

доля в мировом ВВП западных стран, которые ввели санкции в отношении России, снизилась за последние двадцать лет на 20% и сейчас немногим превышает 50%. «Между тем, потребление мировых ресурсов США и ее союзников по НАТО несравнима с их ролью в реальной мировой экономике и превышает роль стран, которые не поддерживали санкции и на долю которых приходится две трети мирового населения» [8, с. 113].

С геополитической точки зрения история России была отмечена нападениями и угрозами с Запада, которые осуществлялись через Финляндию, Польшу, Украину и т.д. Поэтому создание пояса безопасности и военной буферной зоны на западе России имеет решающее значение для национальной безопасности. Таким образом, последняя версия Стратегии национальной безопасности России, опубликованная в июле 2021 года, продолжает «идею о Соединенных Штатах и НАТО как о главной угрозе безопасности в предыдущих изданиях, а во второй статье главы о национальной обороне снова говорится о военной опасности и военной угрозе для России, усугубляемой давлением на Россию со стороны расширения НАТО на восток» [9, с. 22].

Расширение НАТО на Восток не только увеличивает сферу его влияния в Евразии, но и усиливает его военную угрозу. Разрыв в силах между Россией и НАТО является источником большого беспокойства для России, но процесс расширения НАТО на восток не был приостановлен по постоянной просьбе России, а вместо этого был продлен до пятого раунда, что постоянно делает НАТО главной угрозой национальной безопасности России.

В дополнение к угрозе, которую представляет для России расширение НАТО в геополитическом смысле, это также имеет серьезные последствия для национальной безопасности России с точки зрения практических энергетических вопросов. В современном мире нетрадиционные вопросы безопасности выходят на передний план международного сообщества и становятся важным фактором для всех стран, а энергетика является ключевым компонентом нетрадиционных вопросов национальной безопасности.

Расширение НАТО на восток представляет угрозу энергетической безопасности России, поскольку оно препятствует энергетическим маршрутам страны, которые являются важной частью экономического развития России, и, следовательно, наносит удар по российскому экспорту энергоносителей [3, с. 49].

В условиях специальной военной операции на Украине оказывают значительное влияние на нетрадиционную безопасность России, что угрожает ресурсной безопасности России и культурной безопасности со стороны внешней среды. Под влиянием пограничных конфликтов и соседних стран Россия также постоянно совершенствует свою стратегию национальной безопасности и активно ищет способы поддержания стабильности и безопасности за пределами страны [10].

Обеспечивая национальную безопасность, Россия способствует исчезновению мирового порядка, основанного на исключительности Запада. Эта исключительность заключается в несправедливом контроле Запада над большей частью мировых ресурсов, которые ему не принадлежат. США живут не по средствам, «экспортируя» инфляцию в развивающиеся стра-

ны, которые полагаются на доллар как на мировую валюту. В то же время за последние двадцать лет Соединенные Штаты стали крупнейшим должником в мире; стоимость доллара не отражает его реальной стоимости.

Доминирование Запада поддерживается глобальной военной инфраструктурой США/НАТО, используемой для сдерживания Китая, России, стран ЕАЭС и БРИКС. Такая асимметричная и несправедливая модель оправдывается Западом, который претендует на исключительность и незаменимость [4, с. 29].

Экономический подъем Азии вызывает растущее беспокойство и противодействие со стороны Вашингтона. Военная мощь России, единственной страны в мире, способной уничтожить Соединенные Штаты, де-факто защищает этот подъем, как и суверенитет стран ЕАЭС. Эти факторы создают возможности для построения более сбалансированного мира без перекосов в пользу Запада, который с XVI века (фактически с тех пор, как португальские морские экспедиции потребовали, чтобы индийские и арабские корабли платили за право плавания в Индийском океане (таким образом, занимаясь «морским рэкетом»)) обеспечивается применением силы, практикой получения ренты и европейским колониализмом [11, с. 7].

Углубившись в историю российского общества и других народов современного общества, можно кратко охарактеризовать термин безопасности относительно того и нашего времени. Если в первобытном обществе безопасность означала прямое отсутствие, какой либо опасности, то в настоящее время для современного человека и для современного общества обеспечение безопасности предполагает целый ряд обязательств, возложенных в первую очередь на плечи государства.

Национальная безопасность Российской Федерации в наши дни направлена на несколько укрупненных направлений.

Во-первых, сбережение народа России и развитие человеческого потенциала, поэтому Российская Федерация заинтересована в поддержании демографии, улучшении благосостояния жителей, поддержании материнства и детства, активной реализации как таких программ, как «Материнский капитал», так и различного рода региональных программ. Следовательно, необходимо поддерживать образование, здравоохранение, создавая условия для комфортной жизни всем членам общества, пропагандируя здоровый образ жизни и борьбу с бедностью.

Во-вторых, обеспечение обороноспособности страны. Российская Федерация мощная ядерная держава, её армия является одной из самых сильных в мире, и имеет новейшее вооружение. Приоритетными направлениями политики государства должны быть военно-патриотическое воспитание нового поколения, поддержание морально-духовного состояния военнослужащих, обучение ведению войны в условиях технологического противодействия других стран.

В-третьих, государственная и общественная безопасность должна быть направлена на развитие гражданского общества, обеспечение мер по предотвращению антитеррористической, экстремистской деятельности, снижению уровня преступности, коррупции, обеспечению безопасности дорожного движения, защите населения от опасных инфекционных заболеваний и т. д.

В-четвертых, надежность информационной безопасности. За последние десятилетия всемирная сеть Интернет стремительно развивается, а вместе со значительной пользой несет и ряд угроз безопасности страны. Так как Интернет долгое время не контролировался и только за последние годы в связи государство активно начинает работать в этом направлении, решая задачи по борьбе с киберпреступностью, повышая состояние защищенности пользователей в интернет пространстве.

В-пятых, решение вопросов по сохранению экономической безопасности в новых реалиях, когда практически полмира обернулись против Российской Федерации, экономическая безопасность страны направлена, прежде всего, на развитие сотрудничества со странами востока, отказ от доллара, поддержании отечественного производителя.

В-шестых, создание условий для научно-технологического развития в целях обеспечения устойчивого роста и повышения конкурентоспособности российской экономики, для чего требуются государственное стимулирование научной, научно-технической и инновационной деятельности, увеличение объема частных инвестиций в развитие такой деятельности и ускоренное внедрение ее результатов в производство.

Целью научно-технологического развития Российской Федерации является обеспечение технологической независимости и конкурентоспособности страны, достижения национальных целей развития и реализации стратегических национальных приоритетов.

В-седьмых, решение задач по созданию экологической безопасности и рациональному природопользованию, что является одним из наиболее значимых направлений обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Задача государства в этом направлении состоит в следующем: контроль загрязнения воздуха промышленными производствами, переработкой мусора, добычей полезных ископаемых, выбросом бытовых и промышленных отходов в природную среду, вырубкой лесов и т.д.

В-восьмых, защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти [6, с. 9].

Происходящие в современном мире изменения затрагивают не только межгосударственные отношения, но и общечеловеческие ценности. Достигнув высокого уровня социально-экономического и технологического развития, человечество столкнулось с угрозой утраты традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов.

Все более разрушительному воздействию подвергаются базовые моральные и культурные нормы, религиозные устои, институт брака, семейные ценности. Абсолютизируется свобода личности, осуществляется активная пропаганда вседозволенности, безнравственности и эгоизма, насаждается культ насилия, потребления и наслаждения, легализуется употребление наркотиков, формируются сообщества, отрицающие естественное продолжение жизни. Проблемы межнациональных и межконфессиональных отношений становятся предметом геополитических игр и спекуляций, порождающих вражду и ненависть.

Насаждение чуждых идеалов и ценностей, осуществление без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений реформ в об-

ласти образования, науки, культуры, религии, языка и информационной деятельности приводят к усилению разобщенности и поляризации национальных обществ, разрушают фундамент культурного суверенитета, подрывают основы политической стабильности и государственности. Пересмотр базовых норм морали, психологическое манипулирование наносят непоправимый ущерб нравственному здоровью человека, поощряют деструктивное поведение, формируют условия для саморазрушения общества. Увеличивается разрыв между поколениями. Одновременно нарастают проявления агрессивного национализма, ксенофобии, религиозного экстремизма и терроризма.

В-девятых, обеспечение стратегической стабильности и взаимовыгодного международного сотрудничества. В данном направлении Российская Федерация стремится в первую очередь к мирному урегулированию любых возникающих конфликтов. А также стремиться к равноправию, чтобы не одна страна не диктовала правила игры другой стране. В свою очередь активно Россия открыта к сотрудничеству и переговорам с любыми странами, в свою очередь активно сотрудничает со странами СНГ и БРИКС.

Для создания и поддержания необходимого уровня защищенности объектов безопасности в нашем государстве разрабатывается система норм права, регулирующих отношения объектов с субъектами обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Указанные нормы определяют основные направления деятельности органов государственной власти и управления (органы обеспечения национальной безопасности), и механизм контроля и надзора за их деятельностью.

Россия продвигает философию альтернативной модели (например, евразийскую идею взаимодополняющих экономических пространств) на международном уровне – в формате многополярного мира, то есть мира равноправных культур и цивилизаций. Такой сценарий открывает перспективы для долгосрочного мира и совместного развития стран Евразии, основанного на принципах эквивалентности. Эквивалентность не означает стирания различий – страны и их возможности, естественно, различаются. Но это не позволяет внешним игрокам собирать несправедливую ренту с помощью военного превосходства, денежных займов и, что более важно, с помощью культурных интервенций, которые разрушают общества [7, с. 58].

Новая Стратегия национальной безопасности России [1], подписанная Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 2 июля 2021 г., является не просто обновлением предыдущего документа, принятого в 2015 году, когда отношения с Западом уже резко ухудшились в результате украинского кризиса, его новая версия охватывает не только вопросы национальной безопасности, но и целый ряд других вопросов, от экономики до окружающей среды, от ценностей до обороны.

Стратегия национальной безопасности России излагает взгляд на мир, переживающий трансформацию и потрясения. В ней делается вывод, что гегемония Запада близка к завершению. В экономическом плане Россия сталкивается с недобросовестной конкуренцией в виде различных ограничений, призванных нанести ей ущерб и сдержать ее; с точки зрения безопасности применение силы представляет собой растущую угрозу; тра-

диционные ценности и историческое наследие России подвергаются нападкам; во внутренней политике России приходится иметь дело с иностранными махинациями, направленными на провоцирование долгосрочной нестабильности в стране [12].

Таким образом, центральной особенностью государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности является ее ориентация на развитие самой страны: демографию, политическую стабильность и суверенитет, национальное согласие и гармонию, экономическое развитие на основе новых технологий, защиту окружающей среды и адаптацию к изменению климата и – последнее, но не менее важное – духовный и нравственный климат.

В целом, современная Стратегия национальной безопасности России направлена на укрепление обороноспособности, внутреннее единство и политическую стабильность, на модернизацию экономики и развитие промышленного потенциала, укрепление суверенной государственности России как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противостоять попыткам внешнего давления [1]. Ведь суверенитет государства – это есть верховенство государственной власти, это самостоятельность и независимость государственной власти, непререкаемость ее решений как внутри страны, так и в области международных отношений. Это независимость от иностранных государств и международных структур. На практике же постоянно осуществляется такое взаимодействие, особенно на уровне государств. Однако ограничение государственной власти, ее ущемление, подмена какими бы то ни было внутренними или внешними структурами невозможно [5, с. 25].

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // www.consultant.ru
2. Боброва О.А., Подберёзкин А.И., Подберёзкина О.А. Специфика НКО и правовые основы их деятельности // *Обозреватель*. – 2021. – № 8. – С. 17–49.
3. Боброва О.А., Подберёзкин А.И. Политико-правовые вопросы противодействия проявлениям, направленным на подрыв основ государственности Российской Федерации. – М.: Проспект, 2021. – С. 49.
4. Ильницкий А.М. Ментальная война России // *Военная мысль*. – 2021. – № 8. – С. 19–33.
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).
6. Куковский А.А. Механизм обеспечения национальной безопасности // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. – Серия: Право. – 2010. – № 8 (214). – С. 9–11.
7. Мамишева З.А. Правовые основы обеспечения национальной безопасности // *Вестник Адыгейского государственного университета*. – 2012. – № 1. – С. 230–236.
8. Подберёзкин А.И. Информационно-когнитивное силовое «форматирование» правящих элит субъектов военно-политической обстановки в «переходный период» // *Концепт: философия, религия, культура*. – 2019. – № 2 (10). – С. 113–134.

9. *Подберёзкин А.И.* Оценка и прогноз развития сценария военно-политической обстановки и его конкретных вариантов в третьем десятилетии нового века // Угрозы национальной безопасности Российской Федерации. – 2022. – № 78. – С. 22.

10. *Подберёзкин А.И.* Оценка и прогноз военно-политической обстановки. – М.: Юстицинформ, 2021. – 1080 с.

11. *Подберёзкин А.И., Подберёзкина О.А.* Политика санкций как часть политики «силового принуждения». Часть 1 // Обозреватель. – 2018. – № 11 (346). – С. 6–26.

12. *Путин В.В.* Стенограмма выступления Путина на онлайн-форуме «Давосская повестка дня 2021» // [Электронный ресурс] // URL: [https:// president.org/](https://president.org/) (дата обращения: 02.12.2022).

Для цитирования: *Илембетов А.К.* Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в условиях специальной военной операции на Украине: статья // Юридическая мысль. – 2022. – № 4. – С. 18–24.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.002

Ensuring the national security of the Russian Federation in the conditions of a special military operation in Ukraine*

Azamat K. Ilembetov**

Annotation. Having exhausted all diplomatic means to stop NATO's eastward expansion, Russia launched a special military operation in Ukraine. Leaving aside anti-Russian propaganda, unbiased experts admit that its success is undeniable. However, NATO assistance to Ukraine threatens Russia's vital security interests. The article provides an analysis of the modern national security strategy of the Russian Federation, measures to ensure it and the military-political situation after February 2022.

Keywords: national security, threats to national security, conditions for a special military operation in Ukraine, ensuring national security.

The first step by the United States of America – an attempt to crush the Russian economy and provoke social protests – did not work. The exchange rate of the ruble has recovered, prices for Russian exports are breaking records, and EU countries have begun to buy Russian gas for rubles. Although Russia's GDP is expected to fall by 9% by the end of 2022, there is reason to believe that its economy will withstand such pressure: in the "pandemic" year 2020, GDP contracted by 9%, and during the 2008–2009 crises, the decline was even greater.

The second attempt by the US/NATO is to increase its aid to Kyiv by pumping heavy weapons into the country and supporting it with intelligence

* The material of the article is partially stated: Ilembetov A.K. Legal regulation of ensuring the national security of the Russian Federation: mag. diss. Ufa: UUNiT, 2022. P. 29-36.

** **Ilembetov Azamat Kamilovich**, undergraduate of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology. E-mail: mr.ilembetov@mail.ru

and money. As Russian Foreign Minister Sergey Lavrov rightly noted, this, in fact, is tantamount to a NATO "proxy war" against Russia [2, p. 17].

In its efforts to weaken Russia through the war in Ukraine, Washington is driven by a desire to contain the destruction of the unipolar world order. With the US economic potential undermined by debt, their last resort is to continue expanding NATO's military infrastructure around the world. It is noteworthy that the share of Western countries that imposed sanctions on Russia in the world GDP has decreased over the past twenty years by 20% and now slightly exceeds 50%. "Meanwhile, the consumption of world resources by the United States and its NATO allies is incomparable with their role in the real world economy and exceeds the role of countries that did not support the sanctions and which account for two-thirds of the world population" [8, p. 113].

From a geopolitical point of view, the history of Russia has been marked by attacks and threats from the West through Finland, Poland, Ukraine, and so on. Therefore, the creation of a security belt and a military buffer zone in the west of Russia is of decisive importance for national security. Thus, the latest version of the Russian National Security Strategy, published in July 2021, continues "the idea of the United States and NATO as the main security threat in previous editions, and the second article of the national defense chapter again talks about military danger and military threat to Russia, exacerbated by pressure on Russia from the expansion of NATO to the East" [9, p. 22].

NATO expansion to the East not only increases its sphere of influence in Eurasia, but also increases its military threat. The power gap between Russia and NATO is a source of great concern for Russia, but the process of NATO's eastward expansion has not been suspended at Russia's constant request, but instead has been extended to a fifth round, permanently making NATO the main threat to Russia's national security.

In addition to the threat posed to Russia by NATO expansion in a geopolitical sense, it also has serious implications for Russia's national security in terms of practical energy issues. In today's world, non-traditional security issues come to the fore of the international community and become an important factor for all countries, and energy is a key component of non-traditional national security issues.

NATO's eastward expansion poses a threat to Russia's energy security, as it impedes the country's energy routes, which are an important part of Russia's economic development, and therefore strikes at Russian energy exports [3, p. 49].

Under the conditions of a special military operation in Ukraine, they have a significant impact on the non-traditional security of Russia, which threatens Russia's resource security and cultural security from the external environment. Influenced by border conflicts and neighboring countries, Russia is also constantly improving its national security strategy and is actively looking for ways to maintain stability and security outside the country [10].

By providing national security, Russia contributes to the disappearance of a world order based on the exclusivity of the West. This exclusivity lies in the West's unfair control over most of the world's resources that do not belong to it. The US is living beyond its means by "exporting" inflation to developing countries that rely on the dollar as the world's currency. At the same time, over the

past twenty years, the United States has become the world's largest debtor; the value of the dollar does not reflect its real value.

Western dominance is supported by the US/NATO global military infrastructure used to contain China, Russia, the EAEU countries and the BRICS. Such an asymmetric and unfair model is justified by the West, which claims to be exclusive and indispensable [4, p. 29].

Asia's economic recovery is causing growing concern and opposition from Washington. The military power of Russia, the only country in the world capable of destroying the United States, de facto protects this rise, as does the sovereignty of the EAEU countries. These factors make it possible to build a more balanced world without biases in favor of the West, which since the 16th century (in fact since the Portuguese sea expeditions demanded that Indian and Arab ships pay for the right to sail in the Indian Ocean (thus doing racketeering")) is provided by the use of force, rent-seeking practices and European colonialism [11, p. 7].

Having delved into the history of Russian society and other peoples of modern society, one can briefly characterize the term security in relation to that and our time. If in a primitive society security meant the direct absence of any danger, then at the present time for a modern person and for a modern society, ensuring security involves a number of obligations placed primarily on the shoulders of the state.

The national security of the Russian Federation today is aimed at several enlarged areas.

Firstly, the saving of the people of Russia and the development of human potential, therefore the Russian Federation is interested in maintaining demography, improving the well-being of residents, supporting motherhood and childhood, and actively implementing both programs such as Maternity Capital and various kinds of regional programs. Therefore, it is necessary to support education, health care, creating conditions for a comfortable life for all members of society, promoting a healthy lifestyle and the fight against poverty.

Secondly, ensuring the country's defense capability. The Russian Federation is a powerful nuclear power, its army is one of the strongest in the world, and has the latest weapons. The priority areas of state policy should be the military-patriotic education of a new generation, maintaining the moral and spiritual state of military personnel, training in warfare in the face of technological opposition from other countries.

Thirdly, state and public security should be aimed at developing civil society, providing measures to prevent anti-terrorist, extremist activities, reduce crime, corruption, ensure road safety, protect the population from dangerous infectious diseases, etc.

Fourth, the reliability of information security. Over the past decades, the Internet has been rapidly developing, and along with significant benefits, it also poses a number of threats to the country's security. Since the Internet has not been controlled for a long time, and only in recent years, in connection with this, the state is actively starting to work in this direction, solving the problems of combating cybercrime, increasing the state of user protection in the Internet space.

Fifth, addressing issues of maintaining economic security in the new realities, when almost half of the world turned against the Russian Federation, the country's economic security is primarily aimed at developing cooperation with the countries of the East, abandoning the dollar, and supporting domestic producers.

Sixth, the creation of conditions for scientific and technological development in order to ensure sustainable growth and increase the competitiveness of the Russian economy, which requires state stimulation of scientific, scientific, technical and innovative activities, an increase in private investment in the development of such activities and the accelerated implementation of its results in production.

The goal of the scientific and technological development of the Russian Federation is to ensure the technological independence and competitiveness of the country, the achievement of national development goals and the implementation of strategic national priorities.

Seventh, solving the problems of creating environmental security and rational use of natural resources, which is one of the most significant areas for ensuring the national security of the Russian Federation. The task of the state in this direction is as follows: control of air pollution by industrial production, waste processing, mining, the release of household and industrial waste into the environment, deforestation, etc.

Eighth, the protection of traditional Russian spiritual and moral values, culture and historical memory [6, p. nine].

The changes taking place in the modern world affect not only interstate relations, but also universal values. Having reached a high level of socio-economic and technological development, humanity is faced with the threat of losing traditional spiritual and moral guidelines and sustainable moral principles.

Basic moral and cultural norms, religious foundations, the institution of marriage, and family values are exposed to more and more destructive influence. Individual freedom is being absolutized, permissiveness, immorality and selfishness are being actively promoted, a cult of violence, consumption and pleasure is being planted, drug use is being legalized, communities are being formed that deny the natural continuation of life. Problems of interethnic and interfaith relations become the subject of geopolitical games and speculations that give rise to enmity and hatred.

The planting of alien ideals and values, the implementation of reforms in the field of education, science, culture, religion, language and information activity without taking into account historical traditions and experience of previous generations lead to increased disunity and polarization of national societies, destroy the foundation of cultural sovereignty, undermine the foundations of political stability and statehood. Revision of the basic norms of morality, psychological manipulation because irreparable damage to the moral health of a person, encourage destructive behavior, create conditions for the self-destruction of society. The gap between generations is widening. At the same time, manifestations of aggressive nationalism, xenophobia, religious extremism and terrorism are growing.

Ninth, ensuring strategic stability and mutually beneficial international cooperation. In this direction, the Russian Federation strives, first of all, for a peaceful settlement of any emerging conflicts. And also strive for equality, so that not one country dictates the rules of the game to another country. In turn, Russia is actively open to cooperation and negotiations with any countries, in turn, actively cooperate with the CIS and BRICS countries.

To create and maintain the required level of protection of security objects in our state, a system of legal norms is being developed that regulates the relations of objects with subjects of ensuring the national security of the Russian Federation. These norms determine the main areas of activity of state authorities and administration (national security agencies), and the mechanism for monitoring and supervising their activities.

Russia is promoting the philosophy of an alternative model (for example, the Eurasian idea of complementary economic spaces) at the international level – in the format of a multipolar world, that is, a world of equal cultures and civilizations. Such a scenario opens up prospects for long-term peace and joint development of the countries of Eurasia, based on the principles of equivalence. Equivalence does not mean erasing differences – countries and their capabilities naturally differ. But this does not allow external players to collect unfair rents through military superiority, cash loans and, more importantly, through cultural interventions that destroy societies [7, p. 58].

New National Security Strategy of Russia [1], signed by the President of the Russian Federation V.V. Putin on July 2, 2021, is not just an update of the previous document, adopted in 2015, when relations with the West had already deteriorated sharply as a result of the Ukrainian crisis, its new version covers not only national security issues, but also a number of other issues, from the economy to the environment, from values to defense.

Russia's National Security Strategy sets out a view of a world undergoing transformation and upheaval. It concludes that the hegemony of the West is close to completion. In economic terms, Russia faces unfair competition in the form of various restrictions designed to harm and deter it; from a security perspective, the use of force is a growing threat; Russia's traditional values and historical heritage are under attack; in domestic politics, Russia has to deal with foreign machinations aimed at provoking long-term instability in the country [12].

Thus, the central feature of the state policy in the field of ensuring national security is its focus on the development of the country itself: demography, political stability and sovereignty, national harmony and harmony, economic development based on new technologies, environmental protection and adaptation to climate change and, last but not least, but no less important is the spiritual and moral climate.

In general, the modern National Security Strategy of Russia is aimed at strengthening the defense capability, internal unity and political stability, at modernizing the economy and developing industrial potential, strengthening the sovereign statehood of Russia as a country capable of pursuing an independent foreign and domestic policy, effectively resisting attempts from external pressure [1]. After all, the sovereignty of the state is the supremacy of state

power; it is the independence and independence of state power, the indisputability of its decisions both within the country and in the field of international relations. This is independence from foreign states and international structures. In practice, such interaction is constantly carried out, especially at the state level. However, the restriction of state power, its infringement, and substitution by any internal or external structures is impossible [5, p. 25].

Conflict of interest.

The author confirms the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // www.consultant.ru
2. Bobrova O.L., Podberezkin A.I., Podberezkina O.A. Specifics of NGOs and the legal basis for their activities // *Obozrevatel*. 2021. No. 8. P. 17–49.
3. Bobrova O.L., Podberezkin A.I. Political and legal issues of countering manifestations aimed at undermining the foundations of the statehood of the Russian Federation. Moscow: Prospekt, 2021, p. 49.
4. Ilnitsky A.M. Mental war of Russia // *Military thought*. 2021. No. 8. P. 19–33.
5. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S. A. Komarov [and others]; ed. S.A. Komarov. 4th ed., revised. and additional Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 343 p. (Series: Professional Comments).
6. Kukovskiy A.A. The mechanism for ensuring national security // *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 2010. No. 8 (214). Pp. 9–11.
7. Mamisheva Z.A. Legal basis for ensuring national security // *Bulletin of the Adyghe State University*. 2012. No. 1. P. 230–236.
8. Podberyozkin A.I. Information-cognitive power "formatting" of the ruling elites of subjects of the military-political situation in the "transitional period" // *Concept: philosophy, religion, culture*. 2019. No. 2 (10). Pp. 113–134.
9. Podberezkin A.I. Assessment and forecast of the development of the scenario of the military-political situation and its specific options in the third decade of the new century // *Threats to the national security of the Russian Federation*. 2022. No. 78. P. 22.
10. Podberyozkin A.I. Assessment and forecast of the military-political situation. Moscow: Yustitsinform, 2021. 1080 p.
11. Podberezkin A.I., Podberezkina O.A. The policy of sanctions as part of the policy of "power coercion". Part 1 // *Browser*. 2018. No. 11 (346). Pp. 6–26.
12. Putin V.V. Transcript of Putin's speech at the Davos Agenda 2021 online forum // [Electronic resource] // URL: [https:// president.org/](https://president.org/) (date of access: 02.12.2022).

For citation: Ilembetov A.K. Ensuring the national security of the Russian Federation in the conditions of a special military operation in Ukraine: an article // *Legal Thought*. 2022. No. 4. P. 24–29.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.002

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.003

В.Д. Сорокин о едином предмете правового регулирования общественных отношений

Д.В. Пархоменко*

Аннотация. В статье дается анализ идеи профессора В.Д. Сорокина о едином предмете правового регулирования, как основного звена авторской концепции механизма правового регулирования и построения системы права. Особое внимание уделяется раскрытию основных признаков и свойств системности, специфики отношений социально-нравственной среды и отношений социально-правовой среды, исследуется структура единого предмета правового регулирования и элементный состав системы права.

Автор солидарен с точкой зрения В.Д. Сорокина о том, что для возникновения и формирования новых институтов и отраслей нужны объективные основания, вытекающие из системного строения права, а не ситуативные потребности и организаторские способности.

Ключевые слова: система права, общественные отношения, предмет правового регулирования, метод правового регулирования, отрасль права, системность права.

Введение. Категория «единый предмет правового регулирования» была впервые сформулирована и обоснована В.Д. Сорокиным в 1968 году в его докторской диссертации «Вопросы теории административно-процессуального права» [10]. Эта идея стала первичным звеном авторской концепции механизма правового регулирования и строения системы права. В.Д. Сорокин упоминает два события в политико-правовой жизни СССР, сформировавших контекст и явившихся отправными точками для формирования его концепции.

Первое, это Всесоюзное совещание советских юристов 1938–1940 гг., на котором были выработаны рекомендации, определившие дальнейшие направления исследований в правовой науке, в том числе состоящие в том, что у каждой отрасли есть свой предмет и свой метод правового регулирова-

* **Пархоменко Даниил Валериевич**, аспирант кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: Pd75@yandex.ru

Научный руководитель **Комаров Сергей Александрович** – научный руководитель Института, профессор кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, доктор юридических наук, профессор. E-mail: SVKumarov2008@yandex.ru.

ния [9, с. 57]. Данная установка, с одной стороны, вызвала у В.Д. Сорокина возражения и подтолкнула его к обоснованию альтернативных позиций.

С другой стороны, стоит отметить ту уникальную обстановку, в которой проходило это совещание. Это была эпоха модерна, эпоха революции и построения нового общества [2, с. 902–904]. В 1936 году была принята новая Конституция СССР, и «в советской России доктрина права как системы норм, целенаправленно, рационально конструируемая для выполнения определённых социальных задач, стала фактическим планом строительства нового правопорядка» [6, с. 45]. Можно сказать, что правовой науке был сформулирован заказ на построение новой правовой системы практически с нуля. Шел интенсивный научный поиск.

Второе, это ряд партийных решений 1960-х годов, после которых начались исследования в области науки управления, общей теории систем, информатики. Это открыло дорогу к использованию методологии системного анализа применительно к системным правовым явлениям, таким как система права. «Именно тогда право в полной мере стало рассматриваться как многоуровневая целостность, образуемая взаимодействием составляющих ее элементов, т.е. отраслей» [9, с. 57].

Использование методологии системного анализа поставило под сомнение концепцию «у каждой отрасли есть свой предмет и свой метод». В правовых исследованиях сменились приоритеты, система права стала рассматриваться как системное целое, а отрасли, как элементы этой системы. Ранее вершиной считался отраслевой уровень, где каждая отрасль имеет свой предмет и свой метод правового регулирования [8, с. 83].

Обоснование правовой категории единый предмет правового регулирования. Основываясь на методологии общей теории систем, В.Д. Сорокин начинает свое исследование с человеческого общества, как социальной системы высшего порядка. Далее он переходит к ее подсистемам – социальным системам низшего порядка, отмечая, что они имеют общую с ней сущность, а затем из этих подсистем выделяет социальные управленческие и социальные регулятивные. Из числа социальных регулятивных систем выделяются система права и система норм нравственности [7, с. 257].

В.Д. Сорокин характеризует систему права как сложную социальную систему, включающую подсистемы второго и третьего порядка (отрасли, институты), и выделяет следующие признаки системности:

- 1) необходимый, объективный характер объединения частей правового системного целого;
- 2) объединение частей происходит по содержательным основаниям, характеризующим субстанциональные особенности их свойств и связей;
- 3) структурная упорядоченность частей, определяющая их функциональные зависимости и взаимодействие;
- 4) наличие у системного правового целого свойства относительной самодостаточности;
- 5) относительная устойчивость системного правового целого, в пределах которого допустимы изменения свойств его частей и их связей;
- 6) относительная автономность функционирования системного правового целого, степень которой определяет уровень данной системы [7, с. 268].

Основываясь на этих признаках, он делает вывод, что «если право – это система, целостность, обладающая известной структурой, то у системы права обязательно должен быть адекватный ей единый предмет правового регулирования», системными элементами которого являются группы отношений – предметы отраслей, образующих систему права [7, с. 270].

Исходя из этого вывода, В.Д. Сорокин утверждает, что дальнейшее изучение системы права, основанное на методологии системного анализа, возможно только с использованием категории единый предмет правового регулирования, поскольку предмет регулирования системы права не может быть выведен путем суммации предметов отраслей права. Новые отрасли появляются и исчезают, но это «не способно коренным образом отразиться на системе права», поскольку «право как система существует совершенно независимо от «набора» составляющих его отраслей в данный период времени» [7, с. 272].

Обозначая единый предмет правового регулирования как группу общественных отношений, которые объективно требуют правового регулирования, В.Д. Сорокин считает, что эта группа общественных отношений выделяется из социальной среды путем ее разделения на «отношения социально-нравственной среды» и «отношения социально-правовой среды». Для последних характерно, что эти отношения «несмотря на разнообразие их содержания, объединяет принципиальная общность: их объективная потребность именно в юридическом регулировании с использованием возможностей, заложенных в праве, как особом социальном регуляторе» [9, с. 54].

Также отмечается «диалектическое взаимодействие между системой права и социально-правовой средой: потребности социально-правовой среды порождают, в конечном счете, систему права, но система права в свою очередь, оказывает на нее объективно необходимое обратное воздействие, закрепляя и создавая оптимальные условия для существования общественных отношений, складывающихся в сфере социально-правовой среды» [7, с. 278].

Таким образом, В.Д. Сорокин делает *«вывод, имеющий принципиальное значение и заключающийся в признании социально-правовой среды в качестве единого предмета правового регулирования для системы права в целом»* [7, с. 279]. Далее он приводит аргументы в пользу необходимости признания категории единого предмета правового регулирования.

Во-первых, право представляет собой целостную социальную систему, и каждый ее элемент в виде отрасли обладает присущими всей системе качествами. Такое качество отрасли, как наличие отраслевого предмета, должно присутствовать и в системе права.

Во-вторых, право призвано регулировать определенные общественные отношения и в то же время им соответствовать. Следовательно, как различные виды общественных отношений вызывают к жизни соответствующие отрасли права, так и необходимо признать, что все общественные отношения, складывающихся в социально-правовой среде, являются причиной, порождающей следствие, обладающее ясно выраженными системными свойствами – систему права.

В.Д. Сорокиным выдвинута формула: объективно существует единый предмет правового регулирования – целостная система тех общественных

отношений, которым система права должна соответствовать и на которые она в свою очередь активно воздействует. Также «можно сказать, что эта система определенным образом проецирует в праве свою собственную структуру» [7, с. 281]. Более того, «единый предмет правового регулирования есть основной системообразующий фактор, порождающий целостность права как единого социального регулятора» [8, с. 48].

Структура единого предмета правового регулирования. Анализируя структуру единого предмета правового регулирования, В.Д. Сорокин выделяет две группы элементов. К первой он относит фактические общественные отношения разнообразного содержания, объективно нуждающиеся именно в правовом регулировании.

Ко второй – обобщенные юридические модели этих общественных отношений, которые в свою очередь состоят из следующих правовых конструкций:

1) статус субъекта права, определяющий положение соответствующего субъекта права безотносительно к тому, будет ли он участником какого-либо конкретного правоотношения или нет;

2) конкретные связи, возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся в социально-правовой среде, принимающие под воздействием правового регулирования форму правовых отношений – материальных и процессуальных;

3) поведение субъекта вне правоотношений, т.е. воздержание от действий, запрещенных правом, которые расцениваются как правонарушения [8, с. 60].

Также В.Д. Сорокин считает обоснованным и другой способ структурирования единого предмета правового регулирования путем выделения элементов по особенностям содержания предметно обособленных групп общественных отношений. Это, по существу, отраслевое деление правовых норм, по отношению к соответствующим группам общественных отношений.

Но он идет дальше и предлагает «вариант структуры единого предмета правового регулирования, когда критерием деления является то, на каком уровне в системе права регулируется данный элемент структуры единого предмета – на уровне ли нормы права, правового института отрасли права, наконец, системы права в целом» [8, с. 66]. Этот критерий позволяет судить о социальной значимости данной группы общественных отношений, их социальной развитости.

Значение категории «единый предмет правового регулирования» для правовой науки. В.Д. Сорокин высказывает мнение, что признание единого предмета правового регулирования как реально существующего правового явления имеет большое значение для правовой науки, так как «позволяет иметь несравненно более полную картину воздействия права в целом на социально-правовую среду» [8, с. 67]. Тем более он делает вывод о том, что «у единого предмета правового регулирования должен быть и действительно существует *единый метод* правового регулирования», поскольку «единый предмет правового регулирования определяет объективную необходимость использования именно правовых средств регулирования отношений социально-правовой среды в полном объеме.

Следовательно, применительно к сфере действия всей системы российского права как целостной системы юридические средства в своей совокупности совершенно безразличны к отраслевой дифференциации и неизбежно проявляют себя в качестве единого метода правового регулирования» [7, с. 286].

Основываясь на категориях единый предмет правового регулирования и единый метод правового регулирования, В.Д. Сорокиным была выстроена авторская концепция механизма правового регулирования и построения системы права. Однако, научно-правовое сообщество достаточно сдержанно восприняло эту концепцию, как и единый предмет правового регулирования, обоснованный В.Д. Сорокиным как системное правовое явление.

Так, применение методологии системного анализа и выводы о системной целостности системы права не вызывали возражений. Но при этом содержательного развития тезис о системной целостности не получил. Например, С.А. Комаров в учебнике «Общая теория государства и права», представляет систему права как целое через такие понятия как «внутренняя структура права» [3, с. 361], «устойчивое единство элементов» [3, с. 362], «совокупность», «объединение» [3, с. 363].

С.С. Алексеев определяет систему права как «сложный, спаянный жесткими закономерными связями организм, отличающийся многоуровневым характером, иерархическими зависимостями» [1, с. 107]. При этом В.Д. Сорокин последовательно отстаивал точку зрения, что системная совокупность и системная целостность – это разные понятия, имеющие разные качества и проявляющие разные свойства.

Сама же идея о существовании единого предмета правового регулирования поддержки в научно-правовой среде не получила [8, с. 57]. Зачастую при рассмотрении вопроса о предмете правового регулирования данная категория не используется. Например, С.А. Комаров в вышеупомянутом учебнике дает такое определение: «общественные отношения являются предметом правового регулирования, объектом воздействия права» [3, с. 90].

При рассмотрении системы права продолжает доминировать концепция о наличии у каждой отрасли своего предмета и своего метода, без упоминания о предмете для всей системы права [1, с. 102–112; 3, с. 360–367]. Отдельные авторы упоминают о категории единого предмета правового регулирования, но отмечают, что концепция В.Д. Сорокина стоит особняком среди научных работ по данной проблеме, и в содержательную часть этой концепции не углубляются [4, с. 40].

В.Д. Сорокин с сожалением отмечает, что «невозможно понять, как, говоря о системном характере права, подчеркивая его целостность как юридической реальности, и в то же время игнорировать, с моей точки зрения, совершенно бесспорный факт – существование у системы российского права в целом своего, единого предмета правового регулирования – отношений «социально-правовой среды». Такой взгляд на систему права имеет существенные недостатки.

Во-первых, игнорируется «коренная общность соответствующих групп общественных отношений – отраслевых предметов».

Во-вторых, система права в этом случае оказывается не системой в точном смысле этого слова, а совокупностью имеющихся отраслей» [9, с. 59].

В.Д. Сорокин подчеркивает, что система права должна развиваться именно системно. Для возникновения и формирования новых институтов и отраслей нужны объективные основания, вытекающие из системного строения права, а не ситуативные потребности и организаторские способности. Поэтому для развития правовой науки, по его мнению, имеет большое значение изучение системных свойств права, что подразумевает использование такой категории как единый предмет правового регулирования.

Исследование свойств единого предмета правового регулирования, системе общественных отношений которого соответствует система отраслей права, по мнению В.Д. Сорокина, позволит сформулировать общие методологические положения, которые послужат необходимой основой для более глубоких представлений об отраслевых предметах регулирования [8, с. 55].

Заключение. В настоящее время обозначенные В.Д. Сорокиным проблемные вопросы, относящиеся к системному строению права, в общих чертах признаются. Например, В.Н. Синюков отмечает, что «положения дореволюционной, советской и даже уже постсоветской юридической доктрины далеко не всегда адекватны новым общественным отношениям», что «система права в традиционном понимании в современном правовом регулировании демонстрирует условность границ своих элементов», что «в базовых отраслях накопилась критическая масса вопросов, разрешение которых возможно только на междисциплинарном, общетеоретическом уровне», что «часть этих вопросов стала результатом, по сути, изолированного, схоластического, развития отраслей законодательства», и поэтому базовые отрасли «по сути, ведут себя крайне неадекватно своей прежней советской природе и отрицают классические представления о разнопредметности правового регулирования». И заключает, что «надо вернуться к вопросу о закономерном строении права как самостоятельного социального института» [5, с. 25–26].

Примечательно, что В.Н. Синюков, констатируя вышеизложенное в 2018 году, не упоминает В.Д. Сорокина и его концепцию. Но именно об этом предупреждал В.Д. Сорокин в работах, опубликованных с 1972 по 2003 год. И именно поэтому он призывал рассматривать систему права как единое целое, что подразумевает признание и дальнейшее исследование такого правового явления, как единый предмет правового регулирования для системы права в целом.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Теория права. – 2-е изд., стереотип./ С.С. Алексеев/ – Харьков: БЕК, 1994. – 224 с.
2. История политических и правовых учений: Учебник для вузов. Под общ. ред. проф. В.С. Нерсисянца. – 4-е изд. – М.: Норма, 2004. – 944 с.
3. Комаров С.А. Общая теория государства и права: Учебник. – 10-е изд. – М.: Юрайт, 2022. – 528 с.
4. Лепехин А.А. Структура предмета правового регулирования: теоретический анализ // Закон и право. – 2014. – № 12. – С. 39–41.

5. *Синюков В.Н.* Общая теория права и развитие отраслевых юридических наук // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 9. – С. 19–30.

6. *Синюков В.Н.* Системная методология и закономерности правового регулирования // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия: Юриспруденция. – 2017. – № 4. – С. 42–51.

7. *Сорокин В.Д.* Административный процесс и административно-процессуальное право. – СПб.: Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2002. – 474 с.

8. *Сорокин В.Д.* Правовое регулирование: Предмет, метод, процесс (макроуровень). – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 661 с.

9. *Сорокин В.Д.* Что такое единый предмет правового регулирования // Юридическая мысль. – 2001. – № 2. – С. 53–61.

10. *Сорокин В.Д.* Вопросы теории административно-процессуального права: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – Л.: ЛГУ, 1968. – 39 с.

Для цитирования: *Пархоменко Д.В.* В.Д. Сорокин о едином предмете правового регулирования общественных отношений: статья // Юридическая мысль. – 2022. – № 4. – С. 30–36.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.003

V.D. Sorokin on a single subject of legal regulation of public relations

Daniil V. Parkhomenko *

Annotation. The article analyzes the idea of Professor V.D. Sorokin about a single subject of legal regulation, as the main link in the author's concept of the mechanism of legal regulation and the construction of a system of law. Particular attention is paid to the disclosure of the main features and properties of consistency, the specifics of the relations of the social and moral environment and the relations of the social and legal environment, the structure of a single subject of legal regulation and the elemental composition of the legal system are studied.

The author agrees with the point of view of V.D. Sorokin that for the emergence and formation of new institutions and industries, objective grounds are needed, arising from the systemic structure of law, and not situational needs and organizational skills.

Key words: system of law, public relations, subject of legal regulation, method of legal regulation, branch of law, systematic nature of law.

Introduction. The category "a single subject of legal regulation" was first formulated and substantiated by V.D. Sorokin in 1968 in his doctoral thesis "Issues of the theory of administrative procedural law" [10]. This idea became the primary link in the author's concept of the mechanism of legal regulation

* **Parkhomenko Daniil Valerievich**, postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg). E-mail: Pd75@yandex.ru

Supervisor **Komarov Sergey Aleksandrovich** - scientific supervisor of the PEI VO "Legal Institute" (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, President of the Interregional Association of Theorists of State and Law, Doctor of Law, Professor. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru.

and the structure of the legal system. V.D. Sorokin mentions two events in the political and legal life of the USSR that formed the context and was the starting points for the formation of its concept.

The first is the All-Union Conference of Soviet Lawyers in 1938–1940, which developed recommendations that determined further areas of research in legal science, including the fact that each industry has its own subject and its own method of legal regulation [9, p. 57]. This installation, on the one hand, caused V.D. Sorokin objections and pushed him to substantiate alternative positions. On the other hand, it is worth noting the unique environment in which this meeting took place. It was the era of modernity, the era of revolution and the construction of a new society [2, p. 902–904]. In 1936, the new Constitution of the USSR was adopted, and “in Soviet Russia, the doctrine of law as a system of norms, purposefully, rationally designed to fulfill certain social tasks, became the actual plan for building a new legal order” [6, p. 45]. It can be said that legal science was given an order to build a new legal system practically from scratch. There was an intensive scientific search.

The second is a series of party decisions in the 1960s, after which research began in the field of management science, general systems theory, and computer science. This opened the way to the use of the system analysis methodology in relation to systemic legal phenomena, such as the system of law. “It was then that law began to be fully considered as a multi-level integrity formed by the interaction of its constituent elements, i.e. industries” [9, p. 57].

The use of system analysis methodology challenged the concept of “each industry has its own subject and its own method.” Priorities have changed in legal research; the system of law has begun to be regarded as a systemic whole, and industries as elements of this system. Previously, the industry level was considered the top, where each industry has its own subject and its own method of legal regulation [8, p. 83].

Justification of the legal category is a single subject of legal regulation. Based on the methodology of the general systems theory, V.D. Sorokin begins his research with human society as a social system of a higher order. Then he proceeds to its subsystems – social systems of a lower order, noting that they have a common essence with it, and then from these subsystems he singles out social managerial and social regulatory ones. Among the social regulatory systems, a system of law and a system of moral norms stand out [7, p. 257].

V.D. Sorokin characterizes the system of law as a complex social system, including subsystems of the second and third order (industries, institutions), and identifies the following signs of consistency:

- 1) the necessary, objective nature of the unification of parts of the legal systemic whole;
- 2) the unification of parts occurs on substantive grounds that characterize the substantial features of their properties and relationships;
- 3) structural ordering of parts, which determines their functional dependencies and interaction;
- 4) the systemic legal whole has the property of relative self-sufficiency;
- 5) the relative stability of the systemic legal whole, within the limits of which changes in the properties of its parts and their connections are permissible;

6) the relative autonomy of the functioning of the systemic legal whole, the degree of which determines the level of this system [7, p. 268].

Based on these features, he concludes that "if law is a system, integrity, with a known structure, then the system of law must necessarily have a single subject of legal regulation adequate to it", the system elements of which are groups of relations – objects of industries, forming a system of law [7, p. 270].

Based on this conclusion, V.D. Sorokin argues that further study of the system of law, based on the methodology of system analysis, is only possible using the category of a single subject of legal regulation, since the subject of regulation of the legal system cannot be derived by summing up the subjects of branches of law. New branches appear and disappear, but this "is not able to radically affect the system of law", since "law as a system exists completely independently of the "set" of its constituent branches in a given period of time" [7, p. 272].

Denoting a single subject of legal regulation as a group of social relations that objectively require legal regulation, V.D. Sorokin believes that this group of social relations stands out from the social environment by dividing it into "relations of the socio-moral environment" and "relations of the social and legal environment". For the latter, it is characteristic that these relations "despite the diversity of their content, are united by a fundamental commonality: their objective need is precisely in legal regulation using the possibilities inherent in law as a special social regulator" [9, p. 54].

It also notes "the dialectical interaction between the system of law and the socio-legal environment: the needs of the socio-legal environment ultimately give rise to the system of law, but the system of law, in turn, has an objectively necessary feedback effect on it, consolidating and creating optimal conditions for existence public relations emerging in the sphere of the social and legal environment" [7, p. 278].

Thus, V.D. Sorokin makes "a conclusion that is of fundamental importance and consists in recognizing the social and legal environment as a single subject of legal regulation for the system of law as a whole" [7, p. 279]. Further, he gives arguments in favor of the need to recognize the category of a single subject of legal regulation.

Firstly, law is an integral social system, and each of its elements in the form of an industry has qualities inherent in the entire system. Such a quality of an industry as the presence of an industry subject should also be present in the system of law.

Secondly, law is designed to regulate certain social relations and at the same time comply with them. Consequently, just as different types of social relations bring to life the corresponding branches of law, it is also necessary to recognize that all social relations that develop in the socio-legal environment are the cause that gives rise to a consequence that has clearly expressed systemic properties – a system the rights.

V.D. Sorokin put forward a formula: objectively there is a single subject of legal regulation – an integral system of those social relations that the system of law must comply with and which it, in turn, actively influences. Also, "it can be said that this system in a certain way projects its own structure into the law" [7, p. 281]. Moreover, "a single subject of legal regulation is the main

backbone factor that generates the integrity of law as a single social regulator” [8, p. 48].

The structure of a single subject of legal regulation. Analyzing the structure of a single subject of legal regulation, V.D. Sorokin distinguishes two groups of elements. He refers to the first one the actual social relations of various content, which objectively need legal regulation.

To the second – generalized legal models of these social relations, which in turn consist of the following legal structures:

1) the status of the subject of law, which determines the position of the corresponding subject of law, regardless of whether he will be a participant in any particular legal relationship or not;

2) specific connections that arise, change and stop in the social and legal environment, taking under the influence of legal regulation the form of legal relations – material and procedural;

3) the behavior of the subject outside the legal relationship, i.e. refraining from actions prohibited by law, which are regarded as offenses [8, p. 60].

Also V.D. Sorokin considers justified another way of structuring a single subject of legal regulation by highlighting the elements according to the specifics of the content of subject-specific groups of social relations. This is, in essence, a sectoral division of legal norms, in relation to the corresponding groups of public relations. But he goes further and offers “a variant of the structure of a single subject of legal regulation, when the criterion for division is at what level in the system of law this element of the structure of a single subject is regulated – whether at the level of a rule of law, a legal institution of a branch of law, and finally, the system of law as a whole » [8, p. 66]. This criterion makes it possible to judge the social significance of this group of social relations, their social development.

The value of the category is «a single subject of legal regulation» for legal science. V.D. Sorokin expresses the opinion that the recognition of a single subject of legal regulation as a real-life legal phenomenon is of great importance for legal science, as it “allows us to have an incomparably more complete picture of the impact of law as a whole on the social and legal environment” [8, p. 67]. Moreover, he concludes that “a single subject of legal regulation should have and indeed exists a single method of legal regulation”, since “a single subject of legal regulation determines the objective need to use precisely legal means of regulating relations of social and legal environment in full. Consequently, in relation to the scope of the entire system of Russian law as an integral system, legal means in their totality are completely indifferent to sectoral differentiation and inevitably manifest themselves as a single method of legal regulation” [7, p. 286].

Based on the categories of a single subject of legal regulation and a single method of legal regulation, V.D. Sorokin built the author's concept of the mechanism of legal regulation and the construction of a system of law. However, the scientific and legal community accepted this concept rather restrainedly, as well as a single subject of legal regulation, justified by V.D. Sorokin as a systemic legal phenomenon.

Thus, the application of the methodology of system analysis and conclusions about the systemic integrity of the system of law did not raise objections.

But at the same time, the thesis of systemic integrity has not received meaningful development. For example, S.A. Komarov in the textbook "The General Theory of State and Law" presents the system of law as a whole through such concepts as "the internal structure of law" [3, p. 361], "sustainable unity of elements" [3, p. 362], "collection", "association" [3, p. 363]. S.S. Alekseev defines the system of law as "a complex organism welded together by rigid regular connections, characterized by a multi-level nature, hierarchical dependencies" [1, p. 107]. At the same time, V.D. Sorokin consistently defended the point of view that the system totality and system integrity are different concepts that have different qualities and exhibit different properties.

The very idea of the existence of a single subject of legal regulation did not receive support in the scientific and legal environment [8, p. 57]. Often, when considering the subject of legal regulation, this category is not used. For example, S.A. Komarov in the aforementioned textbook gives the following definition: "public relations are the subject of legal regulation, the object of the impact of law" [3, p. 90]. When considering the system of law, the concept that each branch has its own subject and its own method continues to dominate, without mentioning the subject for the entire system of law [1, p. 102–112; 3, p. 360–367]. Some authors mention the category of a single subject of legal regulation, but note that the concept of V.D. Sorokina stands apart among the scientific developments on this issue, and they do not go deep into the content of this concept [4, p. 40].

V.D. Sorokin notes with regret that "it is impossible to understand how, speaking about the systemic nature of law, emphasizing its integrity as a legal reality, and at the same time ignoring, from my point of view, an absolutely indisputable fact – the existence of the Russian legal system as a whole its own, single subject of legal regulation – the relations of the "social and legal environment". This view of the system of law has significant shortcomings. First, it ignores "the fundamental commonality of the relevant groups of social relations – sectoral subjects." Secondly, the system of law in this case turns out to be not a system in the exact sense of the word, but a set of existing industries" [9, p. 59].

V.D. Sorokin emphasizes that the system of law should develop systematically. For the emergence and formation of new institutions and industries, objective grounds are needed, arising from the systemic structure of law, and not situational needs and organizational abilities. Therefore, for the development of legal science, in his opinion, the study of the system properties of law is of great importance, which implies the use of such a category as a single subject of legal regulation.

The study of the properties of a single subject of legal regulation, the system of public relations of which corresponds to the system of branches of law, according to V.D. Sorokin, will allow us to formulate general methodological provisions that will serve as the necessary basis for a deeper understanding of industry-specific subjects of regulation [8, p. 55].

Conclusion. Currently designated V.D. Sorokin recognizes problematic issues related to the systemic structure of law in general terms. For example, V.N. Sinyukov notes that "the provisions of the pre-revolutionary, Soviet and even post-Soviet legal doctrine are by no means always adequate to new social relations", that "the system of law in the traditional sense in modern legal regu-

lation demonstrates the conditionality of the boundaries of its elements”, that “basically industries, a critical mass of issues has accumulated, the resolution of which is possible only at an interdisciplinary, general theoretical level,” that “some of these issues were the result of, in fact, an isolated, scholastic, development of branches of legislation,” and therefore the basic industries “essentially, behave extremely inappropriately to their former Soviet nature and deny the classical ideas about the diversity of legal regulation”. And he concludes that “it is necessary to return to the question of the regular structure of law as an independent social institution” [5, p. 25–26].

It is noteworthy that V.N. Sinyukov, stating the above in 2018, does not mention V.D. Sorokin and his concept. But V.D. warned about this. Sorokin in works published from 1972 to 2003. And that is why he called for considering the system of law as a whole, which implies the recognition and further study of such a legal phenomenon as a single subject of legal regulation for the system of law as a whole.

Conflict of interest.

The author confirms the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Alekseev S.S. Theory of law. 2nd ed., stereotype / S.S. Alekseev / Kharkov: BEK, 1994. 224 p.
2. History of political and legal doctrines: Textbook for universities. Under total ed. prof. V.S. Nersesyants. 4th ed. Moscow: Norma, 2004. 944 p.
3. Komarov S.A. General theory of state and law. Textbook. 10th ed. Moscow: Yurayt, 2022. 528 p.
4. Lepekhin A.A. The structure of the subject of legal regulation: theoretical analysis // Law and law. 2014. No. 12. P. 39–41.
5. Sinyukov V.N. General theory of law and development of branch legal sciences // Actual problems of Russian law. 2018. No. 9. P. 19–30.
6. Sinyukov V.N. System methodology and laws of legal regulation // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2017. No. 4. P. 42–51.
7. Sorokin V.D. Administrative process and administrative procedural law. St. Petersburg: Publishing House of the Law Institute (St. Petersburg), 2002. 474 p.
8. Sorokin V.D. Legal regulation: Subject, method, process (macro-level). St. Petersburg: Legal Center Press, 2003. 661 p.
9. Sorokin V.D. What is a single subject of legal regulation // Legal Thought. 2001. No. 2. P. 53–61.
10. Sorokin V.D. Questions of the theory of administrative procedural law: author. diss. ... doc. legal Sciences. Leningrad: Leningrad State University, 1968. 39 p.

For citation: Parkhomenko D.V. V.D. Sorokin on a single subject of legal regulation of public relations: an article // Legal Thought. 2022. No. 4. P. 36–41.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.003

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.004

Оптимизация правовой регламентации института предоставления муниципальных услуг

Д.Р. Ганиева*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы нормативно-правового регулирования института предоставления муниципальных услуг. Автор делает вывод о недостаточности процессуальных норм в части установления ответственности как значительный пробел в ее правовой регламентации, негативно сказывающийся на правовом регулировании различных общественных отношениях.

В контексте данной статьи предлагается внести изменения в ст. 6 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», дополнив норму дополнительным положением, который бы разрешал вопрос об установлении конкретного вида ответственности за нарушение порядка и сроков предоставления государственных и муниципальных услуг.

Ключевые слова: муниципальные услуги, правовая регламентация, органы местного самоуправления, муниципальные органы власти, административная ответственность.

Известно, что эффективность политики любого государства в настоящее время оценивается одновременно и качеством деятельности муниципальных органов власти, а также и надлежащим уровнем оказания услуг населению. Для обеспечения высокой степени обслуживания, муниципальные органы власти обязаны поддерживать надлежащий уровень услуг и снижать стоимость их оказания.

Результативность деятельности муниципальных органов власти достигается только при постоянном совершенствовании их работы с учетом результатов нормативно-правового регулирования, потребностей общества и общей социально-политической ситуации в стране. В качестве таких мер

* **Ганиева Даяна Радиковна** – магистрант Института права Уфимского университета науки и технологий. E-mail: dayana.ganieva98@mail.ru

Научный руководитель **Комаров Сергей Александрович** – профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, профессор. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

можно отнести регламентацию и стандартизацию действий субъектов по оказанию муниципальных услуг гражданам в целях обеспечения надлежащего качества и сокращении сроков их оказания.

Определение муниципальной услуги как деятельности муниципальных органов и других организаций, отвечающих за их предоставление и исполнение, подчёркивает правильность проведения административной реформы в России в конце прошлого века в целях оптимизации деятельности органов государственной власти [6, с. 47].

Исходя из легального определения муниципальных услуг, их основными признаками являются: во-первых, оказание по запросу заявителей; во-вторых, они предоставляются в пределах полномочий муниципального органа власти; в-третьих, они предоставляются в соответствии с нормативно-правовыми актами [9, с. 59]. Данные признаки корреспондируются с принципами предоставления муниципальных услуг, закрепленными в ст. 4 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [5].

В Конституции Российской Федерации все службы местного самоуправления объединены в общую структуру публичной власти нашего государства, призванной разрешать многочисленные сложности местной значимости в интересах населения, проживающей на его территории (положения ч.1 и 3 ст. 132 Конституции РФ) [1; 8, с. 380–385]. Каждая муниципальная служба наделяется самостоятельными собственными полномочиями, что закрепляется в ч. 2 ст. 132 Конституции РФ [1; 8, с. 384–385]. Все конституционные положения подвергаются неизбежному совершенствованию и обязательной конкретизации, присутствуя в содержании, как федерального, так и регионального законодательства, действующих на территории Российской Федерации.

Например, в абзаце 13 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4] любые вопросы, обладающие местной значимостью определяются, как вопросы полноценного обеспечения жизнедеятельности любого из представителей населения определенного муниципального образования (будь то город, поселок городского типа или иной населенный пункт), надлежащее разрешение которого осуществляется в полном соответствии с положениями, предусмотренными Конституцией РФ и определенным указанным законом осуществляется, как представителем населения, так и муниципальной службой исключительно путем приложения своих собственных сил.

Часть 1.1 ст. 17 указанного Федерального закона напрямую утверждает, что надлежащее разрешение вопросов, обладающих местной значимостью должно быть осуществлено, посредством полноценного применения полномочий, закрепленных не только в федеральном законодательстве, но и в уставе муниципального образования. В случае же, предусмотренном ч. 3 ст. 16.2 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» соответствующие полномочия могут быть установлены положениями регионального законодательства, действующего в конкретном субъекте Российской Федерации» [4].

Применительно к отношениям, регулируемым ФЗ № 210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [5], легальное определение муниципальной услуги, приведенной в ст. 2 указанного Федерального закона не представляет возможным определить четкую компетенцию органов местного самоуправления по предоставлению муниципальных услуг. Как таковая категория «компетенция» в законодательстве, регулируемом рассматриваемую сферу, отсутствует. На наш взгляд, это можно считать одним из недостатков в законодательной конструкции и упущений законодателя.

Следует обратить внимание, что подобная формулировка встречается в нормах ряда законов федерального уровня. Например, Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3] содержит ст. 29 с наименованием «Компетенция органов исполнительной власти и органов местного самоуправления по решению вопросов финансового оздоровления и банкротства», или Федеральный закон от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» [2] устанавливает в ст. 6 компетенцию органов местного самоуправления в сфере приватизации.

Отметим, что существуют проблемы, сопряженные с организацией предоставления государственных и муниципальных услуг, которые могут повлечь за собой возникновение административного правонарушения. Как показал анализ административных правонарушений, посягающих на права граждан, в том числе нарушения законодательства об организации предоставления муниципальных услуг, в общей доле рассмотренных дел по административным правонарушениям составляет 1% [7, с. 38]. При этом в последние годы заметно значительное снижение количества судебных дел.

Недостаточность процессуальных норм в части несения ответственности представляется как значительный пробел в ее правовой регламентации, негативно сказывающийся на различных общественных отношениях.

Во-первых, это ущемляет права муниципальных служащих (сотрудников), а во-вторых, физическое лицо или юридическое лицо ставятся в незащищенное положение по отношению к должностным лицам, оказывающих муниципальные услуги, хотя в современном российском законодательстве предусмотрены разные виды ответственности.

Категория «административная ответственность» должна стать одной из ключевых (определяющих), наряду с административным правонарушением и административным наказанием, для формирования всего понятийного аппарата соответствующей отрасли российского законодательства.

В связи с тем, что Федеральный закон № 210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [5] не регламентирует ответственность должностных лиц при нарушении ими порядка предоставления государственных или муниципальных услуг, с учетом вышесказанного предлагается внести изменения в действующее законодательство. Предлагается внести изменения в ст. 6 указанного федерального закона, дополнив норму дополнительным пунктом, который бы разрешал вопрос об установлении конкретного вида ответственности за нарушение порядка и сроков предоставления государственных и муниципальных услуг.

Среди новых механизмов совершенствования предоставления муниципальных услуг в России, учитывая зарубежный опыт, можно рассмотреть следующие.

1. Внедрение знака качества, выделение лучших сотрудников и премирование среди предприятий МФЦ по предоставлению ГМУ и других государственных и общественных (возможно частных с государственным капиталом) структур, оказывающих услуги населению.

2. Учет предоставления ГМУ с анализом спроса и предложения на услуги, а также статистических данных за демографическими показателями.

3. Регламентация гибкости и человечности в работе:

– гибкое время работы (варьирование рабочих часов);
– гибкое место работы (возможность перемещения сотрудников на более востребованные места);

– гибкость численности (в зависимости от спроса), в т.ч. рекомендации преимущественного отпуска.

4. Эффективное бюджетное планирование.

5. Использование данных портала «Госуслуги» с согласия гражданина при предоставлении услуги для сокращения времени по копированию (сканированию) нужных документов.

6. Развитие системы «одного окна» для органов муниципальной власти при согласовании реализуемых проектов и упрощении обмена документов между ведомствами.

Подводя определенные итоги, необходимо отметить, что, в условиях беспрецедентного санкционного давления на Российскую Федерацию, вопросы повышения эффективности функционирования государственного и муниципального аппаратов управления приобретают особую актуальность. В данном контексте, оптимизация правовой регламентации института предоставления муниципальных услуг в Российской Федерации на основе обоснованных нами основных направлений позволит стабилизировать социальное самочувствие её граждан, являющихся основными потребителями государственных и муниципальных услуг, а также обеспечит повышение эффективности использования денежных средств бюджетной системы страны, направляемых на производство и оказание государственных (муниципальных) услуг.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.11.2022).

2. Федеральный закон от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» (с посл. изм. и доп. от 14 июля 2022 г. № 320-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] / URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.11.2022).

3. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (с посл. изм. и доп. от 28 июня 2022 г. № 212-ФЗ) // Официальный

интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] / URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.11.2022).

4. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 14 июля 2022 г. № 253-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] / URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.11.2022).

5. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (с посл. изм. и доп. от 30 декабря 2021 г. № 449-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] / URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 15.11.2022).

6. *Должикова А.В., Макарова Д.С.* Основные вопросы по осуществлению государственных и муниципальных услуг в Российской Федерации // *Мировая наука.* – 2021. – № 5 (50). – С. 46–50.

7. *Кодилова Е.Д.* Совершенствование административной ответственности за нарушение законодательства об организации предоставления государственных и муниципальных услуг // *Отечественная юриспруденция.* – 2021. – № 1 (45). – С. 36–39.

8. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).

9. *Филимонова Е.А.* Предоставление государственных и муниципальных услуг в многофункциональных центрах: вопросы теории и практики // *Вестник Юридического факультета Южного федерального университета.* – 2020. – Т. 7. – № 1. – С. 54–60.

Для цитирования: *Ганиева Д.Р.* Оптимизация правовой регламентации института предоставления муниципальных услуг: статья // *Юридическая мысль.* – 2022. – № 4. – С. 42–46.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.004

Optimization of the legal regulation of the institute for the provision of municipal services

Dayana R. Ganieva *

Annotation. The article deals with the problems of legal regulation of the institution of providing municipal services. The author concludes that the procedural norms are insufficient in terms of establishing responsibility as a significant gap in its legal regulation, which negatively affects the legal regulation of various social relations.

In the context of this article, it is proposed to amend Art. 6 of the Federal Law of July 27, 2010 No. 210-FZ “On the organization of the provision of state and municipal services”, supplementing the norm with an additional provision that would resolve the issue of establishing a specific type of responsibility for violating the procedure and terms for the provision of state and municipal services.

* **Ganieva Dayana Radikovna** - master student of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology. E-mail: dayana.ganieva98@mail.ru

Supervisor **Komarov Sergey Alexandrovich** - Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Doctor of Law, Professor. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

Key words: municipal services, legal regulation, local governments, municipal authorities, administrative responsibility.

It is known that the effectiveness of the policy of any state is currently evaluated both by the quality of the activities of municipal authorities, as well as by the appropriate level of services provided to the population. To ensure a high degree of service, municipal governments are required to maintain an adequate level of services and reduce the cost of their provision.

The effectiveness of the activities of municipal authorities is achieved only with the constant improvement of their work, taking into account the results of legal regulation, the needs of society and the general socio-political situation in the country. Such measures include the regulation and standardization of the actions of subjects for the provision of municipal services to citizens in order to ensure the proper quality and reduce the time for their provision.

The definition of municipal services as the activities of municipal authorities and other organizations responsible for their provision and execution emphasizes the correctness of the administrative reform in Russia at the end of the last century in order to optimize the activities of public authorities [6, p. 47]. Based on the legal definition of municipal services, their main features are: firstly, the provision at the request of the applicants; secondly, they are provided within the powers of the municipal authority; thirdly, they are provided in accordance with regulatory legal acts [9, p. 59]. These signs correspond with the principles of the provision of municipal services, enshrined in Art. 4 of the Federal Law of July 27, 2010 No. 210-FZ "On the organization of the provision of state and municipal services" [5].

In the Constitution of the Russian Federation, all local government services are combined into a common structure of public authority of our state, designed to resolve numerous difficulties of local significance in the interests of the population living on its territory (the provisions of Parts 1 and 3 of Article 132 of the Constitution of the Russian Federation) [1; 8, p. 380–385]. Each municipal service is endowed with independent powers of its own, which is enshrined in Part 2 of Art. 132 of the Constitution of the Russian Federation [1; 8, p. 384–385]. All constitutional provisions are subject to inevitable improvement and mandatory specification, being present in the content of both federal and regional legislation in force on the territory of the Russian Federation.

For example, in paragraph 13, part 1 of Art. 2 of the Federal Law of October 6, 2003 No. 131-FZ "On the General Principles of Organizing Local Self-Government in the Russian Federation" [4], any issues of local significance are defined as issues of full-fledged support for the life of any of the representatives of the population of a particular municipality (whether city, urban-type settlement or other locality), the proper resolution of which is carried out in full accordance with the provisions provided for by the Constitution of the Russian Federation and certain specified law is carried out both by a representative of the population and by the municipal service exclusively through the application of their own forces.

Part 1.1 Art. 17 of this Federal Law directly states that the proper resolution of issues of local significance should be carried out through the full use of

the powers enshrined not only in federal legislation, but also in the charter of the municipality. In the case provided for by Part 3 of Art. 16.2 of the Federal Law of October 6, 2003 No. 131-FZ "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation", the relevant powers may be established by the provisions of the regional legislation in force in a particular subject of the Russian Federation" [4].

With regard to relations regulated by Federal Law No. 210 "On the organization of the provision of state and municipal services" [5], the legal definition of a municipal service given in Art. 2 of this Federal Law, it is not possible to determine the clear competence of local governments to provide municipal services. As such, there is no category of "competence" in the legislation regulating the area under consideration. In our opinion, this can be considered one of the shortcomings in the legislative structure and the omissions of the legislator.

It should be noted that such a wording is found in the norms of a number of federal laws. For example, the Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" [3] contains Art. 29 with the title "Competence of executive authorities and local governments in resolving issues of financial recovery and bankruptcy", or Federal Law of December 21, 2001 No. 178-FZ "On the privatization of state and municipal property" [2] establishes in Art. 6 competences of local governments in the field of privatization.

Note that there are problems associated with the organization of the provision of state and municipal services, which may lead to an administrative offense. As shown by the analysis of administrative offenses that infringe on the rights of citizens, including violations of the law on the organization of the provision of municipal services, in the total share of cases considered on administrative offenses is 1% [7, p. 38]. At the same time, a significant decrease in the number of court cases has been noticeable in recent years.

The insufficiency of procedural norms in terms of responsibility is presented as a significant gap in its legal regulation, which negatively affects various social relations.

Firstly, this infringes on the rights of municipal employees (employees), and secondly, an individual or legal entity is placed in an unprotected position in relation to officials providing municipal services, although modern Russian legislation provides for different types of liability.

The category of "administrative responsibility" should become one of the key (determining), along with an administrative offense and administrative punishment, for the formation of the entire conceptual apparatus of the relevant branch of Russian legislation.

Due to the fact that Federal Law No. 210 "On the organization of the provision of state and municipal services" [5] does not regulate the responsibility of officials if they violate the procedure for the provision of state or municipal services, taking into accounts the foregoing, it is proposed to amend the current legislation. It is proposed to amend Art. 6 of this federal law, supplementing the norm with an additional clause that would resolve the issue of establishing a specific type of liability for violating the procedure and terms for the provision of state and municipal services.

Among the new mechanisms for improving the provision of municipal services in Russia, taking into account foreign experience, the following can be considered.

1. The introduction of a quality mark, the selection of the best employees and bonuses among the enterprises of the MFC for the provision of GMU and other state and public (possibly private with state capital) structures providing services to the population.

2. Accounting for the provision of public health services with an analysis of supply and demand for services, as well as statistical data for demographic indicators.

3. Regulation of flexibility and humanity in work:

- flexible working hours (variation of working hours);
- flexible place of work (the ability to move employees to more demanded places);
- staff flexibility (depending on demand), incl. preferential leave recommendations.

4. Effective budget planning.

5. Using the data of the portal "Gosuslugi" with the consent of the citizen when providing the service to reduce the time for copying (scanning) the necessary documents.

6. Development of a "one-stop-shop" system for municipal authorities in coordinating ongoing projects and simplifying the exchange of documents between departments.

Summing up certain results, it should be noted that, in the context of unprecedented sanctions pressure on the Russian Federation, the issues of improving the efficiency of the functioning of the state and municipal administrations are of particular relevance. In this context, the optimization of the legal regulation of the institution of providing municipal services in the Russian Federation on the basis of the main directions justified by us will allow stabilizing the social well-being of its citizens, who are the main consumers of state and municipal services, and will also ensure an increase in the efficiency of using the funds of the country's budget system allocated for production and provision of state (municipal) services.

Conflict of interest.

The author confirms the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993 (with changes approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet portal of legal information [Electronic resource] // URL: <http://www.pravo.gov.ru> / (date of access: 11/15/2022).

2. Federal Law of December 21, 2001 No. 178-FZ "On the privatization of state and municipal property" (with the last amendment and addition of July 14, 2022 No. 320-FZ) // Official Internet portal of legal information [Electronic resource] / URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (date of access: 11/15/2022).

3. Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002 "On Insolvency (Bankruptcy)" (as amended and supplemented on June 28, 2022 No. 212-FZ) // Official Internet

Portal of Legal Information [Electronic resource] / URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (date of access: 11/15/2022).

4. Federal Law of October 6, 2003 No. 131-FZ “On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation” (as amended and supplemented on July 14, 2022 No. 253-FZ) // Official Internet legal information portal [Electronic resource] / URL: <http://pravo.gov.ru/> (date of access: 11/15/2022).

5. Federal Law of July 27, 2010 No. 210-FZ “On the organization of the provision of state and municipal services” (with the last amendment and addition of December 30, 2021 No. 449-FZ) // Official Internet portal of the legal information [Electronic resource] / URL: <http://pravo.gov.ru/> (date of access: 11/15/2022).

6. Dolzhikova A.V., Makarova D.S. The main issues on the implementation of state and municipal services in the Russian Federation // *Mirovaya nauka*. 2021. No. 5 (50). P. 46–50.

7. Kodilova E.D. Improving administrative responsibility for violation of legislation on the organization of the provision of state and municipal services // *Otechestvennaya jurisprudence*. 2021. No. 1 (45). P. 36–39.

8. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S. A. Komarov [and others]; ed. S.A. Komarov. 4th ed., revised. and additional. Moscow: Yurait Publishing House, 2022. 343 p. (Series: Professional Comments).

9. Filimonova E.A. Provision of state and municipal services in multifunctional centers: issues of theory and practice // *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2020. T. 7. No. 1. P. 54–60.

For citation: Ganieva D.R. Optimization of the legal regulation of the institute for the provision of municipal services: an article // *Legal Thought*. 2022. No. 4 (128). P. 46–50.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.004

1.1.3 – ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.005

Возможные аспекты модернизации законодательного регулирования противодействия злоупотреблениям в арбитражном процессе

Б.А. Ревнов*

В.В. Сувидов**

Аннотация. В статье исследуются некоторые аспекты актуальной на сегодняшний день проблемы злоупотребления правом, анализируется его правовая природа в целом, и в арбитражном процессе в частности. Рассматриваются различные наиболее явные механизмы противодействия злоупотреблениям, предусмотренные Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации, приводятся примеры применения судами рассматриваемых механизмов противодействия, анализируются сложности при квалификации недобросовестных действий именно как процессуальное злоупотребление, предлагается один из возможных путей дальнейшего развития законодательного противодействия злоупотреблениям в арбитражном процессе.

Ключевые слова: злоупотребление, процессуальное злоупотребление, механизмы противодействия злоупотреблению, злоупотребление в арбитражном процессе.

Конституция Российской Федерации, устанавливая в качестве одного из принципов конституционного статуса личности признание прав и свобод человека в качестве высшей ценности [22, с. 21–22], а также предусматривая государственную гарантию такого признания [1, ст. 2], закрепляет также общеобязательный принцип социальной солидарности, который среди прочего включает в себе и императив морали [21, с. 172–174]. Данный принцип, адресованный в равной степени, как гражданам, так и правотворческим и правоприменительным органам означает, в том числе, необходимость учета всего многообразия индивидуальных и общественных интересов в их

* **Ревнов Борис Александрович**, доцент кафедры конституционного и административного права Юридического института (г. Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: Akziz07@yandex.ru

** **Сувидов Виталий Владимирович**, Генеральный директор ООО «Норд сервис», магистрант Юридического института (г. Санкт-Петербург). E-mail: 602295@mail.ru

сочетании и взаимодействии, без которого не представляется возможным ни развитие государства, с учетом необходимости рациональной организации власти, ни эволюционное развитие общества.

Из указанного принципа выводится древнее, «золотое правило нравственности» – фундаментальная презумпция практической морали: *quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris*¹, из которого в конечном итоге и проистекают все конституционные права и обязанности гражданина, конкретизированные в отраслевом законодательстве, среди которых и право на судебную защиту [1, ст. 46]. Текстуально данная установка выражена в статье 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации, устанавливающей запрет на осуществление прав и свобод, если такое осуществление приводит к нарушению прав иных лиц. Принципиально важным юридическим параметром названного правила является его воплощение в законе, а поведение, закону соответствующее, не может влечь ответственность. Однако системное толкование положений [1, ст. 2, 15, ч. 3 ст. 17] Конституции Российской Федерации вкупе с презумпцией разумности и добросовестности осуществления прав позволяет выявить наличие общего, конституционного запрета на злоупотребление правом.

Названный запрет обладает двойственной юридической природой, устанавливая с одной стороны общий принцип правотворчества, детерминирующий одно из направлений модернизации законодательного регулирования, обеспечивающий адекватное и согласованное развитие общества и его структур, включая политических. С другой стороны указанный запрет – конкретная правовая норма, определяющая рамки дозволенного поведения субъектов при практической реализации конституционных прав и свобод.

Само по себе злоупотребление правом – межотраслевое, общеправовое явление, однако существенно различающееся в правовых последствиях в зависимости от специфики как от общей дихотомии системы права на материальное и процессуальное, так и конкретной отрасли права, о чем уже писалось в юридической литературе [30]. Различия настолько, что некоторые исследователи выделяют злоупотребление процессуальным правом в отдельную правовую категорию [24, с. 38–43]. В каждом случае механизмы наступления неблагоприятных последствий различны [20, с. 70]. В частности, природа материального и процессуального злоупотребления правом отличается [28, с. 95–99]: в первом случае поле для злоупотреблений существенно более формализовано, как следствие – у потенциального злоупотребителя много меньше возможности для неквалифицируемого безнаказанного маневра. Введение контрагента в заблуждение относительно обязательности договора не только является запрещенным и относительно легко верифицируемым и, как следствие – квалифицируемым, но и предусматривает ординарные механизмы противодействия [3, п. 5 ст. 166].

В условиях же действия процессуального права, когда, как правило, различные субъекты, используя предусмотренные законом процедуры, не пытаются согласованными действиями решить одну общую задачу (взаи-

¹ Лат. «чего не хочешь себе, не делай другому».

мовыгодно исполнить договор, к примеру), а, напротив, стремятся к достижению взаимоисключающих целей, квалифицировать как запрещенное злоупотребление таких субъектов противоречивость и изменчивость с течением времени их позиций, либо непоследовательность действий весьма непросто. В практике арбитражных судов само по себе злоупотребление правом, то есть процессуальные действия, связанные с намерением исключительно причинить вред другому лицу, практически не встречается [25, с. 4].

Общей конкретизацией [6, п. 2 мотивировочной части] конституционного запрета на злоупотребления выступают положения Гражданского кодекса Российской Федерации, устанавливающие запрет злоупотребления правом в любых формах [3, п. 4 ст. 1, ст. 10]. В сфере арбитражных процессуальных правоотношений в качестве специальной конкретизации выступает ч. 2 ст. 41 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [2], которая хотя и носит бланкетный характер, тем не менее, помимо непосредственного установления запрета на злоупотребление в данной сфере, содержит общие посылы о наличии такого законодательного механизма в арбитражном судопроизводстве.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит определения понятия «злоупотребление процессуальными правами», вместе с тем, он предусматривает три конкретных механизма противодействия злоупотреблениям: отнесение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее процессуальными правами [2, ст. 111, 112], право суда на отказ в удовлетворении ходатайства, либо заявления, если установлено, что названные процессуальные документы являются следствием явного злоупотребления [2, ч. 5 ст. 159], и возможность суда наложить судебный штраф на злоупотребляющее правами лицо, ведущее дело в интересах группы лиц [2, ч. 3 ст. 255.10-1].

Наполнение же этих механизмов конкретными смыслами осуществляется судебной практикой. Так, руководствуясь разъяснениями из постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации, качестве конкретного примера [29, с. 64–74] злоупотребления в первом случае, возможно, привести уменьшение размера первоначально необоснованно завышенных исковых требований истцом (при наличии соответствующих доказательств) [11, п. 22], отказ стороны от фактического участия в состязательном процессе (проявляющийся, в том числе посредством неявки в судебное заседание или через несвоевременное представление, либо непредставление необходимых процессуальных документов, доказательств, уклонение от участия в судебных экспертизах, сообщение заведомо недостоверных сведений и др.) [8, п. 2], искусственное разделение требования по одному договору страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств посредством предъявления нескольких исковых заявлений [7, п. 138].

Дополнительно к указанному перечню судебные решения по конкретным делам закрепили еще несколько случаев, например многократное уточнение исковых требований в части периода взыскания и размера задолженности, которая, с учетом имеющихся в деле доказательств, в том

числе – частичного погашения ее ответчиком), явно не соответствует фактической [15].

Право суда на отказ в удовлетворении ходатайства, либо заявления [26, с. 27–35] проиллюстрировано в судебной практике случаями, при которых заявлено ходатайство об утверждении мирового соглашения, однако истиной целью обеих сторон является не заключение названного соглашения, а затягивание процесса что подтверждается, к примеру, отсутствием в приложении к названному ходатайству проекта мирового соглашения как такового, либо отсутствием необходимых подписей обеих сторон) [12, п. 18], либо – ещё один пример – ходатайство страховщика о несоблюдении досудебного порядка будет отклонено, если страховая компания ранее уже сделала заявление по существу спора и не выразила намерение его урегулировать [7, п. 116] и др. случаи [8, п. 2; 9, п. 28; 10, п. 36 и др.].

Что же до практического применения третьего механизма [2, ч. 3 ст. 255.10-1] противодействия злоупотреблениям – наложение судебного штрафа на злоупотребляющее правами лицо, ведущее дело в интересах группы лиц, – то примеров использования его на практике найти не удалось (с учетом того, что ранее названное законоположение содержалось в иной норме [2, ч. 3 ст. 225.12]).

Практика показывает, что хотя возможность наложения судебного штрафа в ходе арбитражного судопроизводства предусмотрена в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации более чем в 10 случаях [2, ч. 6 ст. 55; ч. 9 ст. 66; ч. 2 ст. 96; ч. 5 ст. 154; ч. 4 ст. 156; ч. 2 ст. 157; ч. 3 ст. 200; ч. 4 ст. 205; ч. 3 ст. 210; ст. 215; ч. 3 ст. 222.8; ч. 4 ст. 225.4; ч. 10 ст. 225.6; ст. 331 и ст. 332], арбитражные суды в целом не часто применяют штрафные санкции, тем более не часто, если речь идет о судебном штрафе в качестве санкции именно за злоупотребление, а не за нарушение каких-либо обязанностей и установленных требований. Вместе с тем, в отдельных случаях и нарушение каких-либо процессуальных обязанностей суды дополнительно квалифицирует ещё и как злоупотребление правом.

Так, например, штраф в размере 100 000 рублей был наложен на третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований относительно предмета спора, из-за злоупотребления процессуальными правами (суд неоднократно в своих определениях истребовал у него доказательства, предоставив срок для исполнения требования суда и указав, что в случае неисполнения определений суда будет рассмотрен вопрос о наложении судебного штрафа, при этом третье лицо, будучи надлежаще извещенным лицом, имело возможность исполнить свои процессуальные права и обязанности по делу, однако, проигнорировало требования суда, не исполнило определения суда в установленные в них сроки, не обеспечило явку представителя в судебные заседания и не представило суду доказательств наличия уважительных причин неисполнения возложенных на него процессуальных обязанностей, суд кассационной инстанции квалифицировал поведение третьего лица как неуважительное отношение к суду, выразившееся в недобросовестном использовании принадлежащих процессуальных прав и злоупотреблении ими) [14].

Указанные примеры регулярно дополняются судебными решениями по конкретным делам, в которых *ad hoc* (для данного случая) отдельные действия участников процесса квалифицируются в качестве злоупотребления [19, с. 120–154], что лишний раз иллюстрирует многоаспектность данного явления и невозможность создать исчерпывающий перечень моделей процессуального поведения в данном аспекте.

Однако, представляется, что применение названных механизмов, с учетом расширительного толкования, приданного им судами не является панацеей, спасающей от злоупотреблений.

Если сильно углубится в содержание вопроса, можно предположить, что одной из глубинных причин подобного положения вещей является несовпадение задач судопроизводства в арбитражных судах в той трактовке, в которой они видятся, с одной стороны – федеральному законодателю и правоприменителям, с другой стороны – лицам, участвующим в деле. Если первые полностью подчинены духу и букве закона, как это следует из конституционных положений [1, ст. 2, ч. 3 ст. 17, 46, 118, 120, 123], конкретизированных в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации [2, ст. 2], то вторые – в дополнении рассматривают арбитражный процесс ещё и как сложную, длительную и порой недешевую процедуру, все названные качества которой можно дополнительно использовать в конкретной тактической, либо стратегической ситуации, связанной с контрагентом, проще говоря – для разрешения своих задач, не всегда совпадающих с прописанными в ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

К примеру, как ответчик, так и истец могут иметь своей целью затягивание сроков судебного процесса. Одной из целей ответчика, затягивающего процесс, может быть максимально возможная по длительности отсрочка исполнения обязательств, являющихся предметом иска. Возможной целью истца в затягивании процесса может быть моральное или материальное истощение ответчика, когда иск подан без особой надежды на успех.

В рассматриваемой проблеме затягивания судебных процессов из-за злоупотребления процессуальными правами ущерб видится как в нарушении положений о разумных сроках арбитражного судопроизводства [2, ст. 6.1], так и в целом в подрыве авторитета судебной власти из-за пренебрежительного отношения к необходимой добросовестности использования своих процессуальных прав. Конечный ущерб чаще всего является материальным для стороны, против которой происходит злоупотребление.

Вместе с тем, вряд ли представляется возможным, а, главное – целесообразным исчерпывающим образом законодательно определить подходы, параметры, понятий добросовестности, справедливости, разумности и, как следствие – злоупотребления. Само по себе использование в законоположении оценочных понятий является допустимым [4, абз. 3 п. 4 мотивировочной части; 5, абз. 4 п. 2 мотивировочной части] не свидетельствует о неопределенности ее содержания. Однако это не означает невозможность определить в качестве злоупотребления наиболее характерные случаи проявле-

ния недопустимого процессуального поведения, что, как представляется, несколько исправило бы ситуацию.

Базовым в этой связи шагом было бы введение специфической дефиниции «процессуального злоупотребления», принципиально отличающей и относящей к недозволенному конкретные виды процессуальных поведений. Это привело бы к единому законодательному знаменателю существующие ныне многочисленные подходы [17; 18; 23, с. 437; 25; 27, с. 15–22 и др.], к тому, что считать злоупотреблением в арбитражном процессе, которые безотносительно времени создания и ныне по-разному могут быть использованы и истолкованы правоприменителями хотя бы и без указания первоначального авторства и (или) более глубоких исследований на данную тематику. А уже после, логичным следующим шагом, выступит квалификация в качестве злоупотребления несколько наиболее характерных примеров, указав тем самым вектор толкования фактически недопустимых действий, хотя и, на первый взгляд, не являющихся незаконными.

В качестве примера бесспорных злоупотреблений возможно привести такие не запрещенные ныне случаи как заявление отводов судье в отсутствие каких-либо доказательств, подтверждающих сомнения в его беспристрастности [16], необходимость законодательного закрепления очевидного принципа *venire contra factum proprium*² (запрет на собственное противоречивое поведение), запрет на грубые выражения или оскорбительные высказывания не только в устных выступлениях сторон, но и в составляемых ими документах, запрет на отмену судебных актов по мотиву неподведомственности или неподсудности спора суду, если сторона не заявила об этом в первой инстанции [13] и др.

Закрепление этих и некоторых иных образцов процессуального поведения в качестве злоупотреблений (как следствие – влекущих однозначные последствия), позволит во многом упорядочить правоприменение в этом вопросе, оставив вместе с тем необходимую дискрецию у правоприменителей в спорных, либо неочевидных случаях. Также представляется целесообразным конкретизировать и принцип состязательности сторон в арбитражном процессе [2, ст. 9, 65], установив негативные последствия за несвоевременное исполнение обязанность по заблаговременному представлению истребованных доказательств.

Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации, 29 июля 2002 года, № 30, ст. 3012.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ / Собрание законодательства Российской Федерации, 5 декабря 1994 года, № 32, ст. 3301.

² Лат. «Никто не может противоречить собственному предыдущему поведению»

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 года № 14-П по делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 20.1 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л.Н. Кондратьевой и А.Н. Мумолина / Вестник Конституционного Суда Российской Федерации, № 5, 2011.

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 октября 2010 года № 1401-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «СТЭВ» на нарушение конституционных прав и свобод пунктами 2 и 3 статьи 16 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» / Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision47177.pdf> [Электронный ресурс] дата обращения 27 декабря 2022 года.

6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2009 года № 166-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Егоровой Марианны Анатольевны на нарушение ее конституционных прав пунктами 1 и 2 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации / Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision18772.pdf> [Электронный ресурс] дата обращения 8 декабря 2022 года.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2022 года № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» / Российская газета, № 261, 18 ноября 2022 года.

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 года № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» / Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, № 3, март, 2022.

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 года № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» / Российская газета, № 144, 2 июля 2021 года.

10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» / Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, № 3, март, 2018.

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 года № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» / Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, № 4, апрель, 2016.

12. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 июля 2014 года № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» / Вестник экономического правосудия Российской Федерации, № 9, сентябрь, 2014.

13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13 апреля 2016 года по делу № 306-ЭС15-14024, А57-12139/2011 / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации <https://kad.arbitr.ru/Kad/Card?number=%D0%9057-12139%2F2011> [Электронный ресурс] дата обращения 27 декабря 2022 года.

14. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 14 апреля 2016 года № Ф01-73/2016, Ф01-72/2016 по делу № А43-316/2013 / Официальный

сайт Арбитражного суда Волго-Вятского округа <https://ras.arbitr.ru/> [Электронный ресурс], дата обращения 23 декабря 2022 года.

15. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 12 апреля 2018 года № Ф07-2896/2018 по делу № А42-4193/2017 / СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] дата обращения 27 декабря 2022 года.

16. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11 мая 2017 года № Ф07-3734/2017 по делу № А56-31662/2016 / СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] дата обращения 27 декабря 2022 года.

17. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 6.

18. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Изд-во МГУ, 1972. 284 с.

19. Епатко М.Ю. Противодействие злоупотреблению процессуальными правами в арбитражном процессе // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2019. № 2. С. 120 – 154.

20. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) (4-е издание, исправленное и переработанное) (под ред. В.В. Яркова) ("Статут", 2020) 732 с. / СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] дата обращения 8 декабря 2022 года.

21. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др.; под ред. В.Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра-М, 2013. 1040 с.

22. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).

23. Курс германского гражданского права: Введение и общая часть. Перевод с немецкого. Т. 1: Полут. 2 / Эннекцерус Л. / Под ред. с предисл.: Генкин Д.М., Новицкий И.Б. (Пер.). – М.: Иностран. лит., 1950. – 483 с.

24. Осипова Л.В. Недопустимость злоупотребления процессуальными правами как самостоятельная правовая категория в арбитражном процессе // Вестник арбитражной практики. 2022. № 4. С. 38 – 43.

25. Приходько А.И. Воспрепятствование разрешению дел в арбитражных судах: актуальные вопросы судебного правоприменения. М.: Волтерс Клувер, 2006. 288 с. / СПС [Электронный ресурс] КонсультантПлюс 143 с.

26. Слесарев С. Арбитражные суды о злоупотреблении процессуальными правами // Юридический справочник руководителя. 2022. № 3. С. 27 – 35.

27. Соломин С.К. К вопросу о сущности злоупотребления гражданскими правами // Право и экономика. 2017. № 6. С. 15 – 22

28. Шварц М.З. Некоторые размышления над институтом эстоппель // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2016. № 1. С. 95 – 99.

29. Шестало С.С. Практика отнесения судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами // Вестник арбитражной практики. 2020. № 3. С. 64 – 74.

30. Komarov S.A., Revnov B.A. The Abuse of Law, Crime and Legal Responsibility: article // Oxford Journal of Legal Studies, Issue 4 (2), Volume 38. Oxford University Press, 2018. Pages 1188–1197.

Для цитирования: *Ревнов Б.А., Сувидов В.В.* Возможные аспекты модернизации законодательного регулирования противодействия злоупотреблениям в арбитражном процессе: статья // Юридическая мысль. – 2022. – № 4. – С. 51–58.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.005

Possible aspects of the modernization of the legislative regulation of countering abuses in the arbitration process

Boris A. Revnov*
Vitaliy V. Suvidov**

Annotation. The article examines some aspects of the currently relevant problem of abuse of the right, analyzes its legal nature in general, and in the arbitration process in particular. Various most obvious mechanisms for countering abuses provided for by the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation are considered, examples of the application of the considered counteraction mechanisms by courts are given, difficulties in qualifying unfair actions as procedural abuse are analyzed, one of the possible ways for further development of legislative counteraction to abuses in the arbitration process is proposed.

Key words: abuse, procedural abuse, abuse countermeasures, abuse in the arbitration process.

The Constitution of the Russian Federation, establishing as one of the principles of the constitutional status of the individual the recognition of human rights and freedoms as the highest value [22, p. 21–22], as well as providing for a state guarantee of such recognition [1, art. 2], also consolidates the obligatory principle of social solidarity, which, among other things, includes the imperative of morality [21, p. 172–174]. This principle, addressed equally to both citizens and law-making and law-enforcement bodies, means, among other things, the need to take into account the whole variety of individual and public interests in their combination and interaction, without which the development of the state is not possible, with taking into account the need for a rational organization of power, nor the evolutionary development of society.

From this principle, the ancient, “golden rule of morality” is derived – the fundamental presumption of practical morality: *quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris*¹, from which all constitutional rights and obligations of a citizen, specified in sectoral legislation, ultimately arise, among which is the right to judicial protection [1, Art. 46]. Textually, this setting is expressed in Article 17 (Part 3) of the Constitution of the Russian Federation, which establishes a ban on the exercise of rights and freedoms if such exercise leads to a violation of the rights of other persons. A fundamentally important legal parameter of the named rule is its embodiment in the law, and the behavior corresponding to the law cannot entail responsibility. However, a systematic interpretation of the provisions [1, Art. 2, 15, part 3 of Art. 17] of the Constitution of the Russian Federation, coupled with the presumption of reasonableness and good faith in the exercise

* **Revnov Boris Alexandrovich**, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Law Institute (St. Petersburg), candidate of legal sciences. E-mail: Akziz07@yandex.ru

** **Suvidov Vitaliy Vladimirovich**, General manager «Nord service» LLC, master's degree student of «Law institute» (Saint-Petersburg). E-mail: 602295@mail.ru

¹ Lat. "What you don't want for yourself, don't do to someone else".

of rights, makes it possible to identify the presence of a general, constitutional prohibition on the abuse of rights.

The said prohibition has a dual legal nature, establishing, on the one hand, the general principle of lawmaking, which determines one of the directions for the modernization of legislative regulation, ensuring adequate and coordinated development of society and its structures, including political ones. On the other hand, this prohibition is a specific legal norm that defines the framework for the permitted behavior of subjects in the practical implementation of constitutional rights and freedoms.

In itself, the abuse of law is an intersectional, general legal phenomenon; however, it differs significantly in legal consequences depending on the specifics of both the general dichotomy of the system of law into substantive and procedural, and the specific branch of law, which has already been written in the legal literature [30]. So different that some researchers distinguish the abuse of procedural law into a separate legal category [24, p. 38–43]. In each case, the mechanisms of adverse effects are different [20, p. 70]. In particular, the nature of substantive and procedural abuse of the right is different [28, p. 95–99]: in the first case, the field for abuse is much more formalized; as a result, a potential abuser has much less opportunity for an unqualified maneuver with impunity. Misleading the counterparty about the binding nature of the contract is not only prohibited and relatively easily verified and, as a result, qualified, but also provides for ordinary countermeasures [3, p. 5 Art. 166].

In the conditions of the operation of procedural law, when, as a rule, various subjects, using the procedures provided for by law, do not try to solve one common task by concerted actions (to fulfill the contract mutually beneficially, for example), but, on the contrary, strive to achieve mutually exclusive goals. It is not easy to qualify as a prohibited abuse of such subjects the inconsistency and variability of their positions over time, or the inconsistency of actions. In the practice of arbitration courts, the abuse of the right itself, that is, the procedural actions associated with the intention to exclusively harm another person, practically does not occur [25, p. 4].

The general specification [6, p. 2 of the motivational part] of the constitutional prohibition on abuse is the provisions of the Civil Code of the Russian Federation, which establish a ban on the abuse of the right in any form [3, p. 4, Art. 1, art. 10]. In the sphere of arbitration procedural legal relations, Part 2 of Art. 41 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation [2], which, although it is of a blanket nature, nevertheless, in addition to directly establishing a ban on abuse in this area, contains general messages about the existence of such a legislative mechanism in arbitration proceedings.

The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation does not contain a definition of the concept of “abuse of procedural rights”, however, it provides for three specific mechanisms for countering abuse: attributing court costs to a person abusing procedural rights [2, art. 111, 112], the right of the court to refuse to satisfy the petition, or the statement, if it is established that the named procedural documents are the result of a clear abuse [2, part 5 of Art. 159], and the ability of the court to impose a court fine on a person abusing the rights, conducting a case in the interests of a group of persons [2, part 3, art. 255.10-1].

The filling of these mechanisms with specific meanings is carried out by judicial practice. So, guided by the clarifications from the resolutions of the Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation, as a specific example [29, p. 64–74] of abuse in the first case, it is possible to reduce the amount of initially unreasonably high claims by the plaintiff (if there is relevant evidence) [11, p. 22], refusal of the party to actually participate in the adversarial process (manifested, including through failure to appear at the court session or through untimely submission, or failure to submit the necessary procedural documents, evidence, evasion from participation in forensic examinations, communication of knowingly false information, etc.) [8, p. 2], artificial division of claims under one civil liability insurance contract of vehicle owners by filing several claims [7, p. 138].

In addition to this list, court decisions in specific cases fixed several more cases, for example, multiple clarification of claims regarding the period of collection and the amount of the debt, which, taking into account the evidence in the case, including partial repayment by the defendant), clearly does not correspond to the actual one [15].

The right of the court to refuse to satisfy the petition or application [26, p. 27–35] is illustrated in judicial practice by cases in which a petition for the approval of a settlement agreement is filed, however, the true goal of both parties is not to conclude the said agreement, but to delay the process, which is confirmed, for example, by the absence of a project in the annex to the named petition a settlement agreement as such, or the absence of the necessary signatures of both parties) [12, p. 18], or – another example – the insurer's petition for non-compliance with the pre-trial procedure will be rejected if the insurance company has already made a statement on the merits of the dispute and has not expressed its intention settle [7, p. 116] and other cases [8, p. 2; 9, item 28; 10, p. 36, etc.].

As for the practical application of the third mechanism [2, part 3, art. 255.10-1] of countering abuses – the imposition of a judicial fine on a person abusing the rights, conducting a case in the interests of a group of persons – then it was not possible to find examples of its use in practice (taking into account the fact that the previously mentioned legal provision was contained in a different norm [2, part 3 art. 225.12]).

Practice shows that although the possibility of imposing a court fine in the course of arbitration proceedings is provided for in the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in more than 10 cases [2, part 6 of Art. 55; Part 9 of Art. 66; Part 2 Art. 96; Part 5 Art. 154; Part 4 Art. 156; Part 2 Art. 157; Part 3 Art. 200; Part 4 Art. 205; Part 3 Art. 210; Art. 215; Part 3 Art. 222.8; Part 4 Art. 225.4; Part 10 Art. 225.6; Art. 331 and Art. 332], arbitration courts in general do not often apply penalties, especially not often when it comes to a court fine as a sanction specifically for abuse, and not for violation of any duties and established requirements. At the same time, in some cases, the violation of any procedural obligations is additionally qualified by the courts as an abuse of the right.

So, for example, a fine in the amount of 100,000 rubles was imposed on a third party who did not make independent claims regarding the subject of the dispute, due to the abuse of procedural rights (the court repeatedly demanded evidence from him in its rulings, providing deadline for fulfilling the court's re-

quest and indicating that in case of failure to comply with the court's rulings, the issue of imposing a court fine will be considered, while the third person, being a properly notified person, had the opportunity to fulfill his procedural rights and obligations in the case, however, ignored the requirements of the court, failed to comply with the court ruling within the time limits established therein, did not ensure the appearance of the representative at the court hearings and did not provide the court with evidence of the presence of valid reasons for non-fulfillment of the procedural duties assigned to him, the court of cassation qualified the behavior of a third party as a disrespectful attitude towards court, expressed in unfair use of belonging procedural rights and their abuse) [14].

These examples are regularly supplemented by court decisions in specific cases, in which ad hoc (for this case) certain actions of the participants in the process are qualified as abuse [19, p. 120–154], which once again illustrates the multidimensionality of this phenomenon and the impossibility of creating an exhaustive list of models of procedural behavior in this aspect.

However, it seems that the use of these mechanisms, taking into account the broad interpretation given to them by the courts, is not a panacea that saves from abuse.

If we delve deeply into the content of the issue, we can assume that one of the underlying reasons for this state of affairs is the non-coincidence of the tasks of legal proceedings in arbitration courts in the interpretation in which they are seen, on the one hand, to the federal legislator and law enforcement officers, on the other hand, to persons involved in the case. If the former are completely subordinate to the spirit and letter of the law, as follows from the constitutional provisions [1, art. 2, part 3, art. 17, 46, 118, 120, 123], specified in the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation [2, art. 2], the latter, in addition, consider the arbitration process as a complex, lengthy and sometimes expensive procedure, all of which can be additionally used in a specific tactical or strategic situation associated with a counter-agent, in other words – to resolve their tasks, which do not always coincide with those prescribed in art. 2 Arbitration Procedure Code of the Russian Federation.

For example, both the defendant and the plaintiff may aim to drag out the terms of the trial. One of the goals of the defendant, delaying the process, may be the maximum possible duration of the delay in the performance of the obligations that are the subject of the claim. A possible goal of the plaintiff in delaying the process may be the moral or material exhaustion of the defendant when the claim is filed without much hope of success.

In the problem under consideration of delaying trials due to abuse of procedural rights, the damage is seen as a violation of the provisions on reasonable terms of arbitration proceedings [2, art. 6.1], and in general in undermining the authority of the judiciary due to a disdainful attitude to the necessary conscientiousness in the use of their procedural rights. The ultimate damage is most often material to the party against whom the abuse occurs.

At the same time, it is hardly possible, and, most importantly, expedient to exhaustively define the approaches, parameters, concepts of good faith, fairness, reasonableness and, as a result, abuse. In itself, the use of evaluative concepts in the legal regulation is permissible [4, par. 3 p. 4 of the motivational

part; 5, par. 4 p. 2 of the motivational part] does not indicate the uncertainty of its content. However, this does not mean that it is impossible to identify as abuse the most characteristic cases of manifestation of unacceptable procedural behavior, which, as it seems, would somewhat correct the situation.

The basic step in this regard would be the introduction of a specific definition of “procedural abuse”, which fundamentally distinguishes and classifies specific types of procedural behavior as unlawful. This would lead to a common legislative denominator of the current numerous approaches [17; 18; 23, p. 437; 25; 27, p. 15–22, etc.], to what is considered an abuse in the arbitration process, which, regardless of the time of creation, and now can be used and interpreted differently by law enforcers, even without indicating the original authorship and (or) more in-depth research on this topic. And after that, the logical next step will be the qualification of some of the most typical examples as abuse, thereby indicating the vector of interpretation of actually unacceptable actions, although, at first glance, they are not illegal.

As an example of indisputable abuse, it is possible to cite cases that are not currently prohibited, such as the application of challenges to a judge in the absence of any evidence confirming doubts about his impartiality [16], the need to legislate the obvious principle «of venire contra factum program»² (a ban on one’s own opposition – verbal behavior), a ban on rude expressions or offensive statements not only in the oral speeches of the parties, but also in the documents drawn up by them, a ban on the annulment of judicial acts on the grounds that the dispute is not under the jurisdiction or jurisdiction of the court, if the party has not stated this in first instance [13], etc.

Fixing these and some other patterns of procedural behavior as abuses (as a result, entailing unambiguous consequences) will largely streamline law enforcement in this matter, while leaving the necessary discretion for law enforcement officers in controversial or non-obvious cases. It also seems appropriate to specify the principle of competitiveness of the parties in the arbitration process [2, art. 9, 65], having established the negative consequences for the untimely fulfillment of the obligation to provide the requested evidence in advance.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // www.consultant.ru
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ / Collection of Legislation of the Russian Federation, July 29, 2002, No. 30, Art. 3012.
3. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ / Collection of Legislation of the Russian Federation, December 5, 1994, No. 32, Art. 3301.

² Lat. "No one can contradict their own previous behavior".

4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 30, 2011 No. 14-P on the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 10 of part 1 of Article 17 of the Federal Law "On the State Civil Service of the Russian Federation" and Article 20.1 of the Law of the Russian Federation "On the Police" in connection with complaints from citizens L.N. Kondratieva and A.N. Mumolina / Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation, No. 5, 2011.

5. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 19, 2010 No. 1401-O-O on the refusal to accept for consideration the complaint of STEV Limited Liability Company for violation of constitutional rights and freedoms by paragraphs 2 and 3 of Article 16 of the Federal Law "On state regulation of production and turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products" / Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision47177.pdf> [Electronic resource] accessed December 27, 2022.

6. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 19, 2009 No. 166-O-O on the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Egorova Marianna Anatolyevna about the violation of her constitutional rights by paragraphs 1 and 2 of Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation / Official website of the Constitutional Courts of the Russian Federation <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision18772.pdf> [Electronic resource] accessed December 8, 2022.

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 8, 2022 No. 31 "On the application by courts of legislation on compulsory insurance of civil liability of vehicle owners" / Rossiyskaya Gazeta, 2022, November 18.

8. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 23, 2021 No. 46 "On the application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation when considering cases in the court of first instance" / Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 2022, No. 3, March.

9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 22, 2021 No. 18 "On some issues of pre-trial settlement of disputes considered in civil and arbitration proceedings" / Rossiyskaya Gazeta, 2021, July 21.

10. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 21, 2017 No. 53 "On some issues related to bringing persons controlling the debtor to liability in case of bankruptcy" / Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 3, March, 2018.

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 21, 2016 No. 1 "On some issues of application of the legislation on reimbursement of costs associated with the consideration of the case" / Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 4, April, 2016.

12. Decree of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of July 18, 2014 No. 50 "On reconciliation of the parties in the arbitration process" / Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation, No. 9, September, 2014.

13. Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 13, 2016 in case No. 306-ES15-14024, A57-12139/2011 / Official website of the Supreme Court of the Russian Federation <https://kad.arbitr.ru/Kad/Card?number=%D0%9057-12139%2F2011> [Electronic resource] accessed December 27, 2022.

14. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated April 14, 2016 No. F01-73/2016, F01-72/2016 in case No. A43-316/2013 / Official website of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District <https://ras.arbitr.ru/> [Electronic resource], accessed December 23, 2022.

15. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated April 12, 2018, No. F07-2896 / 2018 in case No. A42-4193 / 2017 / SPS ConsultantPlus [Electronic resource] accessed December 27, 2022.

16. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated May 11, 2017, No. F07-3734 / 2017 in case No. A56-31662 / 2016 / SPS ConsultantPlus [Electronic resource] accessed on December 27, 2022.

17. Agarkov M.M. The problem of abuse of law in Soviet civil law // *Izvestia of the Academy of Sciences of the USSR*. 1946. No. 6.

18. Griбанov V.P. Limits of the exercise and protection of civil rights. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1972. 284 p.

19. Epatko M.Yu. Countering the abuse of procedural rights in the arbitration process // *Information and analytical journal "Arbitration Disputes"*. 2019. No. 2. P. 120 – 154.

20. Commentary on the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation (item-by-article) (4th edition, corrected and revised) (edited by V.V. Yarkov) ("Statute", 2020) 732 p. / SPS ConsultantPlus [Electronic resource] accessed December 8, 2022.

21. Commentary on the Constitution of the Russian Federation (article by article) / L.V. Andrichenko, S.A. Bogolyubov, N.S. Bondar and others; ed. V.D. Zorkin. 3rd ed., revised. Moscow: Norma, Infra-M, 2013. 1040 p.

22. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S. A. Komarov [and others]; ed. S.A. Komarov. 4th ed., revised. and additional Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 343 p. (Series: Professional Comments).

23. The course of German civil law: Introduction and general part. Translation from German. T. 1: Polut. 2 / Enneccerus L. / Ed. with preface: Genkin D.M., Novitsky I.B. (Trans.). Moscow: Foreign. lit., 1950. 483 p.

24. Osipova L.V. Inadmissibility of abuse of procedural rights as an independent legal category in the arbitration process // *Bulletin of Arbitration Practice*. 2022. No. 4. P. 38 – 43.

25. Prikhodko A.I. Obstruction of the resolution of cases in arbitration courts: topical issues of judicial law enforcement. Moscow: Wolters Kluwer, 2006. 288 p. / SPS [Electronic resource] ConsultantPlus 143 p.

26. Slesarev S. Arbitration courts on the abuse of procedural rights // *Legal directory of the head*. 2022. No. 3. P. 27–35.

27. Solomin S.K. To the question of the essence of the abuse of civil rights // *Law and Economics*. 2017. No. 6. P. 15–22

28. Schwartz M.Z. Some reflections on the institution of estoppel // *Information and analytical journal "Arbitration Disputes"*. 2016. No. 1. P. 95–99.

29. Shestalo S.S. The practice of attributing court costs to a person who abuses his procedural rights // *Bulletin of Arbitration Practice*. 2020. No. 3. P. 64–74.

30. Komarov S.A., Revnov B.A. The Abuse of Law, Crime and Legal Responsibility: article // *Oxford Journal of Legal Studies*, Issue 4 (2), Volume 38. Oxford University Press, 2018. Pages 1188–1197.

For citation: Revnov B.A., Suvidov V.V. Possible aspects of the modernization of the legislative regulation of countering abuses in the arbitration process: article // *Legal Thought*. 2022. No. 4. P. 59–65.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.005

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.006

Применение принципов уголовного судопроизводства как эффективное средство для достижения целей наказания (на примере послевоенной эпохи Советского Союза)

М.Ф. Гареев*

Аннотация. В статье исследуется история развития фундаментальных принципов отечественного судопроизводства на примере послевоенных судебных процессов над нацистскими преступниками. Вышеуказанные судебные процессы получили в истории название малые «нюрнбергские» судебные процессы. Особое внимание уделено принципам законности, гласности, публичности и справедливости. Совокупность мер уголовно-правового воздействия, заключающаяся в применении высшей меры наказания через повешение и каторжные работы позволили после окончания Великой Отечественной войны сформировать положительный морально-психологический климат в Советском Союзе и избежать массовых случаев самосуда над нацистскими преступниками.

Актуальность исследования обусловлена преступлениями, совершенными командирами и бойцами националистических формирований Украины на территории Донецкой и Луганской народных республик на современном этапе.

В связи с особой социальной остротой ряда преступлений, направленных против жизни людей, преступлений террористической и коррупционной направленности, а также других преступных деяний, посягающих на наиболее ценные блага, предлагается в Постановление Пленума Верховного Суда РФ внести соответствующие разъяснения о применении фундаментальных принципов российского судопроизводства.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, судебные процессы, малые «нюрнберги», фундаментальные принципы судопроизводства, законность, гласность, публичность, справедливость, массовое истребление людей, нацистские преступники, уголовно-правовое воздействие, высшая мера наказания, повешение, каторга, геноцид.

дними из фундаментальных принципов российского судопроизводства являются открытость, гласность, состязательность. Как следует из разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и глас-

* **Гареев Марат Фаизович**, доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: gareeff.marat2013@yandex.ru

ности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» открытость и гласность судопроизводства, своевременное, квалифицированное, объективное информирование общества о деятельности судов общей юрисдикции способствуют повышению уровня правовой осведомленности о судопроизводстве и судопроизводстве, являются гарантией справедливого судебного разбирательства, а также обеспечивают общественный контроль за функционированием судебной власти. Открытое судебное разбирательство, как указал высший судебный орган страны, является одним из средств поддержания доверия общества к суду [10].

Обращаясь к вопросам неукоснительного соблюдения фундаментальных принципов российского судопроизводства, сегодня многие не принимают во внимание историю их становления и развития. Отсутствие должного внимания к историческим аспектам становления фундаментальных принципов отечественного судопроизводства, может быть обусловлено сформировавшимися политическими штампами, имеющими место в современной правовой и исторической науке и однобоким освещением отдельных исторических событий, имевших место в истории отечественного государства и права.

В качестве положительного исторического примера, способствующего формированию фундаментальных принципов современного судопроизводства, могут служить судебные процессы, состоявшиеся сразу после окончания Великой Отечественной войны над нацистскими преступниками, совершившими массовые убийства миллионов советских граждан. В истории отечественной и мировой юриспруденции такого рода судебные процессы получили название «малых нюрнбергских процессов» [22].

Одним из ярких судебных процессов является рассмотрение военным трибуналом Киевского военного округа, происходившее с 17 по 28 января в 1946 г. в Киевском доме офицеров Красной Армии, уголовного дела над нацистскими преступниками, признанными виновными в массовой гибели сотен тысяч советских граждан в годы оккупации на территории Украинской ССР. Перед судом предстали 15 человек, которые во время Второй мировой войны в составе немецкой армии и коллаборационистских формирований оккупационного режима на временно захваченной украинской земле совершили неслыханные чудовищные преступления в отношении советских граждан [17].

Среди подсудимых оказались высокопоставленные нацисты фашистской Германии: Шеер Пауль – генерал-лейтенант полиции, бывший начальник охранной полиции и жандармерии Киевской и Полтавской областей; Буркхардт Карл – генерал-лейтенант полиции, бывший комендант тыла 6-й армии на территории Сталинской (ныне Донецкой) и Днепропетровской областей; Фон-Чаммер унд Остен Эккардт Ганс – генерал-майор, бывший командир 213-й охранной дивизии, действовавшей в Полтавской области УССР, а позднее – комендант главной полевой комендатуры № 392; Хейниш Георг – обер-штурмфюрер СС, бывший гебитскомиссар (окружной комиссар) Мелитопольского округа и др. [15, 23].

Отличительной чертой данного судебного процесса явилось, что он прошел в условиях гласности и публичности. О широком применении

принципа гласности киевского судебного процесса также свидетельствует тот факт, что он подробно и широко освещался в советских средствах массовой информации того времени [24]. Убедиться в соблюдении ключевых принципов судопроизводства могли как участники судебного разбирательства, так и присутствующие лица. Об объективности предварительного и судебного следствия, неопровержимости доказательств, полностью устанавливающих вину подсудимых, законности и обоснованности приговора, вынесенного в отношении фашистских извергов, указывают материалы уголовного дела, которые широко освещались в средствах массовой информации того времени.

В ходе данного судебного разбирательства были исследованы и оценены все доказательства, включая показания свидетелей и потерпевших, заключения экспертиз, другие доказательства, имеющихся в распоряжении вышеупомянутого военного трибунала и Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК), созданный в ноябре 1942 года. Данная комиссия фактически играла роль органа предварительного расследования.

К особым достоинствам данного судебного процесса является предоставление нацистским преступникам права на судебную защиту. В свою очередь реализации права на судебную защиту в значительной мере способствует реализации таких принципов уголовного судопроизводства как законность, равноправие сторон и состязательность судебного процесса. Свидетельством этому являются публикации в советской печати того времени, в которых упоминаются фамилии таких адвокатов, как Казначеев, Белов, Витвитский, Луговской, Бонкин, Никифорова, Попов, Юдинов, Жилев, Железковский [16].

Об отсутствии всякого давления на подсудимых и, соответственно, реализации принципа законности, и иных фундаментальных принципов отечественного судопроизводства, ярко демонстрируют подробные показания нацистских преступников, данные ими в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства. В пользу данных доводов также могут указывать обстоятельства, что практически все подсудимые из-за приверженности к нацистской идеологии были убеждены в правильности совершенных ими чудовищных деяний против человечества.

Наиболее ярко сущность нацистской идеологии, направленную на массовое уничтожение людей, демонстрируют показания начальника охранной полиции и жандармерии Киевской и Полтавской областей группенфюрера (генеральское звание в СС) Пауля Шеера. Он повинен в организации облав в Киеве, в ходе которого в рабство попало 142 000 киевлян. Также он «прославился» в карательных акциях против партизан, насильственным изъятии продуктов и вещей; руководство массовыми расстрелами, организованные им в Бабьем Яру, в результате которого погибло 75 000 советских граждан. Примечательно, что в последнем слове Пауль Шеер откровенно поведал истинные планы нацистов: «Гиммлер говорил, что здесь, на Украине, нужно расчистить место для немцев. Украинское население должно быть истреблено» [25].

Особым цинизмом пронизаны показания обер-лейтенанта Эмиля Йогшата, командира взвода полевой жандармерии, участвовавшего в расстрелах мирных людей в Артемовске, который объяснял, что отправлял детей на тот свет практически из «гуманных» соображений: «Ведь они оставались без родителей. Не было ни отца, ни матери, и им трудно было бы существовать без родителей. На этом основании они расстреливались» [8].

Итогом киевского военного трибунала явился приговор, в результате которого в отношении 12 нацистских преступников было назначено наказание в виде смертной казни через повешение, а еще трое были приговорены к каторжным работам на срок от 15 до 20 лет [28].

Аналогичные судебные процессы прошли в других городах Советского Союза, пострадавших от зверских преступлений фашистских оккупантов, которые также подробно освещались в советской прессе и в публикациях [26].

Послевоенные публикации наглядно показывают, что органы советского правосудия судебные процессы, которые получили наименование как «малые нюрнбергские процессы», провели с точным соблюдением принципов и норм, установленных Законом СССР от 16.08.1938 г. «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик». Ключевое значение придавалось принципу законности, закрепленному в ст. 2 данного законодательного акта, в котором было предусмотрено, что правосудие в СССР имеет своей задачей обеспечение точного и неуклонного исполнения советских законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР [4].

Особо следует отметить, неукоснительное соблюдение принципа законности в послевоенный период приобрело наибольшую актуальность. В условиях необъятного человеческого горя советского народа, когда не осталась ни одной семьи, которая не потеряла бы близкого им человека, у руководства СССР стояла колоссальная задача вселить населению Советского Союза веру в торжество законности и справедливости. Последние исследования указывают о гибели 25 – 27 миллионов советских граждан в Великой Отечественной войне [20].

Многочисленные человеческие жертвы прошедшей войны способствовали формированию у людей крайней озлобленности, усугублявшаяся отсутствием полноценного питания и жилья, разрушением многих городов и сел из-за артиллерийских обстрелов и авиационных налетов фашистской артиллерии и авиации, разрушением многих промышленных объектов, и другими многочисленными жизненно значимыми проблемами, которые остро стояли после окончания Великой Отечественной войны. В связи с наличием огромного количества оружия, оставшегося после завершения боевых действий, в Советском Союзе обострялась криминальная ситуация, которая усугублялась на фоне обесценивания человеческой жизни.

Как передает большинство источников, у огромного количества людей возникло «чувство ненависти, жажда отмщения...» [14].

Колоссальные человеческие жертвы и грандиозные разрушения в СССР, вызванные прошедшей войной, приводили к необходимости стимулирования у советского народа положительных психологических установок, на-

правленных на восстановление экономики, городов, поселков, сел, разрушенных и пострадавших в результате варварского нападения фашистских захватчиков.

Одним из существенных факторов, направленных на формирование положительных психологических установок советского народа, вселивших в людей чувство законности, и в первую очередь справедливости, стали судебные процессы над немецко-фашистскими захватчиками, которые прошли практически сразу после окончания Великой Отечественной войны.

В пользу данных доводов также можно отнести обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии фактов массового самосуда над нацистами и их пособниками из числа советских граждан, совершивших столь чудовищные преступления над советским народом. Теперь можно констатировать, что органам советского правосудия удалось достичь цели и задачи, установленные ст. 3 Законом СССР от 16.08.1938 г.: «всей своей деятельностью суд воспитывает граждан СССР в духе преданности родине и делу социализма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития» [4].

Достижение наибольшей эффективности фундаментальных принципов отечественного судопроизводства представилось возможным благодаря совокупному применению соответствующих мер уголовно-правового воздействия, которые содержались в Указе Президиума Верховного Совета СССР № 39 от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» [6].

Данным Указом вводилось применение высшей меры уголовного наказания в виде смертной казни через повешение, которая была обозначена в качестве исключительной и была явно несвойственна советскому уголовному праву. Основанием для применения столь суровой и позорной высшей меры уголовного наказания выступали факты «расправы и насилия над беззащитными советскими гражданами и пленными красноармейцами», совершенные в результате «немецких, итальянских, румынских, венгерских, финских фашистских злодеяний». Применение смертной казни через повешение допускалось в отношении советских граждан, деяния которых квалифицировались как измена Родине и «являются самыми позорными и тяжкими преступлениями, самыми гнусными злодеяниями».

Этим же Указом в п. 2 предусматривалось более «мягкое» наказание в виде ссылки на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет, которая применялась в отношении пособников из местного населения, уличенных в оказании содействия злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами [6].

В качестве основной цели применения высшей меры наказания в виде смертной казни через повешение, как это было закреплено в Указе Президиума Верховного Совета СССР № 39 от 19 апреля 1943 года, выступала кара [6].

О чрезвычайности и несвойственному советскому уголовному праву закреплению кары в качестве уголовного наказания свидетельствуют положения ст. 4 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик, которые полностью исключали возмездие и кару в качестве задач уголовного законодательства. Цели уголовного наказания в вышеупомянутых Основных началах уголовного законодательства были обозначены как меры социальной защиты и заключались в следующем:

а) предупреждении преступлений; б) лишении общественно-опасных элементов возможности совершать новые преступления; в) исправительно-трудовом воздействии на осужденных [1].

Аналогичные цели, которые также именовались мерами социальной защиты, нашли законодательное закрепление в ст. 9 УК РСФСР 1926 г.:

а) предупреждение новых преступлений со стороны лиц, совершивших их,

б) воздействие на других неустойчивых членов общества и

в) приспособление совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся [2].

Отсутствует упоминание о каре в уст. 6 Криминального кодекса Украинской ССР (УК УССР) 1927 г. В качестве целей уголовного наказания закреплено следующее: предупреждение новых преступлений, приспособление нарушителя к условиям общежития, лишение преступника возможности совершать новые преступления [3].

Введение Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. высшей меры наказания в виде смертной казни через повешение и каторжных работ [6], как крайне исключительной, по сути, способствовало формированию одного из современных аспектов такой цели наказания, как восстановление социальной справедливости. В современной трактовке одна из сторон целей наказания, направленная на восстановление социальной справедливости, должна «способствовать восприятию в общественном сознании наказания как справедливого, способного удовлетворить общественное возмущение, вызванное преступлением» [27, с. 193–194].

В современном уголовном праве, цель уголовного наказания, заключающаяся в восстановлении социальной справедливости, направленная на удовлетворение общественного возмущения, законодательно выступила «модернизированной» карой [12], которая содержалась в ст. 20 УК РСФСР 1960 г. [5].

Применение столь исключительной меры уголовного наказания в виде казни через повешение, которая исторически сложилась, как наиболее унижительная форма казни, объясняется стремлением высшего руководства советского государства послевоенной поры снизить агрессию и озлобленность населения, вызванного чудовищными зверствами немецко-фашистских оккупантов и их пособников. Оно также направлено на исключение случаев самосуда, когда под «горячую» руку народного мстителя мог попасть ни в чем не повинный человек. Подобного рода акты необоснованного самосуда могли породить ответные противоправные действия у близких обидчика.

К наиболее ярким примерам применения фундаментальных принципов отечественного судопроизводства и вышеописанных мер уголовно-правового

воздействия можно отнести очередной малый «нюрнбергский» процесс, прошедший в послевоенном Ленинграде над немецко-фашистскими оккупантами, в результате которого 5 января 1946 г. смертную казнь через повешение применили в отношении восьмерых нацистов, а троих приговорили к длительным срокам лишения свободы, включая каторжные работы, за массовые убийства в Псковской области. Один из очевидцев данного события так описал свои ощущения: «была мрачная горькая удовлетворенность – что хоть этих повесили» [18].

На первый взгляд возникает закономерный вопрос: почему нацистских преступников судили и применили к ним весьма суровые, исключительные виды наказаний в Ленинграде, а не в Пскове, где они творили чудовищные преступления?

Выбор места судебного процесса и казни не был случайным. Принималось во внимание, что жители Ленинграда в наивысшей степени ощутили все ужасы прошедшей войны. В течение 900 дней и ночей ленинградцы подвергались массированным атакам фашистской артиллерии и авиации, большинство жителей г. Ленинграда погибли от голода и холода, поскольку блокада города не позволяла снабжать продуктами питания ее жителей [13]. Вышеописанные ощущения очевидца исполнения приговора военного трибунала в г. Ленинграде в полной мере отражают достижение целей советскими органами власти, направленных на восстановление законности и правопорядка.

О достижении руководством СССР указанных целей и задач также наглядно свидетельствуют воспоминания известного отечественного композитора Владимира Яковлевича Шаинского, который был очевидцем исполнения высшей меры наказания в виде повешения в отношении вышеупомянутых 12 нацистских преступников в соответствии с приговором Киевского военного трибунала. Будущему знаменитому композитору, написавшему музыку для мультфильмов про Чебурашку и Крокодила Гену, в этот момент было двадцать лет. «Немцев вывели на помост, построили у виселицы, накинули на шеи петли. Когда они в конвульсиях заболтались на веревках, толпа начала аплодировать...» [19].

Рассматривая географию послевоенных судебных процессов и публичное исполнение вынесенных приговоров над нацистами, можно констатировать, что они были проведены в городах, жители которых пострадали от их зверств, что в определенной степени способствовало достижению в современном ее понимании одного из аспектов цели уголовного наказания, направленного на восстановление социальной справедливости.

Резюмируя изложенное, можно отметить, что советским органам государственной власти после окончания Великой Отечественной войны, благодаря реализации традиционных фундаментальных принципов отечественного судопроизводства и исключительных мер уголовно-правового воздействия удалось в полной мере выполнить задачи по установлению законности и правопорядка в стране в послевоенный период.

В пользу данных доводов свидетельствуют также обстоятельства, указывающие на отсутствие фактов массового самосуда над фашистскими захватчиками и их пособниками.

Также следует принять во внимание, что неукоснительное соблюдение принципов уголовного судопроизводства в ходе рассмотрения и разрешения уголовных дел в отношении нацистских преступников, заложили не только прочный фундамент современного уголовного процесса, но в значительной мере способствовали становлению института уголовного наказания, направленного на достижение цели восстановления социальной справедливости.

Опыт проведения судебных процессов в послевоенный период над нацистскими преступниками в нашей стране может представлять ценность для современной судебной системы, поскольку при наличии законных оснований, предусмотренных процессуальным законодательством, суды могут подвергать широкой огласке судебные процессы, представляющие повышенную общественную значимость.

Малые «нюрнбергские» процессы, которые стали проходить после принятия Указа Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 [6] и в послевоенные годы, приобрели особую актуальность в свете последних событий, происходящих в связи с проведением специальной военной операции, начавшейся 24 февраля 2022 г., на территории Украины.

Высока вероятность того, что в ходе проведения специальной военной операции могли быть задержаны командиры и бойцы таких националистических подразделений Украины как «Азов», «Айдар» и др., которые совершали массовые убийства мирных граждан на территории Донбасской и Луганской народных республик. По данному факту массового убийства граждан данных республики Следственный комитет России возбудил уголовные дела по ст. 357 УК РФ (геноцид) [21].

Правовыми основами для этого является действующее процессуальное законодательство, где предусмотрено, что разбирательство дел во всех судах открытое, а также Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [8].

Соответствующие разъяснения о реализации принципа гласности содержатся в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» [9]. К иным мерам по подготовке судебного заседания, принимаемым судьей в соответствии со ст. 232 УПК РФ, относится решение вопросов, связанных с присутствием в зале судебного заседания представителей средств массовой информации [7].

Для полноценной реализации конституционного принципа гласности предлагается внести соответствующие дополнения в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» [11], в котором содержались бы разъяснения относительно применения онлайн-трансляций в информационно-телекоммуникационных сетях, включая Интернет, и в средствах массовой информации, в том числе, на телевидении, судебных процессов, связанных с посягательством на наиболее ценные социальные блага (жизнь

и здоровье граждан, общественная безопасность и пр.). В частности, к таким преступлениям можно отнести совершение массовых убийств и террористических актов, коррупционных преступлений, причинивших значительный ущерб обществу и государству.

Широкое применение принципа гласности по данным категориям уголовных дел приведет не только к реализации таких фундаментальных принципов российского судопроизводства, как состязательность и равноправие сторон, но и в значительной степени будет содействовать достижению основной задачи уголовного законодательства, направленного на предупреждение преступлений и достижению общей предупредительной цели наказания, предусмотренной уголовным законодательством.

Кроме того, судебные процессы над нацистскими преступниками имели особое морально-политическое значение, способствовали повышению авторитета СССР на международной арене, в значительной мере дали импульс международному военному трибуналу в г. Нюрнберге, который прошел с 30 сентября по 1 октября 1946 г., поскольку он состоялся позже судебных процессов, прошедших в Советском Союзе. Органы советской юстиции, используя собственный уникальный опыт в осуществлении правосудия над нацистскими преступниками, приняв участие на международном Нюрнбергском трибунале, который, кстати, явился одним из первых международных судебных процессов, внесли существенный вклад в становление основных институтов международного права. К особой заслуге Советского Союза, прежде всего, следует отнести тот факт, что советские органы правосудия не ограничились осуждением преступных деяний и наказанием нацистских преступников, а продемонстрировали бесчеловечность нацистской идеологии, которая проповедовала превосходство одной расы над другими, и была направлена на уничтожение целых народов.

В конечном счете, действия органов советской юстиции по организации и проведению судебных процессов над нацистскими преступниками и осуждение их идеологии, направленной против человечества, внесли существенный вклад в укрепление мира и позволили на многие десятилетия заложить фундамент мирного сосуществования между государствами, исключив тем самым возможность возникновения крупномасштабных войн.

Библиографический список

1. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик. Утверждены Постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924 г. (утратил силу). [Электронный ресурс]. //Режим доступа: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?Req=doc&base=ESU&n=16671&#kbMOL8TOUEUZWS0p. – (дата обращения – 16 июня 2022 г.).
2. УК РСФСР 1926 г. [Электронный ресурс]. //Ресурс доступа: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=100017&=BOQRL8TORDJW0P08. – (дата обращения – 16 июня 2022 г.).
3. Кримінальний кодекс УРСР 1927 р. – Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР. 1927. – 134 [1], 1 л. табл.; 17 см.

4. Закон СССР от 16.08.1938 г. «О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик». [Электронный ресурс]. //Режим доступа: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&=16079&. – (дата обращения – 16 июня 2022 г.).

5. УК РСФСР 1960 г. [Электронный ресурс]. //Режим доступа: www.consultant.ru/document/cjns_doc_LAW_2950/? – (дата обращения – 16 июня 2022 г.).

6. Постановление Президиума Верховного Совета СССР № 39 от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». [Электронный ресурс]. //Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki/>. – (дата обращения – 16 июня 2022 г.).

7. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // www.consultant.ru

8. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (часть I). – Ст. 6217.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 г. № 28 «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2010. – № 2.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 3.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 3.

12. Борзенков Г.Н., Бородин С.В., Кузнецова Н.Ф., Наумов А.В., Никулин С.И., Филимонов В.Д. Новое уголовное право России. Общая часть: учебное пособие // Под ред. Кузнецовой Н.Ф. – М.: Зерцало – ТЕИС, 1996. – 168 с.

13. Блокада Ленинграда. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> – (дата обращения – 16 июня 2022 г.).

14. Киевский Нюрнберг. Сиди и смотри. [Электронный ресурс]. //Режим доступа // <https://rg.ru/2021/01/17/polutorachasovoj-dokumenealnyj-film-o-kievskom-processe-obrashchen-k-kazhdomu-iz-nas.html>? – (дата обращения – 15 июня 2022 г.).

15. «Немецкие генералы забились в истерику...»: как в Киеве в 1946 г. судили и повесили нацистов. [Электронный ресурс]. //Режим доступа: // <https://www.rubaltic.ru/context/12022021>. – (дата обращения – 15 июня 2022 г.).

16. Нюрнбергский трибунал в Киеве. [Электронный ресурс]. //Режим доступа: // <https://moskvaforum.moiib.ru/viewtopic.php?f221&t=7082&>. – (дата обращения – 15 июня 2022 г.).

17. Обнародованы уникальные материалы о зверствах нацистов на Украине. [Электронный ресурс]. //Режим доступа: // <https://www.mk.ru/social/2021/01/28/>. – (дата обращения – 15 июня 2022 г.).

18. Отец рассказывал. Казнь 05.01.1946 г. [Электронный ресурс]. //Режим доступа // <https://nikoberg.liverjournal.com/8933.html?ysclid=14fi08l0ho> 189940765. – (дата обращения – 16 июня 2022 г.).

19. Панков Ю. Виселицы на Майдане // Совершенно секретно. 08.04.2014 // Режим доступа: <https://www.sovsekretno.ru/articles/viselitsy-na-maydane/>. – (дата обращения – 16 июня 2022 г.).

20. Потери в Великой Отечественной войне. [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki> – (дата обращения – 15 июня 2022 г.).

21. СК возбудил дело по факту геноцида в ДНР и ЛНР. [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/news/2014/09/29/n_6519562.shtml?ysclid=14fbo1ua9e439725887. – (дата обращения – 16 июня 2022 г.); СК завел уголовное дело о геноциде русскоязычного населения Донбасса. [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <https://rg.ru/2014/09/30/sledstvie.html>? – (дата обращения – 16 июня 2022 г.).

22. Судебные процессы и казнь военных преступников: фашистов и их пособников. [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <http://artushenkooleg.ru/wp-oleg/artihives/2459>. (дата обращения – 15 июня 2022 г.).

23. ФСБ показала материалы «Киевского Нюрнберга». [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <http://ria.ru/20210128/istoria-1594892061.html>? – (дата обращения – 15 июня 2022 г.).

24. См. напр.: Газета «Известия». 20 января 1946 г.

25. См.: Возмездие для двенадцати. // Информационно-политических журнал. [Электронный ресурс]: <http://lawinrussia.ru/content/vozmezdие-dlya-dvenadcati>? – (дата обращения – 16 июня 2022 г.).

26. См. напр.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР". № 27 (8943). 31 января 1946 года; Известия Советов депутатов трудящихся СССР. № 279 (9501) от 27 ноября 1947 года; Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 г.). – Минск: Государственное издательство БССР, 1947. – 472 с.; *Асташкин Д. Ю.* Процессы над нацистскими преступниками на территории СССР в 1943–1949 гг. Каталог выставки. – М.: Б.и. – 2015; *Асташкин Д. Ю.* Ленинградский процесс над немецкими военными преступниками 1945–1946 гг.: Политические функции и медиатизация // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* – 2020. – Т. 4. – № 2. – С. 505; *Епифанов А. Е., Эртель Л. А.* Экспертные исследования по делам гитлеровских военных преступников и их пособников в истории отечественного судопроизводства // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2010; Судебный процесс по делу о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР = *Tiesas prāva par vācu-fašistisko iebrucēju ļaundarībām Latvijas, Lietuvas un Igaunijas sociālistisko republiku teritorijā* / Л.К.Крахмальник. – Рига: Grāmatu argāds, 1946. – 169 с.

27. Уголовное право России. Части общая и особенная: учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Рарог. – М.: Проспект, 2017. – 624 с.

28. Эшафот на Майдане. Как в Киеве судили и повесили нацистов. [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <https://aif.ru/society/history>. – (дата обращения – 15 июня 2022 г.).

Для цитирования: *Гареев М.Ф.* Применение принципов уголовного судопроизводства как эффективное средство для достижения целей наказания (на примере послевоенной эпохи Советского Союза): статья // *Юридическая мысль.* – 2022. – № 4. – С. 66–76.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.006

Application of the principles of criminal justice as an effective means to achieve the goals of punishment (on the example of the post-war era of the Soviet Union)

Marat F. Gareev *

Annotation. The article examines the history of the development of the fundamental principles of domestic legal proceedings on the example of post-war trials of Nazi criminals. The above-mentioned trials have received in history the name of the small "Nuremberg" trials. Particular attention is paid to the principles of legality, publicity, publicity and justice. The combination of measures of criminal law, consisting in the use of capital punishment by hanging and hard labor, made it possible, after the end of World War II, to form a positive moral and psychological climate in the Soviet Union and avoid mass cases of lynching of Nazi criminals.

The relevance of the study is due to the crimes committed by the commanders and fighters of the nationalist formations of Ukraine on the territory of the Donetsk and Lugansk People's Republics at the present stage. Due to the special social severity of a number of crimes against people's lives, terrorist and corruption crimes, as well as other criminal acts that encroach on the most valuable benefits, it is proposed to introduce appropriate clarifications on the application of the fundamental principles of Russian legal proceedings in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: Great Patriotic War, trials, small Nuremberg trials, fundamental principles of legal proceedings, legality, openness, publicity, justice, mass extermination of people, Nazi criminals, criminal law impact, capital punishment, hanging, hard labor, genocide.

One of the fundamental principles of Russian legal proceedings is openness, publicity, competitiveness. As follows from the explanations of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 13, 2012 No. 35 "On the openness and transparency of legal proceedings and on access to information about the activities of the courts", openness and publicity of legal proceedings, timely, qualified, objective informing the public about the activities of general courts jurisdictions contribute to raising the level of legal awareness of the judiciary and legal proceedings, are a guarantee of a fair trial, and also provide public control over the functioning of the judiciary. An open trial, as pointed out by the country's highest judicial body, is one of the means of maintaining public confidence in the court [10].

Turning to the issues of strict observance of the fundamental principles of Russian legal proceedings, today many do not take into account the history of their formation and development. The lack of due attention to the historical aspects of the formation of the fundamental principles of domestic legal proceedings may be due to the formed political clichés that take place in modern

* **Gareev Marat Faizovich**, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law (St. Petersburg), Candidate of Legal Sciences. E-mail: gareeff.marat2013@yandex.ru

legal and historical science and one-sided coverage of certain historical events that took place in the history of the domestic state and law.

As a positive historical example that contributes to the formation of the fundamental principles of modern legal proceedings, we can serve as the trials that took place immediately after the end of the Great Patriotic War against Nazi criminals who committed massacres of millions of Soviet citizens. In the history of domestic and world jurisprudence, such trials are called "small Nuremberg trials" [22].

One of the brightest trials is the consideration by the military tribunal of the Kyiv military district, which took place from January 17 to 28 in 1946 in the Kiev House of Red Army Officers, of the criminal case against Nazi criminals found guilty of the mass death of hundreds of thousands of Soviet citizens during the years of occupation in the territory Ukrainian SSR. 15 people appeared before the court, who during the Second World War, as part of the German army and collaborationist formations of the occupation regime on the temporarily occupied Ukrainian land, committed unheard-of monstrous crimes against Soviet citizens [17].

Among the defendants were high-ranking Nazis of fascist Germany: Scheer Paul – police lieutenant general, former head of the security police and gendarmerie of the Kyiv and Poltava regions; Burkhardt Karl – Police Lieutenant General, former commandant of the rear of the 6th Army in the Stalin (now Donetsk) and Dnepropetrovsk regions; Von-Chammer und Osten Eckardt Hans – Major General, former commander of the 213th security division operating in the Poltava region of the Ukrainian SSR, and later – commandant of the main field commandant's office No. 392; Heinisch Georg – Ober-Sturmführer of the SS, former gebitskommissar (district commissar) of the Melitopol district, etc. [15, 23].

A distinctive feature of this trial was that it took place in conditions of openness and publicity. The wide application of the principle of publicity of the Kyiv trial is also evidenced by the fact that it was covered in detail and widely in the Soviet mass media of that time [24]. Both the participants in the trial and those present could be convinced of the observance of the key principles of legal proceedings. The objectivity of the preliminary and judicial investigation, the irrefutability of the evidence that fully establishes the guilt of the defendants, the legality and validity of the verdict passed against the fascist monsters are indicated by the materials of the criminal case, which were widely covered in the media of that time.

During this trial, all evidence was examined and evaluated, including the testimony of witnesses and victims, expert opinions, other evidence available to the aforementioned military tribunal and the Extraordinary State Commission for the Establishment and Investigation of the Atrocities of the Nazi Invaders and Their Accomplices and the Caused they damage citizens, collective farms, public organizations, state enterprises and institutions of the USSR (ChGK), established in November 1942. This commission actually performed the role of a body of preliminary investigation.

The special advantages of this trial are the provision of Nazi criminals with the right to judicial protection. In turn, the realization of the right to judi-

cial protection to a large extent contributes to the implementation of such principles of criminal proceedings as legality, equality of the parties and competitiveness of the trial. Evidence of this are publications in the Soviet press of that time, which mention the names of such lawyers as Kaznacheev, Belov, Vitvitsky, Lugovskoy, Bonkin, Nikiforenko, Popov, Yudikov, Zhilov, Zhelezovsky [16].

The absence of any pressure on the defendants and, accordingly, the implementation of the principle of legality, and other fundamental principles of domestic legal proceedings, are vividly demonstrated by the detailed testimony of Nazi criminals given by them during the preliminary investigation and trial. In favor of these arguments, the circumstances may also indicate that almost all the defendants, because of their adherence to Nazi ideology, were convinced of the correctness of the monstrous acts committed by them against humanity.

Most clearly, the essence of Nazi ideology, aimed at the mass destruction of people, is demonstrated by the testimony of the head of the security police and gendarmerie of the Kyiv and Poltava regions, group-penfuhrer (general rank in the SS) Paul Scheer. He is guilty of organizing round-ups in Kyiv, during which 142,000 Kyivans fell into slavery. He also "became famous" in punitive actions against partisans, the forcible seizure of food and things; leadership of the mass executions organized by him in Babi Yar, as a result of which 75,000 Soviet citizens died. It is noteworthy that in the last word, Paul Scheer frankly told the true plans of the Nazis: "Himmler said that here, in Ukraine, we need to clear a place for the Germans. The Ukrainian population must be exterminated" [25].

Special cynicism pervaded the testimony of Lieutenant Emil Iogshat, the commander of a field gendarmerie platoon who participated in the executions of civilians in Artemovsk, who explained that he sent children to the next world practically out of "humane" considerations: "After all, they were left without parents. There was no father or mother, and it would be difficult for them to exist without parents. On this basis, they were shot" [8].

The result of the Kyiv military tribunal was a verdict, as a result of which 12 Nazi criminals were sentenced to death by hanging, and three more were sentenced to hard labor for a term of 15 to 20 years [28].

Similar trials took place in other cities of the Soviet Union that suffered from the brutal crimes of the fascist invaders, which were also covered in detail in the Soviet press and in publications [26].

Post-war publications clearly show that the Soviet justice authorities conducted the trials, which were called the "small Nuremberg trials", in strict observance of the principles and norms established by the USSR Law of August 16, 1938 "On the judiciary of the USSR, union and autonomous republics. Key importance was attached to the principle of legality, enshrined in Art. 2 of this legislative act, which stipulated that justice in the USSR has as its task to ensure the exact and steady implementation of Soviet laws by all institutions, organizations, officials and citizens of the USSR [4].

It should be especially noted that strict observance of the principle of legality in the post-war period has acquired the greatest relevance. In the conditions of the immense human grief of the Soviet people, when there was not a single family left that would not have lost a person close to them, the leader-

ship of the USSR had a colossal task to instill in the population of the Soviet Union faith in the triumph of law and justice. Recent studies indicate the death of 25–27 million Soviet citizens in the Great Patriotic War [20].

Numerous human casualties of the last war contributed to the formation of extreme anger among people, aggravated by the lack of adequate food and housing, the destruction of many cities and villages due to artillery shelling and air raids of fascist artillery and aviation, the destruction of many industrial facilities, and numerous other vital problems which stood sharply after the end of the Great Patriotic War. Due to the presence of a huge amount of weapons left after the end of hostilities, the criminal situation in the Soviet Union was exacerbated; this was aggravated against the backdrop of the depreciation of human life.

According to most sources, a huge number of people had a "feeling of hatred, a thirst for revenge ..." [14].

The colossal loss of life and tremendous destruction in the USSR caused by the last war led to the need to stimulate positive psychological attitudes among the Soviet people aimed at restoring the economy, cities, towns, villages, destroyed and affected as a result of the barbaric attack of the fascist invaders.

One of the significant factors aimed at shaping the positive psychological attitudes of the Soviet people, which instilled in people a sense of legality, and above all justice, was the trials of the Nazi invaders, which took place almost immediately after the end of the Great Patriotic War.

In favor of these arguments, one can also attribute the circumstances that testify to the absence of facts of mass lynching of the Nazis and their accomplices from among the Soviet citizens who committed such monstrous crimes against the Soviet people. Now we can state that the Soviet justice authorities managed to achieve the goals and objectives established by Art. 3 By the Law of the USSR of August 16, 1938: "With all its activities, the court educates the citizens of the USSR in the spirit of devotion to the homeland and the cause of socialism, in the spirit of precise and unswerving implementation of Soviet laws, careful attitude to socialist property, labor discipline, honest attitude to the state and public duty, respect for the rules of the socialist community" [4].

Achieving the greatest efficiency of the fundamental principles of domestic legal proceedings was made possible thanks to the cumulative application of appropriate measures of criminal law, which were contained in the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR No. murders and tortures of the Soviet civilian population and captured Red Army soldiers, for spies, traitors to the motherland from among Soviet citizens and for their accomplices" [6].

This Decree introduced the use of capital punishment in the form of the death penalty by hanging, which was designated as exceptional and was clearly unusual for Soviet criminal law. The basis for the application of such a harsh and shameful capital punishment was the facts of "reprisals and violence against defenseless Soviet citizens and captured Red Army soldiers" committed as a result of "German, Italian, Romanian, Hungarian, Finnish fascist atrocities." The use of the death penalty by hanging was allowed in relation to Soviet citizens, whose acts were qualified as treason and "are the most shameful and grave crimes, the most heinous atrocities."

The same Decree in paragraph 2 provided for a “softer” punishment in the form of a reference to hard labor for a period of 15 to 20 years, which was applied to accomplices from the local population who were convicted of assisting villains in committing massacres and violence over the civilian population and captured Red Army soldiers [6].

As the main goal of applying capital punishment in the form of the death penalty by hanging, as it was enshrined in the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR No. 39 of April 19, 1943, there was a punishment [6].

The provisions of Art. 4 Basic principles of the criminal legislation of the Union of the USSR and the Union Republics, which completely excluded retribution and punishment as tasks of criminal law. The objectives of criminal punishment in the above Fundamental Principles of Criminal Law were designated as measures of social protection and were as follows:

a) crime prevention; b) depriving socially dangerous elements of the opportunity to commit new crimes; c) corrective labor impact on convicts [1].

Similar goals, which were also called social protection measures, found legislative consolidation in Art. 9 of the Criminal Code of the RSFSR 1926:

a) prevention of new crimes by the persons who committed them,
b) impact on other unstable members of society and
c) the adaptation of those who have committed criminal acts to the conditions of the hostel of the state of workers [2].

There is no mention of punishment in the mouth. 6 of the Criminal Code of the Ukrainian SSR (CC of the Ukrainian SSR) of 1927. The following are fixed as the goals of criminal punishment: prevention of new crimes, adaptation of the offender to the conditions of the hostel, deprivation of the criminal of the opportunity to commit new crimes [3].

The introduction by the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of April 19, 1943, of capital punishment in the form of the death penalty by hanging and hard labor [6], as extremely exceptional, in fact, contributed to the formation of one of the modern aspects of such a goal of punishment as the restoration of social justice. In the modern interpretation, one of the sides of the goals of punishment, aimed at restoring social justice, should “contribute to the perception in the public mind of punishment as fair, capable of satisfying public indignation caused by the crime” [27, p. 193–194].

In modern criminal law, the goal of criminal punishment, which is to restore social justice, aimed at satisfying public indignation, has acted as a “modernized” punishment [12], which was contained in Art. 20 of the Criminal Code of the RSFSR of 1960 [5].

The use of such an exceptional measure of criminal punishment in the form of hanging, which has historically developed as the most humiliating form of execution, is explained by the desire of the top leadership of the Soviet state of the post-war period to reduce the aggression and anger of the population caused by the monstrous atrocities of the Nazi invaders and their accomplices. It is also aimed at excluding cases of lynching, when an innocent person could fall under the “hot” hand of the people's avenger. Such acts of unreasonable lynching could give rise to retaliatory illegal actions among relatives of the offender.

The most striking examples of the application of the fundamental principles of domestic legal proceedings and the above-described measures of criminal law include another small "Nuremberg" trial, which took place in post-war Leningrad over the Nazi occupiers, as a result of which on January 5, 1946, the death penalty was applied by hanging. against eight Nazis, and three were sentenced to long terms of imprisonment, including hard labor, for massacres in the Pskov region. One of the eyewitnesses of this event described his feelings as follows: "there was a gloomy bitter satisfaction – that at least these were hanged" [18].

At first glance, a logical question arises: why were Nazi criminals tried and applied to them with very severe, exceptional punishments in Leningrad, and not in Pskov, where they committed monstrous crimes?

The choice of the place of the trial and execution was not accidental. It was taken into account that the inhabitants of Leningrad felt all the horrors of the past war to the highest degree. For 900 days and nights, Leningraders were subjected to massive attacks by fascist artillery and aviation, most of the inhabitants of Leningrad died of hunger and cold, since the blockade of the city did not allow supplying food to its inhabitants [13]. The above-described feelings of an eyewitness to the execution of the sentence of the military tribunal in Leningrad fully reflect the achievement of the goals by the Soviet authorities aimed at restoring law and order.

The achievement by the leadership of the USSR of these goals and objectives is also clearly evidenced by the memoirs of the famous domestic composer Vladimir Yakovlevich Shainsky, who was an eyewitness to the execution of the death penalty in the form of hanging against the above-mentioned 12 Nazi criminals in accordance with the verdict of the Kiev military tribunal. The future famous composer, who wrote music for cartoons about Cheburashka and Crocodile Gena, was twenty years old at that moment. "The Germans were taken to the platform, lined up at the gallows; they threw nooses around their necks. When they dangled in convulsions on the ropes, the crowd began to applaud ... "[19].

Considering the geography of the post-war trials and the public execution of sentences against the Nazis, it can be stated that they were held in cities whose inhabitants suffered from their atrocities, which to a certain extent contributed to the achievement in its modern understanding of one of the aspects of the goal of criminal punishment aimed at restoring social justice.

Summarizing the above, it can be noted that after the end of the Great Patriotic War, the Soviet state authorities, thanks to the implementation of the traditional fundamental principles of domestic legal proceedings and exceptional measures of criminal law, managed to fully fulfill the tasks of establishing law and order in the country in the post-war period.

Circumstances that indicate the absence of facts of mass lynching of the fascist invaders and their accomplices also testify in favor of these arguments.

It should also be taken into account that strict observance of the principles of criminal justice during the consideration and resolution of criminal cases against Nazi criminals not only laid a solid foundation for the modern criminal process, but greatly contributed to the formation of the institution of criminal punishment aimed at achieving the goal of restoring social justice.

The experience of conducting trials in the post-war period over Nazi criminals in our country can be of value to the modern judicial system, since, if there are legal grounds provided for by procedural legislation, courts can widely publicize trials of high social significance.

Small "Nuremberg" trials, which began to take place after the adoption of the Decree of the Supreme Soviet of the USSR of April 19, 1943 No. 39 [6] and in the post-war years, have acquired particular relevance in the light of recent events taking place in connection with the conduct of a special military operation of the campaign, which began on February 24, 2022, on the territory of Ukraine.

It is highly likely that in the course of a special military operation, commanders and fighters of such nationalistic units of Ukraine as Azov, Aidar, etc., who committed massacres of civilians on the territory of the Donbass and Luhansk People's Republics, could be detained. On this fact of the mass murder of citizens of these republics, the Investigative Committee of Russia opened criminal cases under Art. 357 of the Criminal Code of the Russian Federation (genocide) [21].

The legal basis for this is the current procedural legislation, which provides that the proceedings in all courts are open, as well as the Federal Law of December 22, 2008 No. 262-FZ "On ensuring access to information about the activities of courts in the Russian Federation" [8].

Relevant clarifications on the implementation of the principle of publicity are contained in paragraph 9 of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 22, 2009 No. 28 "On the application by courts of the norms of criminal procedure legislation governing the preparation of a criminal case for trial" [9]. To other measures for the preparation of the court session, taken by the judge in accordance with Art. 232 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the solution of issues related to the presence of representatives of the media in the courtroom are related [7].

For the full implementation of the constitutional principle of publicity, it is proposed to make appropriate additions to paragraph 1 of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 19, 2017 No. 51 "On the practice of applying legislation when considering criminal cases in a court of first instance (general procedure for legal proceedings)" [11], which would contain explanations regarding the use of online broadcasts in information and telecommunication networks, including the Internet, and in the media, including on television, lawsuits related to encroachment on the most valuable social benefits (life and health citizens, public safety, etc.). In particular, such crimes include the commission of massacres and terrorist acts, corruption crimes that caused significant damage to society and the state.

The wide application of the principle of publicity in these categories of criminal cases will not only lead to the implementation of such fundamental principles of Russian legal proceedings as adversarial and equal rights of the parties, but will also largely contribute to the achievement of the main task of criminal legislation aimed at preventing crimes and achievement of the general preventive purpose of punishment provided for by criminal law.

In addition, the trials of Nazi criminals were of particular moral and political significance, contributed to raising the prestige of the USSR in the international arena, and to a large extent gave impetus to the international military tribunal in Nuremberg, which took place from September 30 to October 1, 1946, since it took place later than the trials that took place in the Soviet Union. The organs of Soviet justice, using their own unique experience in the administration of justice against Nazi criminals, taking part in the international Nuremberg Tribunal, which, by the way, was one of the first international trials, made a significant contribution to the formation of the main institutions of international law. The special merit of the Soviet Union, first of all, should be attributed to the fact that the Soviet justice authorities did not limit themselves to condemning criminal acts and punishing Nazi criminals, but demonstrated the inhumanity of the Nazi ideology, which preached the superiority of one race over others, and was aimed at destroying entire peoples.

Ultimately, the actions of the Soviet justice authorities in organizing and conducting trials of Nazi criminals and condemning their ideology directed against humanity made a significant contribution to strengthening peace and made it possible for many decades to lay the foundation for peaceful coexistence between states, thereby eliminating the possibility of large-scale wars.

Conflict of interest.

The author confirms the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. The main principles of the criminal legislation of the USSR and the Union Republics. Approved by the Decree of the Central Executive Committee of the USSR of October 31, 1924 (no longer valid). [Electronic resource]. //Access mode: //www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?Req=doc&base=ESU&n= 16671&#kbMOL8TOUEU ZWS0p. – (Accessed June 16, 2022).

2. Criminal Code of the RSFSR 1926 [Electronic resource]. //Access resource: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=100017&=BOQRL8TOR DJW0P08. – (Accessed June 16, 2022).

3. Criminal Code of the URSR 1927 – Kharkov: Jurid. publishing house of the NKJU of the Ukrainian SSR. 1927. – 134 [1], 1 sheet. tab.; 17 cm

4. Law of the USSR of 08/16/1938 "On the judiciary of the USSR, union and autonomous republics". [Electronic resource]. //Access mode: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&bace=ESU&=16079&. – (date of circulation – June 16, 2022).

5. Criminal Code of the RSFSR 1960 [Electronic resource]. // Access mode: www.consultant.ru/document/cjns_doc_LAW_2950/? – (Accessed June 16, 2022).

6. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR No. 39 of April 19, 1943 "On the penalties for the Nazi villains guilty of killing and torturing the Soviet civilian population and captured Red Army soldiers, for spies, traitors to the motherland from among Soviet citizens and for their accomplices" . [Electronic resource]. // Access mode: https://ru.wikisource.org/wiki. – (Accessed June 16, 2022).

7. "Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated 12/18/2001 N 174-FZ (as amended on 12/29/2022) (as amended and supplemented, entered into force on 01/01/2023) // www.consultant.ru

8. Federal Law of December 22, 2008 No. 262-FZ "On providing access to information about the activities of the courts in the Russian Federation" //Collected Legislation of the Russian Federation. December 29, 2008 No. 52 (Part I). Art. 6217.

9. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 22, 2009 No. 28 "On the application by courts of the norms of criminal procedure legislation governing the preparation of a criminal case for trial" //Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2010. No. 2.

10. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 13, 2012 No. 35 "On the openness and transparency of legal proceedings and on access to information about the activities of the courts" //Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2013. No. 3.

11. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2017 No. 51 "On the practice of applying legislation in criminal cases in the court of first instance (general procedure for legal proceedings)" //Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. No. 3.

12. Borzenkov G.N., Borodin S.V., Kuznetsova N.F., Naumov A.V., Nikulin S.I., Filimonov V.D. New criminal law of Russia. General part: textbook // Ed. Kuznetsova N.F. Moscow: Mirror-TEIS, 1996. 168 p.

13. Siege of Leningrad. [Electronic resource]. Access mode: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – (Accessed June 16, 2022).

14. Kyiv Nuremberg. Sit and watch. [Electronic resource]. // Access mode // <https://rg.ru/2021/01/17/polutorachasovoj-dokumenealnyj-film-o-kiev-skom-processe-obrashchen-k-kazhdomu-iz-nas.html>? – (Accessed June 15, 2022).

15. "German generals were hysterical...": how in Kyiv in 1946 the Nazis were tried and hanged. [Electronic resource]. // Access mode: // <https://www.rubaltic.ru/context/12022021>. – (Accessed June 15, 2022).

16. Nuremberg Tribunal in Kyiv. [Electronic resource]. //Access mode: // <http://moskvaforum.moiib.ru/viewtopic.php?f221&t=7082&>. – (Accessed June 15, 2022).

17. Unique materials about Nazi atrocities in Ukraine published. [Electronic resource]. // Access mode: // <https://www.mk.ru/social/2021/01/28>. – (Accessed June 15, 2022).

18. Father told. Execution on 01/05/1946 [Electronic resource]. // Access Mode // <https://nikoberg.liverjournal.com/8933.html?ysclid=14fi0810ho189940765>. – (Accessed June 16, 2022).

19. Pankov Y. Gallows on the Maidan // Top Secret. 04/08/2014 // Access mode: // <https://www.sovsekretno.ru/articles/viselitsy-na-maydane/>. – (Accessed June 16, 2022).

20. Losses in the Great Patriotic War. [Electronic resource]. // Access mode: <https://ru.wikipedia.org/wiki> – (Accessed June 15, 2022).

21. The Investigative Committee opened a case on the fact of the genocide in the DNR and LNR. [Electronic resource]. // Access mode: // https://www.gazeta.ru/social/news/2014/09/29/n_6519562.shtml?ysclid=14fbo1ua-9e439725887. – (date of treatment – June 16, 2022); The Investigative Committee opened a criminal case on the genocide of the Russian-speaking population of Donbass. [Electronic resource]. // Access mode: // <https://rg.ru/2014/09/30/sledstvie.html>? – (Accessed June 16, 2022).

22. Trials and execution of war criminals: fascists and their accomplices. [Electronic resource]. // Access mode: // artushenkooleg.ru/wp-oleg/artihives/2459. (accessed 15 June 2022).

23. The FSB showed the materials of "Kyiv Nuremberg". [Electronic resource]. // Access mode: // <http://ria.ru/20210128/istoria-1594892061.html>?

24. See for example: Izvestia newspaper. January 20, 1946/

25. See: Retribution for the Twelve. //Information-political magazine. [Electronic resource]: //lawinrussia.ru/content/vozmezdie-dlya-dvenadcati? – (Accessed June 16, 2022).

26. See, for example: Izvestia of the Soviets of Working People's Deputies of the USSR. No. 27 (8943), January 31, 1946; Izvestia of the Soviets of Working People's Deputies of the USSR. No. 279 (9501) of November 27, 1947; Nazi invaders in the Byelorussian SSR (January 15–29, 1946). Minsk: State Publishing House of the BSSR, 1947. 472 pp.; Astashkin D. Yu. Trials of Nazi criminals on the territory of the USSR in 1943–1949 Catalog exhibitions. Moscow: B.I., 2015; Astashkin D.Yu. Leningrad trial of German war criminals 1945–1946: Political functions and mediatization // Historia Provinciae – Journal of Regional History. 2020. V. 4. № 2. P. 505; Epifanov A.E., Ertel L.A. Expert research on the cases of Nazi war criminals and their accomplices in the history of domestic legal proceedings // Gaps in Russian legislation. Legal journal. 2010; Litigation on the case of the atrocities of the Nazi invaders on the territory of the Latvian, Lithuanian and Estonian SSRs = Tiesas prāva par vācu-fašistisko iebrucēju ļaundarībām Latvijas, Lietuvas un Igaunijas sociālistisko republiku teritorijā / L.K.Krakhmalnik. Riga: Grāmatu apgāds, 1946. 169 p.

27. Criminal law of Russia. Parts general and special: textbook for bachelors-laurels / otv. ed. A.I. Rarog. Moscow: Prospekt, 2017. 624 p.

28. Scaffold on the Maidan. How the Nazis were tried and hanged in Kyiv. [Electronic resource]. // Access mode: <https://aif.ru/society/history>.

For citation: Gareev M.F. Application of the principles of criminal justice as an effective means to achieve the goals of punishment (on the example of the post-war era of the Soviet Union): an article // Legal Thought. 2022. No. 4. P. 77–86.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.006

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.007

Отдельные уголовно-процессуальные аспекты предупреждения мошенничества

М.Ф. Гареев*

Аннотация. В статье рассматривается проблема отсутствия должного внимания со стороны органов власти на отдельные преступные явления, представляющие реальную угрозу национальной безопасности Российской Федерации. К таким угрозам относится совершение мошеннических действий посредством использования финансовых пирамид в составе преступных сообществ (преступных организаций). Реальность угроз национальной безопасности России от преступной деятельности финансовых пирамид обусловлена аккумулярованием ими громадных денежных средств, которые могут быть направлены на финансирование оружия и незаконных вооруженных формирований, направленных на свержение действующей власти. В связи с возникновением угроз национальной безопасности здесь рассматриваются отдельные авторские предложения законодательного и иного характера, направленные на предотвращение не только преступлений в мошеннической сфере, но и преступной деятельности, посягающих на основы существования российского государства.

Ключевые слова: национальная безопасность; преступность; информационные технологии; мошенничество; финансовая пирамида; преступное сообщество; преступная организация; нелегальный рынок оружия; криптовалюта; уголовно-процессуальное право; уголовное преследование; предупредительные аспекты.

дной из стратегических задач в обеспечении национальной безопасности нашей страны является предупреждение и пресечение правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе легализации преступных доходов, финансирования терроризма, организации незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ, а также использование в противоправных целях цифровых валют [1].

Заслуживает пристального внимания мошенничество, совершаемое в сфере информационных технологий. Остроту данной проблемы неоднократно отмечала Генеральная прокуратура России. «Число мошенничеств, совершенных с помощью IT-технологий, за последние пять лет выросло в России более чем в 11 раз», сообщается на портале правовой статистики Генпрокуратуры. Отмечается также, что более всего распространены мошенничест-

* **Гареев Марат Фаизович**, доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: gareeff.marat2013@yandex.ru

ва в сфере информационно-телекоммуникационных технологий или компьютерной информации. На них приходится около 70% всех хищений, совершенных с помощью обмана или злоупотребления доверием» [9].

На первый взгляд может показаться, что мошенничество в сфере информационных технологий и обеспечение национальной безопасности являются весьма отдаленными проблемами. Отсутствие восприятия двух преступных явлений обусловлено различными обстоятельствами, в том числе, разграничениями подследственности между правоохранительными органами, установленные уголовно-процессуальным законодательством и стереотипами, сложившимися десятилетиями, которые относили мошенничество к полицейской (милицейской) проблеме, закостенелыми корпоративными традициями.

Сегодня реальность такова, что за сухими цифрами и устоявшимися законодательными и корпоративными стереотипами, ведомственной разобщенностью можно пропустить реальные угрозы, которые могут в случае отсутствия должной реакции со стороны соответствующих органов государственной власти в состоянии нанести непоправимый урон национальной безопасности или даже могут иметь для нашей страны катастрофические последствия.

По этой причине возникает необходимость исследования не только количественных характеристик преступного явления, но и анализ качественных ее характеристик, выявления глубинных причин преступлений и на основе выводов построение системы мер, направленных на предупреждение преступных деяний, представляющих потенциальную угрозу для национальной безопасности.

Для обоснования изложенных доводов обратимся к информации, содержащейся в информационно-коммуникативных сетях, включая Интернет, в связи с возбуждением уголовного дела, производство которое в настоящее время находится в Следственном департаменте МВД РФ. Данное уголовное дело было возбуждено по факту совершения мошеннических действий организаторами финансовой пирамиды Финико. Согласно отдельной информации, содержащейся в сети Интернет, количество пострадавших от ее преступной деятельности достигло миллиона человек, а совокупный ущерб составляет около 4 млрд. долларов [12].

Согласно электронным СМИ, впоследствии следственные органы МВД РФ дополнительно квалифицировали действия обвиняемых по ст. 210 УК РФ, то есть совершение мошеннических действий в составе преступного сообщества (преступной организации) [6]. Основанием для данной квалификации явились обстоятельства, указывающие о глубокой структурированности финансовой пирамиды Финико [7], действием организованных групп не только на территории Российской Федерации, но и за ее пределами [7]. О высоком уровне организации финансовой пирамиды Финико свидетельствует не только её высокий уровень структурированности, но и использование передовых информационных технологий [7].

В качестве организованных групп выступали рефоводы, осуществлявшие свою деятельность посредством открытия офисов не только в городах, но даже в небольших населенных пунктах, для привлечения вкладчи-

ков в данную финансовую пирамиду. О высоком уровне организованности рефоводов указывали отдельные программы, функционировавшие в Финико. Для стимулирования преступной деятельности разработчики Финико внедрили «Маркетинг – план FINIKO», в котором действовала иерархия рефоводов. Самую высшую ступень в иерархии рефоводов получало лицо, которому удалось завлечь денежных средств, превышающих 10 миллиардов долларов [12].

Анализ структуры финансовой пирамиды Финико наглядно продемонстрировал, что умысел лиц, совершивших мошеннические действия посредством использования передовых информационных технологий в составе преступного сообщества (преступной организации), изначально был направлен на причинение ущерба вкладчикам только в особо крупном размере. Указанные доводы основаны на разъяснениях положений п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48, из которого следует, что при квалификации мошенничества, совершенного в составе организованной группы или группы лиц по предварительному сговору по признаку «в особо крупном размере» следует исходить из общей стоимости имущества, похищенного всеми участниками преступной группы [3].

О грандиозности масштабов совершения мошеннических действий указывают обстоятельства, свидетельствующие о наличии пострадавших от вышеуказанных действий не только на территории Российской Федерации, но далеко за ее пределами. Среди потерпевших оказались граждане не только бывшего СССР, но и дальнего зарубежья [14].

Для установления хотя бы приблизительного размера денежных средств, похищенных у вкладчиков финансовой пирамиды, вновь обратимся к отдельным ресурсам, размещенным в сети Интернет. Как показывают отдельные материалы, рефоводы, т.е. лица, которые путем обмана и злоупотребления доверием занимались вовлечением доверчивых вкладчиков в финансовую пирамиду Финико, получили не более 30 % от вложенных ими денежных средств вкладчиков [16]. С учетом иерархической системы, существовавшей в финансовой пирамиде Финико, указанный 30% размер доли является максимальным, и он мог осесть только у рефоводов, относящихся к десяткам «звезд». Для получения статуса 10 звезды требовалось вовлечь денежных средств, превышающих 10 млн. долларов. При обращении к «План – маркетинг FINIKO» доля рефоводов 10 «звезды» будет составлять не более 10 % от всех зазывал, а по отношению к основной массе вкладчиков и того меньше. Следовательно, реально у высшего руководства Финико могли осесть деньги в размере от 70 до 80 % от всех вложенных средств, что уже составляет приблизительно 2,5 – 3 млрд. долларов. Оставшаяся сумма после распределения «прибыли» между организаторами финансовой пирамиды и затрат, связанных с ее деятельностью, включая подкуп должностных лиц, должна составлять не менее 1 млрд. долларов. Даже после понесенных «затрат» и распределения «прибыли» данный размер денежных средств является колоссальным. С учетом возникших угроз национальной безопасности Российской Федерации данные денежные средства могут быть направлены на финансирование незаконных вооруженных формирований, основной целью, которых будет свержение действующей власти.

Доводы в пользу потенциальной угрозы возникновения в виде создания незаконных вооруженных формирований непосредственно связаны с нелегальным рынком вооружения.

Учитывая проходящие на территории Украины специальные военные операции, с большой вероятностью можно предположить о реальности значительного увеличения незаконного оборота оружия, поскольку в подобных условиях не представляется возможным осуществить полный его контроль. В боевых условиях можно списать пригодное вооружение на его уничтожение, естественный износ и прочие обстоятельства, которые не поддаются контролю со стороны командования. Значительный незаконный оборот оружия также может вызвать трофейное оружие, попавшее после освобождения территорий Украины от националистов. Всегда у ряда должностных лиц, отвечающих за учет и хранение трофейного оружия, возникнет соблазн продать его. С учетом того, что вооруженные силы Украины потеряли тяжелое вооружение в результате успешных боевых действий российских вооруженных сил, можно предположить, что есть реальная возможность приобрести БМП (боевая машина пехоты) или даже танк. Соответственно, возникает реальная опасность перехода трофейного оружия в руки не только руки криминалитета, но и незаконных вооруженных формирований. Тем более, практика незаконного оборота оружия наглядно свидетельствует, что основным их поставщиком являются армейские склады, начальство которых, списывая оружие, незаконно продает его «налево» [18].

Несмотря на активную деятельность правоохранительных органов, направленных на пресечение преступной деятельности в сфере нелегального оборота оружия [17], его рынок активно развивается. Особую активность проявляет ряд чатов в Телеграмм-канал, где возникают существенные затруднения отследить продавцов и покупателей оружия. Одновременно, телеграмм-каналы с содержанием информации о продаже боевого оружия, являются весьма доступными. Так, при исследовании данной проблемы автору путем элементарного использования в Интернете поисковика Яндекс удалось свободно найти сайт по продаже оружия, где содержится наименование боевого оружия, комплект боеприпасов с указанием ассортимента и цен на данный «товар». Например, ПМ боевой стоит 600\$, а такой же пистолет с глушителем стоит уже 800 \$. Пистолет ТТ боевой 1050\$, а с глушителем – 1350\$. Стоимость АКМС составляет 1700\$. В стандартной комплектации к любому товару: 1 запасная обойма, 3 обоймы патронов. Дополнительно можно приобрести патроны от 100 шт. только вместе с предметом. Здесь можно приобрести СВД (боевые снайперские винтовки СВД) [4].

Особый интерес вызывает способ незаконного приобретения боевого оружия. На этом же информационном ресурсе особо подчеркивается: «Хочу обратить Ваше внимание на то, что оплата доступна ТОЛЬКО в Bitcoin эквивалентно стоимости в долларах. Потому, если планируете делать заказ – подготовьтесь к такому способу оплаты!» [7].

Причина обращения к «инновационному» средству платежа является не случайной, и она обусловлена максимальной анонимностью пользовате-

лей криптовалюты и отсутствием контроля со стороны государства, что позволяет максимально обезопасить продавцов нелегального оружия и его покупателей от уголовного преследования [13].

Защищенность финансовых операций с криптовалютой обусловлена тем, что криптовалютные платформы используют шифрующие алгоритмы, защищающие участников сети, которые в настоящее время полностью исключают воздействие человеческого фактора. Это является его основным преимуществом от банков и иных кредитных учреждений, которые не могут полностью исключить предоставление информации, как правоохранительным органам, так и слива криминальным элементам [10].

В случае использования торговцами оружия и прочими криминальными элементами фиатных денег (обычных денежных средств, введенных государством в качестве официального средства платежа), у которых отсутствует анонимность, возможность отслеживания государством транзакций, возникает потенциальная угроза их заморозки и уголовного преследования. По этой причине торговцы оружия в категоричной форме требуют от ее покупателей осуществлять платежи только в криптовалюте, прежде всего в биткоинах.

О необходимости запрета криптовалюты, где основной платежной единицей выступает Bitcoin, выступил Генеральный прокурор России И.В. Краснов [5; 8].

Предложения Генерального прокурора России Краснова И.В. о запрете оборота криптовалюты полностью соответствуют задачам обеспечения финансовой безопасности Российской Федерации, составляющей основу национальной безопасности нашей страны [2].

Наряду с этим следует учитывать, что практически полный контроль за криптовалютой осуществляется США [20], поэтому ее распространение внутри России, в конечном счете, может вытеснить отечественную валюту и впоследствии привести к потере суверенитета.

Таким образом, совершение хищения денежных средств путем обмана и злоупотребления доверием в особо крупном размере, а применительно к финансовой пирамиде Финико в колоссальных размерах, посредством создания преступного сообщества (преступной организации) и, соответственно, возникновения реальной угрозы их использования в целях не только финансирования незаконных вооруженных формирований и закупки вооружения, а также иных действий, направленных на подрыв национальной безопасности, возникает необходимость выработки мер по предупреждению подобного рода преступных деяний [11].

В силу указанных причин хищение денежных средств в особо крупном размере в состоянии подорвать национальную безопасность страны, поэтому причинение такого ущерба теперь уже будет не проблемой частного характера, а затрагивать публичные интересы, которые всегда должны быть приоритетными, поскольку они затрагивают преобладающее население страны.

Многоаспектность рассматриваемой проблемы не позволяет в рамках одной статьи обосновать и предложить все меры, направленные на предупреждение мошеннических действий, которые совершаются по-

средством использования передовых информационных технологий, поэтому автор предлагает остановиться только на отдельных ее сторонах. Тем более, иные предупредительные аспекты преступности, рассматриваются в иных публикациях. В данном случае, предлагается обратить внимание на уголовно-процессуальные аспекты, связанные с уголовным преследованием.

В силу положений ч. 3 ст. 20 УПК РФ к уголовным делам частного-публичного обвинения относятся уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, если они совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением, принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией, либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности.

Согласно ч. 3 ст. 20 УПК РФ уголовное преследование по ч. 4 ст. 159 УК РФ осуществляется при отсутствии потерпевшего, только если данным преступлением причинен вред государственным или иным публичным интересам.

Обстоятельства данных преступлений наглядно демонстрируют, что финансовые пирамиды, причиняющие ущерб доверчивым вкладчикам в особо крупном размере в составе преступного сообщества (преступной организации) могут использоваться как один из основных финансовых инструментов, направленных на материальное обеспечение незаконных вооруженных формирований и закупку оружия, предлагается исключить состав преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, из категорий преступлений частного-публичного характера (ч. 3 ст. 20 УПК РФ) и, соответственно, отнести его к категории преступлений публичного характера, вопрос о возбуждении которого будет решаться помимо воли потерпевшего.

Библиографический список

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. //Собрание законодательства РФ от 5 июля 2021 г. № 27 (часть II). Ст. 5351.

2. Раздел «Экономическая безопасность» Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, п.п. 17 п. 67 // Утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. //Собрание законодательства РФ от 5 июля 2021 г. № 27 (часть II). Ст. 5351.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате" // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018 г. № 2.

4. Боевое оружие. Черный рынок. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://t.me/s/blackmarketrfua>. – (дата обращения – 25 июня 2022 г.).

5. В Госдуме заявили о появлении новых аргументов против легализации криптовалют. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/837399>. – (дата обращения – 25 июня 2022 г.).

6. В отношении организаторов Finiko возбудили новое уголовное дело. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://business-gazeta.ru/news/553979?> (дата обращения – 25 июня 2022 г.).

7. Вторая после МММ: как работала финансовая пирамида «Финико». [Электронный ресурс]. Режим доступа: [//https://www.forbes.ru](https://www.forbes.ru). (дата обращения – 24 июня 2022 г.).

8. Генпрокурор Краснов предложил признать криптовалюты предметом преступных посягательств. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/837941>. – (дата обращения – 25 июня 2022 г.).

9. Генпрокуратура отметила рост числа кибермошенничества в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [//https://ria.ru/20210203/kibermoshennichestvo-1595875249.html?](https://ria.ru/20210203/kibermoshennichestvo-1595875249.html) – (дата обращения – 18 июня 2022 г.).

10. Главные преимущества криптовалют. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d20df728cb59ac337fb9343/glavnye-preimuscestva-kriptovaliut-5b28f4b5a052b200a9a58e2f> – (дата обращения – 25 июня 2022 г.).

11. Как «Финико» стала крупнейшей после МММ финансовой пирамидой, привлекла миллион людей и почему долго не могла рухнуть? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fordes.ru/finansy-i-investicii/437501> (дата обращения – 25 июня 2022 г.).

12. Кирилл Доронин дал показания против 44 подельников по пирамиде «Финико». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://financeport.me/threads/kirill-doronin-dal-pokazaniy-protiv-44-podelnikov-po-piramide-finiko1700> (дата обращения – 20 июня 2022 г.).

13. Почему криптовалюты лучше фиатных денег. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/crypto/news/608126b99a79477e0d668dc6?> – (дата обращения – 25 июня 2022 г.).

14. СПЧ: жертвами Finiko стали около миллиона человек. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://realnoevremya/news/2211221-izvestno-skolko-chelovek-postradalo-ot-finiko?> – (дата обращения – 25 июня 2022 г.).

15. Финико автоматическая генерация прибыли или развод по-русски? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fillinvest.bizi/finiko-avtomaticheskaja-generacziya-pribyli-razvod-po-russki.html?> (дата обращения – 25 июня 2022 г.).

16. Finiko. Лучшее выступление Кирилла Доронина [Электронный ресурс]. Режим доступа: [// https://yandex.ru/video/preview/?text=лучшее%20выступление%20кирилла%20доронина&path=yandex_search&parent-reqint=1655-755740430143-2515431846870400205-sas3-1035-00d-sas-l7-balancer-8080-BAL-9734&from_type=vast&filmlid=1553770637625337052](https://yandex.ru/video/preview/?text=лучшее%20выступление%20кирилла%20доронина&path=yandex_search&parent-reqint=1655-755740430143-2515431846870400205-sas3-1035-00d-sas-l7-balancer-8080-BAL-9734&from_type=vast&filmlid=1553770637625337052). – (дата обращения – 25 июня 2022 г.).

17. ФСБ задержало 116 подпольных оружейников в 38 регионах России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://iz.ru/1352987/2022-06-21/fsb-zaderzhalo-116-podpolnykh-oruzheinikov?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop – (дата обращения – 25 июня 2022 г.).

18. Черный рынок оружия в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://forum-msk.info/threads/chjornyj-rynok-oruzhija-v-rossii.1911/?>. – (дата обращения – 25 июня 2022 г.).

Для цитирования: Гареев М.Ф. Отдельные уголовно-процессуальные аспекты предупреждения мошенничества: статья // Юридическая мысль. – 2022. – № 4. – С. 87–93.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.007

Separate criminal procedural aspects of fraud prevention

Marat F. Gareev*

Annotation. The article deals with the problem of the lack of due attention on the part of the authorities to certain criminal phenomena that pose a real threat to the national security of the Russian Federation. Such threats include the commission of fraudulent actions through the use of financial pyramids as part of criminal communities (criminal organizations). The reality of threats to Russia's national security from the criminal activities of financial pyramids is due to the accumulation of huge funds by them, which can be used to finance weapons and illegal armed groups aimed at overthrowing the current government. In connection with the emergence of threats to national security, here are considered separate author's proposals of a legislative and other nature, aimed at preventing not only crimes in the fraudulent sphere, but also criminal activities that encroach on the foundations of the existence of the Russian state.

Keywords: national security; crime; Information Technology; fraud; financial Pyramide; criminal community; criminal organization; illegal arms market; cryptocurrency; criminal procedure law; criminal prosecution; precautionary aspects.

One of the strategic tasks in ensuring the national security of our country is the prevention and suppression of offenses and crimes committed using information and communication technologies, including the legalization of criminal proceeds, the financing of terrorism, the organization of the illegal distribution of narcotic drugs and psychotropic substances, as well as the use in illegal purposes of digital currencies [1].

Fraud committed in the field of information technology deserves close attention. The severity of this problem has been repeatedly noted by the General Prosecutor's Office of Russia. "The number of frauds committed with the help of IT technologies has increased by more than 11 times in Russia over the past five years," according to the portal of legal statistics of the Prosecutor General's Office. It is also noted that the most common fraud in the field of information and telecommunications technologies or computer information. They account for about 70% of all thefts committed through fraud or breach of trust" [9].

At first glance, information technology fraud and national security might appear to be very distant issues. The lack of perception of two criminal phenomena is due to various circumstances, including the delimitation of jurisdiction between law enforcement agencies, established by the criminal procedure legislation and stereotypes that have developed over decades, which attributed fraud to the police (police) problem, and ossified corporate traditions.

Today, the reality is that behind dry numbers and well-established legislative and corporate stereotypes, departmental disunity, one can miss real threats that, if there is no proper response from the relevant government au-

* **Gareev Marat Faizovich**, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law (St. Petersburg), Candidate of Legal Sciences. E-mail: gareeff.marat2013@yandex.ru

thorities, can cause irreparable damage to national security or even have catastrophic consequences for our country effects.

For this reason, it becomes necessary to study not only the quantitative characteristics of the criminal phenomenon, but also to analyze its qualitative characteristics, identify the underlying causes of crimes and, based on the findings, build a system of measures aimed at preventing criminal acts that pose a potential threat to national security.

To substantiate the above arguments, let us turn to the information contained in information and communication networks, including the Internet, in connection with the initiation of a criminal case, which is currently under investigation at the Investigation Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. This criminal case was initiated on the fact of committing fraudulent actions by the organizers of the financial pyramid Finiko. According to separate information contained on the Internet, the number of victims of its criminal activities has reached a million people, and the total damage is about 4 billion dollars [12].

According to electronic media, later the investigating authorities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation additionally qualified the actions of the accused under Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation, that is, the commission of fraudulent actions as part of a criminal community (criminal organization) [6]. The basis for this qualification was the circumstances indicating the deep structuring of Finiko's financial pyramid [7], the action of organized groups not only on the territory of the Russian Federation, but also abroad [7]. The high level of organization of Finiko's financial pyramid is evidenced not only by its high level of structure, but also by the use of advanced information technologies [7].

Refovods acted as organized groups, carrying out their activities by opening offices not only in cities, but even in small towns, to attract investors to this financial pyramid. The high level of organization of referrals was indicated by individual programs that functioned in Finiko. To stimulate criminal activity, the developers of Finiko implemented the "Marketing – FINIKO Plan", in which the hierarchy of referrals operated. The highest level in the hierarchy of referrals was received by a person who managed to attract funds in excess of \$10 billion [12].

An analysis of the structure of the Finiko financial pyramid clearly demonstrated that the intent of persons who committed fraudulent acts through the use of advanced information technologies as part of a criminal community (criminal organization) was initially aimed at causing damage to depositors only on an especially large scale. These arguments are based on clarifications of the provisions of paragraph 32 of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017 No. 48, from which it follows that when qualifying fraud committed as part of an organized group or group of persons by prior agreement on the grounds of "on a particularly large scale" should be based on the total value of property stolen by all members of the criminal group [3].

The enormity of the scale of the commission of fraudulent actions is indicated by circumstances indicating the presence of victims of the above actions

not only on the territory of the Russian Federation, but far beyond its borders. Among the victims were citizens not only of the former USSR, but also from abroad [14].

To establish at least an approximate amount of money stolen from the investors of the financial pyramid, we will again turn to individual resources posted on the Internet. As separate materials show, referrals, i.e. persons who, through deceit and abuse of trust, were engaged in involving gullible investors in the Finiko financial pyramid, received no more than 30% of the depositors' funds invested by them [16]. Taking into account the hierarchical system that existed in the Finiko financial pyramid, the specified 30% share is the maximum, and it could only settle with referrals belonging to the tenth "stars". To obtain the status of 10 stars, it was necessary to involve funds in excess of 10 million dollars. When referring to the "Plan – marketing FINIKO" the share of referrals 10 "stars" will be no more than 10% of all barkers, and even less in relation to the bulk of depositors. Consequently, in reality, Finiko's top management could have received money in the amount of 70 to 80% of all invested funds, which already amounts to approximately 2.5 – 3 billion dollars. The remaining amount after the distribution of "profit" between the organizers of the financial pyramid and the costs associated with its activities, including bribing officials, should be at least \$1 billion. Even after the "costs" incurred and the distribution of "profits", this amount of cash is colossal. Taking into account the emerging threats to the national security of the Russian Federation, these funds can be used to finance illegal armed groups, the main goal of which will be the overthrow of the current government.

Arguments in favor of a potential threat of emergence in the form of the creation of illegal armed groups are directly related to the illegal arms market.

Considering the special military operations taking place on the territory of Ukraine, it is highly likely that a significant increase in the illegal circulation of weapons is real, since in such conditions it is not possible to exercise full control over it. In combat conditions, it is possible to write off suitable weapons for their destruction, natural wear and tear and other circumstances that are beyond the control of the command. A significant illegal circulation of weapons can also cause trophy weapons that came after the liberation of the territories of Ukraine from the nationalists. There will always be a temptation for a number of officials responsible for recording and storing captured weapons to sell them. Given that the Ukrainian Armed Forces have lost heavy weapons as a result of the successful military operations of the Russian armed forces, it can be assumed that there is a real opportunity to acquire an IFV (infantry fighting vehicle) or even a tank. Accordingly, there is a real danger that captured weapons will fall into the hands of not only criminals, but also illegal armed groups. Moreover, the practice of illicit trafficking in weapons clearly shows that their main supplier is army warehouses, the authorities of which, writing off weapons, illegally sell them "to the left" [18].

Despite the active work of law enforcement agencies aimed at suppressing criminal activities in the field of illegal arms trafficking [17], its market is actively developing. A number of chats in the Telegram channel are especially active, where there are significant difficulties in tracking down sellers and buy-

ers of weapons. At the same time, telegram channels containing information about the sale of military weapons are very accessible. So, when studying this problem, the author, by simply using the Yandex search engine on the Internet, managed to freely find a site selling weapons, which contains the name of a military weapon, a set of ammunition indicating the assortment and prices for this “product”. For example, a combat PM costs \$600, and the same pistol with a silencer costs \$800. A combat pistol TT is \$1050, and with a silencer – \$1350. The cost of AKMS is \$1700. As standard with any product: 1 spare clip, 3 clips of cartridges. Additionally, you can purchase cartridges from 100 pcs. only with the subject. Here you can buy SVD (SVD Combat Sniper Rifles) [4].

Of particular interest is the method of illegal acquisition of military weapons. The same information resource emphasizes: “I want to draw your attention to the fact that payment is available ONLY in Bitcoin, which is equivalent to the cost in dollars. Therefore, if you plan to place an order, prepare for this method of payment!” [7].

The reason for turning to the “innovative” means of payment is not accidental, and it is due to the maximum anonymity of cryptocurrency users and the lack of control by the state, which makes it possible to maximally protect sellers of illegal weapons and their buyers from criminal prosecution [13].

The security of financial transactions with cryptocurrency is due to the fact that cryptocurrency platforms use encryption algorithms that protect network participants, which currently completely exclude the impact of the human factor. This is its main advantage from banks and other credit institutions, which cannot completely exclude the provision of information to both law enforcement agencies and the drain to criminal elements [10].

If arms dealers and other criminals use fiat money (ordinary money introduced by the state as official means of payment), which lacks anonymity, the ability to track transactions by the state, there is a potential threat of their freezing and criminal prosecution. For this reason, arms dealers categorically require its buyers to make payments only in cryptocurrency, primarily in bitcoins.

The need to ban cryptocurrency, where the main payment unit is Bitcoin, was made by the Prosecutor General of Russia I.V. Krasnov [5; 8].

Proposals of the Prosecutor General of Russia Krasnov I.V. on the prohibition of the circulation of cryptocurrencies are fully consistent with the tasks of ensuring the financial security of the Russian Federation, which is the basis of the national security of our country [2].

Along with this, it should be taken into account that the United States has almost complete control over the cryptocurrency [20], so its distribution within Russia may ultimately displace the domestic currency and subsequently lead to the loss of sovereignty.

Thus, committing the theft of funds through fraud and breach of trust on an especially large scale, and in relation to the Finiko financial pyramid on a colossal scale, through the creation of a criminal community (criminal organization) and, accordingly, the emergence of a real threat of their use for the purpose of not only financing illegal armed formations and the purchase

of weapons, as well as other actions aimed at undermining national security, it becomes necessary to develop measures to prevent this kind of criminal acts [11].

For these reasons, the theft of funds on an especially large scale is able to undermine the national security of the country, therefore, the infliction of such damage will no longer be a private problem, but will affect public interests, which should always be a priority, since they affect the country's predominant population.

The multidimensional nature of the problem under consideration does not allow justifying and proposing all measures aimed at preventing fraudulent actions that are committed through the use of advanced information technologies within the framework of one article, so the author proposes to dwell only on its individual sides. Moreover, other preventive aspects of crime are considered in other publications. In this case, it is proposed to pay attention to the criminal procedural aspects related to criminal prosecution.

By virtue of the provisions of h. 3 Article. 20 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, criminal cases of private-public prosecution include criminal cases on crimes under Part 4 of Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, if they are committed by an individual entrepreneur in connection with his entrepreneurial activities and (or) management of his property used for entrepreneurial activities, or if these crimes are committed by a member of the management body of a commercial organization in connection with the exercise of his powers to manage the organization or in connection with the commercial organization's entrepreneurial or other economic activity.

According to part 3 of Art. 20 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation criminal prosecution under Part 4 of Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation are carried out in the absence of the victim, only if this crime caused harm to state or other public interests.

The circumstances of these crimes clearly demonstrate that financial pyramids that cause damage to gullible depositors on an especially large scale as part of a criminal community (criminal organization) can be used as one of the main financial instruments aimed at providing material support to illegal armed groups and purchasing weapons, it is proposed to exclude the crime, under Part 4 of Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, from the categories of crimes of a private-public nature (part 3 of article 20 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) and, accordingly, classify it as a crime of a public nature, the issue of initiating which will be decided against the will of the victim.

Conflict of interest.

The author confirms the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. On the National Security Strategy of the Russian Federation. Approved by Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400. // Collection of Legislation of the Russian Federation of July 5, 2021 No. 27 (Part II). Art. 5351.

2. Section "Economic Security" of the National Security Strategy of the Russian Federation, p.p. 17 p. 67 // Approved by Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400. //Collected Legislation of the Russian Federation of July 5, 2021 No. 27 (Part II). Art. 5351.

3. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017 No. 48 (as amended on December 15, 2022) "On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018 No. 2.

4. Combat weapons. Black market. [Electronic resource]. Access mode: <https://t.m/s/blackmarketrfua>. – (accessed 25 June 2022).

5. The State Duma announced the emergence of new arguments against the legalization of cryptocurrencies. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.interfax.ru/business/837399>. – (accessed 25 June 2022).

6. A new criminal case was initiated against the organizers of Finiko. [Electronic resource]. Access mode: <https://business-gazeta.ru/news/553979?> (accessed 25 June 2022).

7. The second after MMM: how the financial pyramid "Finiko" worked. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.forbes.ru>. (accessed 24 June 2022).

8. Prosecutor General Krasnov proposed to recognize cryptocurrencies as the subject of criminal encroachments. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.interfax/en/business/837941>. – (accessed 25 June 2022).

9. The Prosecutor General's Office noted an increase in the number of cyber fraud in Russia. [Electronic resource]. Access mode: <https://ria.ru/20210203/kibermoshennichestvo-1595875249.html?> – (accessed 18 June 2022).

10. The main advantages of cryptocurrencies. [Electronic resource]. Access mode: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d20df728cb59ac337fb9343/glavnye-preimuscestva-kriptovaliut-5b28f4b5a052b200a9a58e2f> – (Accessed June 25, 2022).

11. How did Finiko become the largest financial pyramid after MMM, attracted a million people, and why could it not collapse for a long time? [Electronic resource]. Access mode: <https://www.fordes.ru/finansy-i-investicii/437501>. (Accessed 25 June 2022).

12. Kirill Doronin testified against 44 accomplices in the Finiko pyramid. [Electronic resource]. Access mode: <https://financeport.me/threads/kirill-doronin-dal-pokazaniy-protiv-44-podelnikov-po-piramide-finiko.1700>. (Accessed June 20, 2022).

13. Why cryptocurrencies are better than fiat money. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.rbc.ru/crypto/news/608126b99a794-77e0d668dc6?> – (accessed 25 June 2022).

14. HRC: about a million people became victims of Finiko. [Electronic resource]. Access mode: <https://realnoevremya/news/2211221-izvestno-skolko-chelovek-postradalo-ot-finiko?> – (accessed 25 June 2022).

15. Finiko automatic profit generation or divorce in Russian? [Electronic resource]. Access mode: <https://fillinvest.bizi/finiko-avtomaticheskaja-generacziya-pribyli-razvod-po-russki.html?> (Accessed 25 June 2022).

16. Finiko. The best performance of Kirill Doronin [Electronic resource]. Access mode: https://yandex.ru/video/preview/?text=best%20performance%20by%20kirill%20doronin&path=yandex_search&parent-reqint=1655-755740430143-251543_1846870400205-sas3-1035-00d-sas-17-balancer-8080-BAL-9734&from_type=vast&filmid=705233 – (accessed 25 June 2022).

17. The FSB detained 116 underground gunsmiths in 38 regions of Russia. [Electronic resource]. Access mode: https://iz.ru/1352987/2022-06-21/fsb-zaderzhalo-116-podpolnykh-oruzhejnikov?utm_source=yxnews&utm_medium=desk_top – (Accessed June 25, 2022).

18. The black market for weapons in Russia. [Electronic resource]. Access mode: <https://forum-msk.info/threads/chjornyj-rynok-oruzhija-v-rossii.1911/?>. – (accessed 25 June 2022).

For citation: Gareev M.F. Separate criminal procedural aspects of fraud prevention: article // Legal Thought. 2022. No. 4. P. 94–100.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.007

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.008

Мошенничество в сфере оборота недвижимости в современном российском обществе

С.А. Евсеенков*

Аннотация. В статье содержится теоретико-практический анализ такого уголовного преступления в виде мошенничества в специфической сфере оборота недвижимости, которое в современном российском обществе все более и более актуализируется. Автор рассматривает различные мошеннические схемы, которые разработали преступники, касающиеся первичного рынка недвижимого имущества. Вторичный рынок недвижимого имущества, на котором представлено гораздо больше объектов недвижимости, чем на первичном, и, соответственно, существует гораздо больше мошеннических схем представляет собой, как утверждается в статье, более обширный спектр для изучения и анализа. Согласно проведенному анализу судебной практики, на рынке коммерческой недвижимости осуществляются аналогичные мошеннические схемы, которые также не остались без внимательного анализа.

Теоретические выводы в статье подтверждаются конкретными примерами из уголовной практики различных судебных органов Российской Федерации.

Ключевые слова: преступление, мошенничество, оборот недвижимости, первичный рынок недвижимого имущества, вторичный рынок недвижимого имущества, коммерческая недвижимость, уголовное законодательство, суды, способы совершения преступлений.

Право собственности на жилое помещение – одно из важнейших прав, содержащихся в ст. 40 Конституции Российской Федерации. В ч. 1 закреплено право каждого человека на жилище, которое отражает идею «достойный жизненный уровень» для каждого человека, провозглашенную Всеобщей декларацией прав человека [1; 6, с. 104]. О праве на жилище говорится в ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. [2], в других международных документах. Жилищный кодекс Российской Федерации закрепил положение о том, что граждане по своему усмотрению и в своих интересах осуществляют принадлежащие им жилищные права, в том числе распоряжаются ими. Граждане свободны в установлении и реализации своих жилищных прав в силу договора и (или) иных предусмотренных жилищным законодательством оснований. Граждане, осуществляя жилищные права и исполняя вытекающие из жилищных отношений обязанности, не должны нарушать права, свободы и законные интересы других граждан [3].

* **Евсеенков Станислав Андреевич**, магистрант кафедры уголовного процесса и криминалистики Московского государственного областного университета (МГОУ). E-mail: stanislav_evseenkov@mail.ru

В настоящее время существует большое количество мошеннических схем, связанных с недвижимым имуществом, однако, использование какого-либо определенного способа совершения мошеннических действий зависит от различных обстоятельств [12].

Как известно, недвижимое имущество делится на: первичное, вторичное и коммерческое, и, соответственно, выделяют мошенничество на первичном, вторичном и коммерческом рынке недвижимого имущества.

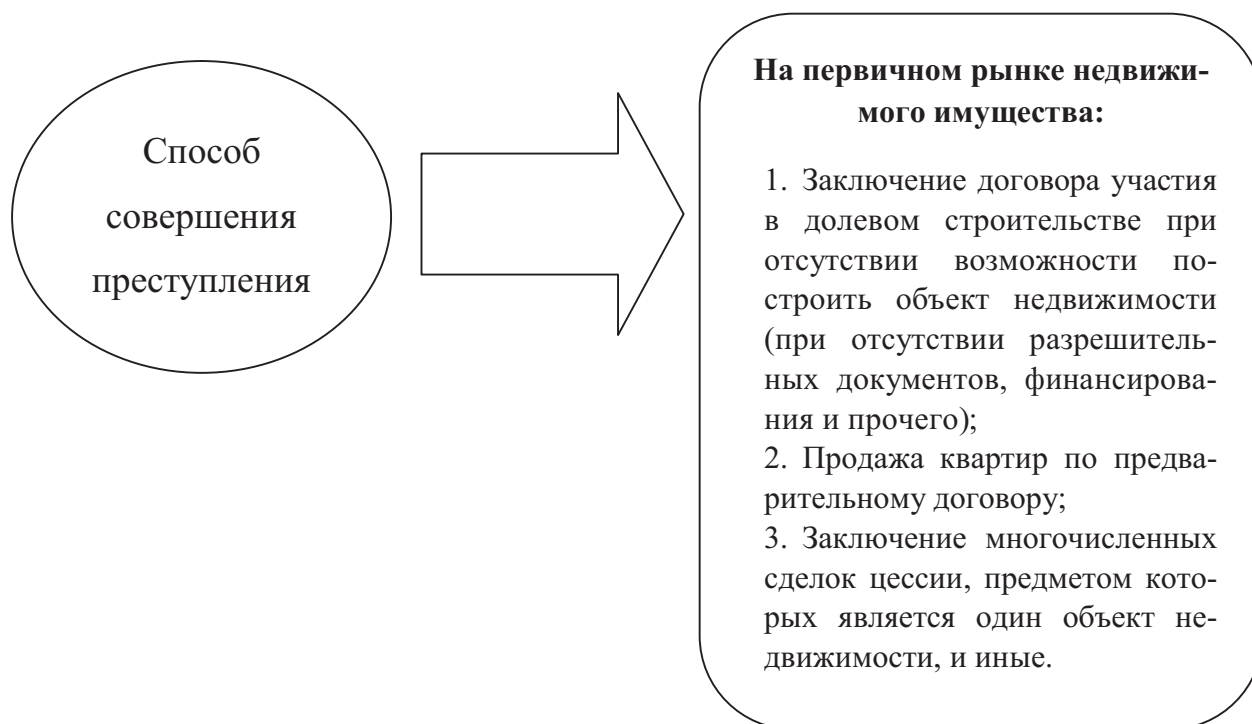
К наиболее характерным способам мошенничества на первичном рынке недвижимого имущества можно отнести:

заключение договора участия в долевом строительстве (отсутствие разрешительных документов, финансирования и т.п.),

продажа квартир по предварительному договору,

заключение многочисленных сделок цессии, касающихся только одного объекта недвижимого имущества (Схема 1).

Необходимо отметить, что право собственности первичного недвижимого имущества всегда оформляется впервые.

Порядок приобретения недвижимости в собственность от застройщика устанавливается Федеральным законом от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [5], регулирующим отношения, связанные с привлечением денежных средств граждан и юридических лиц для долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости и возникновением у участников долевого строительства права собственности на объекты долевого строительства.

Однако, несмотря на четкие требования закона, преступники разработали различные мошеннические схемы, касающиеся первичного рынка недвижимого имущества. Приведем пример из судебной практики.

Президиум Астраханского областного суда установил, что К.А., являясь генеральным директором организаций, осуществляющих деятельность по выполнению строительства жилых домов, не имея разрешения на строительство многоквартирного жилого дома, имея умысел на хищение денежных средств путем обмана, не заключив договоры с подрядными организациями, распространил в средствах массовой информации сведения о приглашении граждан принять участие в долевом строительстве жилого дома. После этого он от имени указанных фирм заключил договоры участия в долевом строительстве многоквартирного жилого дома с потерпевшими, сообщив им ложные сведения о наличии всех необходимых документов для начала строительства жилого дома, ложные сведения о наличии необходимых денежных средств и технических возможностей для завершения строительства, получил от потерпевших денежные средства, которые в кассу и на расчетные счета общества не внес, тем самым, не намереваясь исполнять обязательства перед покупателями по заключенным договорам [7].

Другой пример, касающийся продажи квартир первичной недвижимости по предварительному договору.

Застройщик – преступник заключает с гражданами предварительный договор купли-продажи недвижимости, предметом которого является возмездная передача недвижимого имущества в собственность граждан после ввода объекта в эксплуатацию. Проблема соблюдения интересов граждан состоит в том, что такой договор не регистрируется, вследствие чего не представляется возможным отследить, сколько граждан заключили такие договоры на одни и те же объекты недвижимости. Более того, на практике такой предварительный договор не влечет юридических последствий, так как объект недвижимости по договору не идентифицируется.

Важно также отметить, что субъектами мошенничества на первичном рынке являются не только преступники, представляющиеся или являющиеся застройщиками, но и лжеучастники долевого строительства, когда заключается несколько договоров об уступке права требования по договору долевого участия, не уведомляя при этом застройщика, вследствие чего преступник от нескольких лиц получает оплату за уступленные права в размере стоимости квартиры, а контрагенты, соответственно, не могут приобрести в собственность указанные в договоре цессии права требования к застройщику, так как являются не единственными цессионариями.

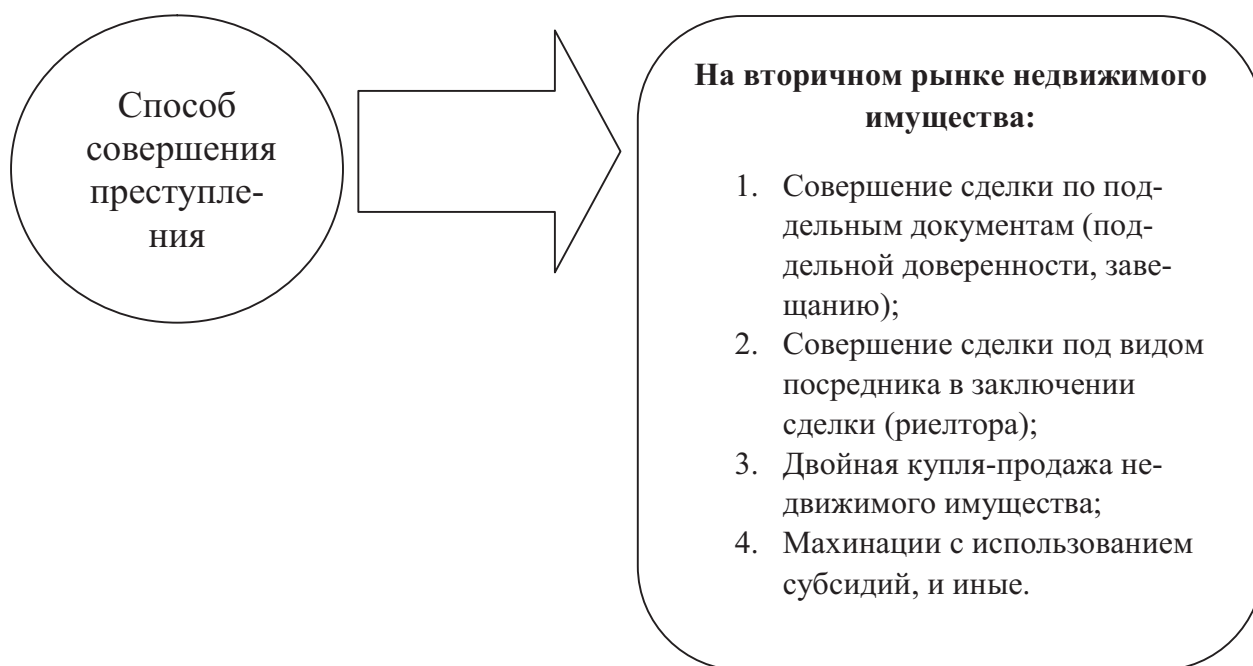
Вторичный рынок недвижимого имущества представляет собой более обширный спектр для изучения и анализа, поскольку на нем представлено гораздо больше объектов недвижимости, чем на первичном, и, соответственно, существует гораздо больше мошеннических схем.

Приведем пример из судебной практики.

Заурумова Л.М., с целью завладения имуществом гр-ки Г., будучи с ней знакомой и имеющей доступ к документам гр. Г., а именно, паспорту гражданина РФ на имя Г., подыскала женщину по возрасту и по внешности по-

хожую на гр. Г., с которой договорилась о том, чтобы указанная женщина представилась при оформлении ряда документов гр.Г., а также при необходимости приняла меры к подписанию документов, которые укажет ей Заурумова Л.М., от имени гр. Г. Далее гражданки обратились к нотариусу с просьбой о нотариальном удостоверении доверенности и завещания от имени Г. на имя Заурумовой Л.М. После этого указанные лица обратились к нотариусу за удостоверением поддельных договора пожизненного содержания с иждивением и передаточного акта от имени гр. Г. на имя Заурумовой Л.М. После смерти гр. Г. Заурумова Л.М. по поддельным документам обратилась в регистрирующий орган за регистрацией права собственности на недвижимость, принадлежавшую гр. Г. [8].

Как правило, право собственности уже заключалось неоднократно, и совершалось некоторое количество сделок по данному виду недвижимого имущества. Одним из самых распространенных способов совершения преступления на рынке вторичного недвижимого имущества является купля-продажа данной недвижимости по поддельным документам (паспорту, доверенности, правоустанавливающим документам) (Схема 2).

Однако, данный способ является не единственным. Еще одним из способов можно указать – переоформление недвижимого имущества на основании поддельного завещания.

Приговором в отношении Алексева В.И. установлено, что он являлся членом преступного сообщества, которое незаконно получало возможность распоряжения недвижимым имуществом путем обмана государственных органов, сотрудников госучреждений и нотариата. Данным преступным сообществом был разработан план мошеннических действий, в соответствии с которым предметами преступных действий становилось имущество, входящее в наследственные массы после умерших собственников. После

обнаружения объектов недвижимости участники преступного сообщества изготавливали поддельное завещание умершего собственника недвижимого имущества (вводя в заблуждение нотариусов) либо путем введения в заблуждение судей районных судов Санкт-Петербурга и добивались нужного для них решения о признании права собственности [9].

Стоит также отметить, что существуют мошеннические схемы, использующие вариант с якобы умершими собственниками недвижимого имущества. На самом деле собственник жив, но с силу различных причин не проживает в квартире, либо ее просто сдает в аренду.

В данном случае, преступники подделывают свидетельство о смерти, завещание и обращаются к нотариусу за свидетельством о праве наследования квартиры. Спустя полгода они осуществляют продажу данной недвижимости. Например, Мещеров, Звягинская, Каранаев и Богданов с корыстной целью вступили в предварительный сговор на хищение путем обмана принадлежащей на праве собственности гр-ну Короткову квартиры. Они разработали преступный план на завладение квартирой и распределили роли, согласно которым Звягинская должна была привлечь к совершению преступления лицо, выступающее в качестве наследника Короткова по завещанию, а Богданов, представляясь Коротковым, составить завещание.

В соответствии с планом, Звягинская привлекла к совершению преступления Мещерова, который согласился выступать якобы наследником Короткова, предоставил свои паспортные данные для внесения их в подложное завещание. Каранаев содействовал неустановленным лицам в изготовлении подложного паспорта на имя Короткова с вклеенной в него фотографией Богданова для дальнейшего использования в мошеннических действиях. Действуя в соответствии с планом, Каранаев с Богдановым, представляющимся и действующим от имени Короткова, прибыли в нотариальную контору и составили от имени Короткова завещание в пользу Мещерова. Далее для получения в отделе ЗАГС свидетельства о смерти Короткова при содействии неустановленных лиц изготовили заведомо подложное медицинское свидетельство о смерти Короткова, якобы выданное Бюро судебных медицинских экспертиз (далее – БСМЭ).

Для получения медицинского свидетельства о смерти в БСМЭ, представления его в отдел ЗАГС и получения свидетельства о смерти на имя Короткова Звягинская привлекла Калмыкова и Монахову, не посвящая их в преступный умысел. Получив указанные подложные документы, Мещеров с целью завладения квартирой Короткова, выдал доверенность Батырбековой, уполномочив ее быть его представителем по вопросам оформления и получения свидетельства о праве на наследство по завещанию после якобы умершего Короткова, не посвящая ее в преступные планы. Батырбекова, действуя в соответствии с указаниями Мещерякова, подала завещание от имени Короткова и заявление о принятии наследства от имени Мещерова нотариусу нотариального округа Санкт-Петербурга.

Таким образом, Звягинская, Мещеров, Каранаев и Богданов пытались обратить в свою пользу квартиру Короткова стоимостью 1 131 833 рубля, чем намеревались причинить последнему значительный материальный ущерб, в особо крупном размере. Довести до конца свой преступный умысел не

смогли по независящим от их воли обстоятельствам, так как обман был обнаружен нотариусом и потерпевшим. Действия виновных судом квалифицированы по ст. 30 ч. 3, ст. 159 ч. 4 УК РФ [10].

Важно также отметить, что все-таки основной целью преступников является не подделка правоустанавливающих документов, а получение любыми способами дубликатов официальных документов, с целью совершения дальнейшей купли-продажи данного недвижимого имущества.

Также стоит отметить роль посредника – «риелтора» в мошеннической схеме, при осуществлении сделки купли-продажи.

Б., с целью хищения денежных средств В., путем обмана и злоупотребляя доверием, заверила В. в том, что будет действовать в ее интересах, окажет помощь при продаже принадлежащей ей квартиры и приобретении двухкомнатной квартиры. Б., получив информацию о продаже двухкомнатной квартиры, вместе с В. посетила ее. Когда В. выразила согласие на приобретение данной квартиры, Б., сообщила ей не соответствовавшие действительности сведения о внесении ею собственнику квартиры денежных средств в размере 300 000 руб. в качестве задатка. Также Б. предложил В. и членам ее семьи сняться с регистрационного учета по месту жительства, что они и сделали.

Введенная Б. в заблуждение о том, что в ранее удостоверенной доверенности обнаружена ошибка, которую необходимо исправить и одновременно провести сделки по продаже ее квартиры и приобретения 2-х комнатной квартиры, не представляется возможным, оформила две нотариально удостоверенных доверенности, одной из которых уполномочила Б. правом продажи принадлежащей ей квартиры, подписания от ее имени договора купли-продажи, регистрации перехода права собственности на квартиру и получения причитающихся ей денежных средств, а другой – приобрести за цену и на условиях по своему усмотрению двухкомнатную квартиру, что Б. и осуществила втайне от В., завладев вырученными средствами, в то время как потерпевшие остались без денежных средств и без жилья [11].

Необходимо отметить, что существуют мошеннические схемы с использованием различных субсидий, материнского капитала, заключением фиктивных сделок (преступники заключают сделку с недвижимым имуществом, а затем обращаются в суд, чтобы признать данную сделку недействительной с целью возврата недвижимого имущества, но не возврата оплаты по данному договору).

Согласно проведенному анализу судебной практики, на рынке коммерческой недвижимости осуществляются аналогичные мошеннические схемы. Компания, занимающаяся производством и продажей ювелирных изделий, приняла решение о расширении бизнеса и открытии еще одной точки продажи. Руководство фирмы заключило, что целесообразнее купить помещение для нового магазина, а не арендовать его. После некоторых поисков подходящее помещение нашлось, и доверенное лицо собственника, которое вело все переговоры по сделке, предложило достаточно выгодные условия. Сам собственник помещения был в длительной командировке, поэтому в процессе участия не принимал. Однако спустя какое-то время ему все же пришлось

включиться в процесс. Возвратившись из командировки, он узнал, что арендатор, который снял у него помещение, в его отсутствие подделал генеральную доверенность и продал данный вид недвижимого имущества.

Таким образом, в данном случае мы снова видим подделку документов, что и в отношении вторичного недвижимого имущества.

Также, в большинстве случаев, можно встретить такую мошенническую схему, как – покупка данного вида недвижимости у лица, которое не имело полномочий на совершение сделки купли – продажи. Часто это происходит из-за конфликта акционеров, которые не могли договориться. Или же, наоборот, стоворились.

Рассмотрим еще один пример. Компания, занимающаяся изготовлением и реализацией кондитерской продукции, искала новое помещение под свой цех. В итоге нашлось АО, которое предлагало на выгодных условиях приобрести у нее площади в довольно отдаленной промышленной зоне. В данной компании было два мажоритарных акционера. Первый владел 60% акций и его «правая рука» – генеральный директор, который вел все переговоры по продаже помещения. В итоге, промышленные площади были проданы, сделка была оформлена. Спустя какое-то время добросовестный покупатель получил письмо из арбитражного суда, где было указано, что сделка купли-продажи была признана незаконной. Генеральный директор не получил одобрения сделки на общем собрании акционеров, как он это должен был сделать по закону, а второй акционер был категорически против совершения данной сделки.

В данном случае, можно говорить о сговоре акционеров, со всеми вытекающими для них выгодами в случае признания сделки незаконной, так как новый собственник мог успеть сделать дорогостоящий ремонт помещения, и компенсация после признания сделки недействительной была бы в разы меньше, чем было затрачено.

Считаем необходимым отметить еще одну распространенную мошенническую схему, в которой сделка купли – продажи прошла согласно требованиям законодательства и по обоюдному согласию сторон, однако, через некоторый промежуток времени происходит смена обстоятельств и, соответственно, данная сделка становится якобы невыгодной для одной из сторон.

Очень часто компания-продавец, если испытывает серьезные финансовые затруднения, вынуждена продавать имеющиеся у нее коммерческие площади с большой скидкой. Но, спустя какое-то время проблемы решаются, и продавец, внутренне не согласный с тем, что в свое время так продешевил, старается вернуть все обратно. Очень часто при оспаривании такой сделки используют следующий момент, присутствующий во время большинства собраний акционеров при одобрении крупной сделки. Решение о совершении сделки принимается несколькими акционерами, а протокол подписывается только секретарем собрания и председателем. В результате остальные могут заявить, что не участвовали в собрании и потому сделка незаконна.

Или еще один пример, когда компания достаточно сильно пострадала во время кризиса и не имела средства выплачивать значительный кредит. Было принято решение о срочной продаже ее актива – складского помещения. Из-за срочности сделки собственник значительно снизил цену, чтобы

быстрее привлечь покупателя. Когда сделка была совершена, обстоятельства в компании изменились.

В итоге, воспользовавшись тем, что только председатель и секретарь подписывали протокол об одобрении сделки, другие участники заявили, что они не голосовали на собрании. Сделка была оспорена, покупателю вернулись деньги с выплатой процентов по ставке рефинансирования, что для продавца было очень выгодно.

Таким образом, чтобы минимизировать риски возникновения подобных ситуаций, необходимо, чтобы все участники акционерного общества с предъявлением паспорта в присутствии покупателя собственноручно подписали протокол об одобрении сделки.

Следовательно, исходя из всего вышеперечисленного, сделки с коммерческим недвижимым имуществом также относятся к сделкам с повышенными рисками, как и жилое недвижимое имущество. Несмотря на то, что в компаниях существует юридическое сопровождение сделок, все равно используются различные мошеннические схемы, в том числе с использованием недобросовестного поведения контрагентов.

Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru

2. "Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах" (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // www.consultant.ru

3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 28.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1).

4. 1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // www.consultant.ru

5. 2. Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 14.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс»

6. Комментарий к Конституции Российской Федерации /С.А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).

7. Уголовное дело № 44у-94 (sudact.ru/regular/doc/pNe7WoWLIQoj/)

8. Уголовное дело № 1-191/ 2015 (sudact.ru/regular/doc/tEO09D6fy8dE/)

9. Уголовное дело № 2-54/2013 (sudact.ru/regular/doc/jOyexBJNUldj/)

10. Приговор Калининского районного суда г. Санкт – Петербурга от 07 декабря 2019 г. // http://kln.spb.sudrf.ru/modules.php?name=info_court

11. Приговор Кировского районного суда г. Самары от 01 февраля 2017 года // <http://kirovsky.sam.sudrf.ru/>.

12. Сайт Верховного Суда РФ // URL: <http://www.vsrp.ru>

Для цитирования: Евсеенков С.А. Мошенничество в сфере оборота недвижимости в современном российском обществе: статья // Юридическая мысль. – 2022. – № 4. – С. 101–108.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.008

Real estate fraud in modern Russian society

Stanislav A. Evseenkov*

Annotation. The article contains a theoretical and practical analysis of such a criminal offense in the form of fraud in a specific area of real estate turnover, which is becoming more and more relevant in modern Russian society. The author considers various fraudulent schemes developed by criminals relating to the primary real estate market. The secondary real estate market, where there are many more properties than the primary one, and, accordingly, there are many more fraudulent schemes, is, as stated in the article, a wider range for study and analysis. According to the analysis of judicial practice, similar fraudulent schemes are carried out in the commercial real estate market, which also did not go unnoticed.

Theoretical conclusions in the article are confirmed by concrete examples from the criminal practice of various judicial bodies of the Russian Federation.

Key words: crime, fraud, real estate turnover, primary real estate market, secondary real estate market, commercial real estate, criminal law, courts, methods of committing crimes.

The right to own a dwelling is one of the most important rights contained in Art. 40 of the Constitution of the Russian Federation. Part 1 enshrines the right of every person to housing, which reflects the idea of a “decent standard of living” for every person proclaimed by the Universal Declaration of Human Rights [1; 6, p. 104]. The right to housing is mentioned in Art. 11 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights of 1966 [2], in other international documents. The Housing Code of the Russian Federation consolidated the provision that citizens, at their own discretion and in their own interests, exercise their housing rights, including dispose of them. Citizens are free to establish and exercise their housing rights by virtue of an agreement and (or) other grounds provided for by housing legislation. Citizens, exercising housing rights and fulfilling obligations arising from housing relations, must not violate the rights, freedoms and legitimate interests of other citizens [3].

Currently, there are a large number of fraudulent schemes related to real estate, however, the use of any specific method of committing fraudulent actions depends on various circumstances [12].

As you know, real estate is divided into: primary, secondary and commercial, and, accordingly, fraud is distinguished in the primary, secondary and commercial real estate market.

The most typical methods of fraud in the primary real estate market include:

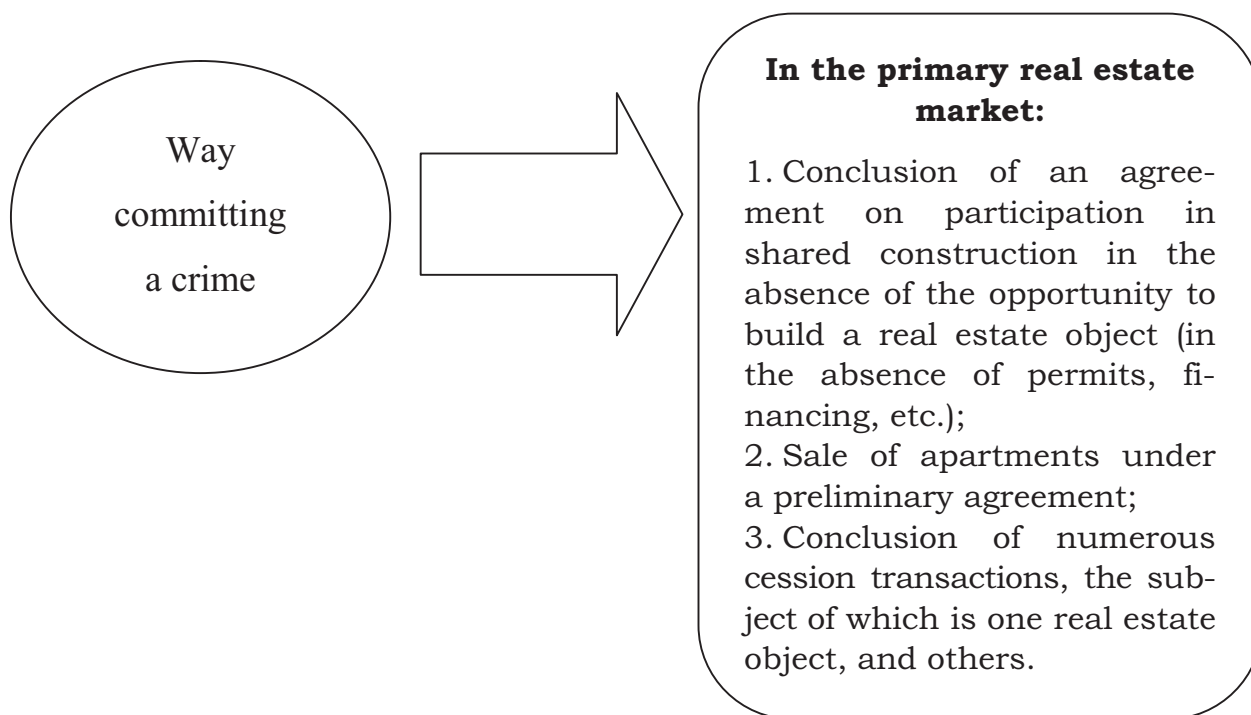
conclusion of an agreement for participation in shared construction (lack of permits, financing, etc.),

sale of apartments under a preliminary agreement,

* *Evseenkov Stanislav Andreevich*, master student of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Regional University (MGOU). E-mail: stanislav_evseenkov@mail.ru

conclusion of numerous cession transactions relating to only one real estate object (Scheme 1).

It should be noted that the ownership of primary immovable property is always registered for the first time.

The procedure for acquiring ownership of real estate from a developer is established by Federal Law No. 214-FZ of December 30, 2004 "On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate and on Amendments to Some Legislative Acts of the Russian Federation" [5], which regulates relations, associated with the attraction of funds from citizens and legal entities for shared construction of apartment buildings and (or) other real estate objects and the emergence of ownership rights for shared construction objects among participants in shared construction.

However, despite the clear requirements of the law, criminals have developed various fraudulent schemes relating to the primary real estate market. Let us give an example from judicial practice.

The Presidium of the Astrakhan Regional Court found that K.L., being the general director of organizations engaged in the construction of residential buildings, without a permit for the construction of an apartment building, having the intent to embezzle funds by fraud, did not having concluded agreements with contractors, he disseminated information in the media about the invitation of citizens to take part in the shared construction of a residential building. After that, on behalf of these companies, he entered into agreements for participation in the shared construction of an apartment building with the victims, informing them of false information about the availability of all the necessary documents to start construction of a residential building, false information about the availability of the necessary funds and technical capabilities

to complete the construction, received money from the victims, which he did not deposit into the cash desk and settlement accounts of the company, thereby not intending to fulfill obligations to buyers under the concluded agreements [7].

Another example concerns the sale of primary real estate apartments under a preliminary contract.

The developer – the criminal concludes with citizens a preliminary contract for the sale of real estate, the subject of which is the transfer of real estate to the property of citizens for a fee after the facility is put into operation. The problem of observing the interests of citizens is that such an agreement is not registered, as a result of which it is not possible to track how many citizens have entered into such agreements for the same real estate objects. Moreover, in practice, such a preliminary agreement does not entail legal consequences, since the real estate object is not identified under the agreement.

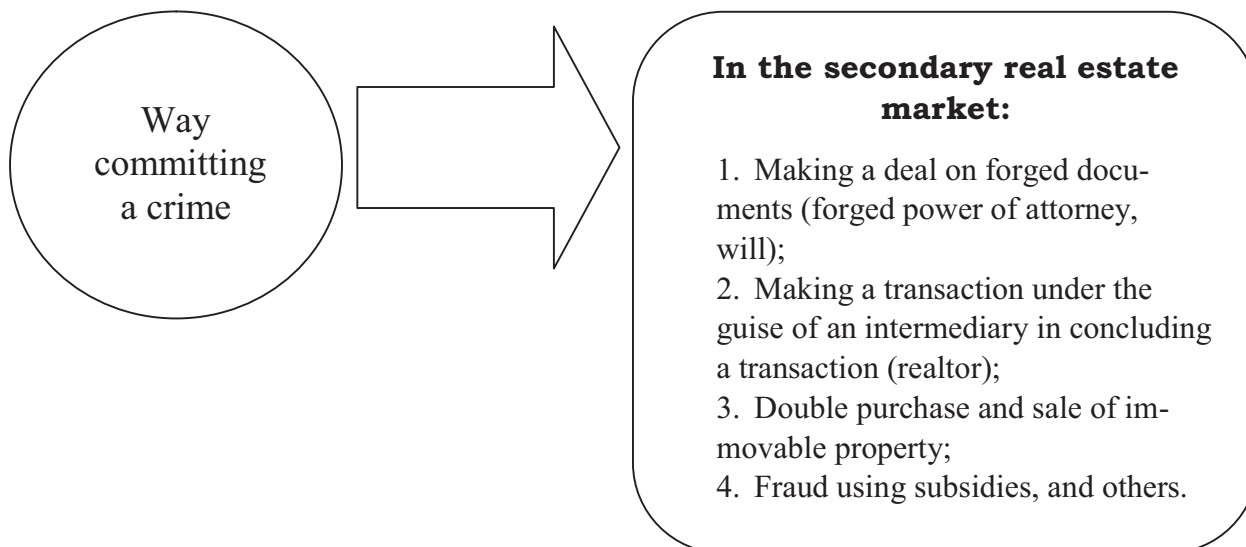
It is also important to note that the subjects of fraud in the primary market are not only criminals who pretend to be or are developers, but also false participants in shared construction, when several agreements are concluded on the assignment of the right to claim under an equity participation agreement, without notifying the developer, as a result of which the criminal from several persons receives payment for the assigned rights in the amount of the cost of the apartment, and counterparties, accordingly, cannot acquire the rights of claim against the developer specified in the assignment agreement, since they are not the only assignees.

The secondary real estate market is a wider spectrum for study and analysis, since it presents many more properties than the primary one, and, accordingly, there are many more fraudulent schemes.

Let us give an example from judicial practice.

Zaurumova L.M., with the aim of taking possession of the property of Mrs. G., being familiar with her and having access to the documents of Mrs. G., namely, the passport of a citizen of the Russian Federation in the name of G., found a woman similar in age and appearance to gr. G., with whom she agreed that the said woman would introduce herself when drawing up a number of documents, c. G., and also, if necessary, took measures to sign the documents that Zaurumova L.M. would indicate to her, on behalf of c. G. Further, the citizens turned to the notary with a request for notarization of the power of attorney and will on behalf of G. in the name of Zaurumova L.M. After that, these persons turned to the notary for certification of the fake contracts for life maintenance with dependents and the deed of transfer on behalf of c. G. in the name of Zaurumova L.M. After the death of c. G. Zaurumova L.M. using forged documents, applied to the registration authority for registration of ownership of real estate owned by gr. G. [8].

As a rule, the right of ownership has already been concluded repeatedly, and a certain number of transactions have been made for this type of real estate. One of the most common ways of committing a crime in the secondary real estate market is the sale and purchase of this property using forged documents (passport, power of attorney, title documents) (Scheme 2).

However, this method is not the only one. Another way you can specify is the re-registration of real estate on the basis of a fake will.

The verdict against Alekseev it was established that he was a member of a criminal community that illegally obtained the opportunity to dispose of real estate by deceiving state bodies, employees of state institutions and notaries. This criminal community developed a plan of fraudulent actions, in accordance with which the objects of criminal actions were property included in the hereditary masses after the deceased owners. After the discovery of real estate, the participants of the criminal community made a fake will of the deceased owner of real estate (misleading notaries) or by misleading judges of the district courts of St. Petersburg and sought the decision they needed to recognize the right of ownership [9].

It is also worth noting that there are fraudulent schemes that use the variant with allegedly deceased owners of real estate. In fact, the owner is alive, but for various reasons he does not live in the apartment or simply rents it out.

In this case, the criminals forge a death certificate, a will and apply to a notary for a certificate of inheritance of the apartment. Six months later, they carry out the sale of this real estate. For example, Meshcherov, Zvyaginskaya, Karanaev and Bogdanov entered into a preliminary conspiracy to embezzle by defrauding Mr. Korotkov's apartment by right of ownership. They developed a criminal plan to take over the apartment and distributed the roles, according to which Zvyaginskaya was to involve in the commission of a crime a person acting as Korotkov's heir under a will, and Bogdanov, posing as Korotkov, to draw up a will.

In accordance with the plan, Zvyaginskaya involved Meshcherov in the commission of the crime, who agreed to act as the alleged heir of Korotkov, provided his passport data to be included in a false will. Karanaev assisted unidentified persons in the manufacture of a false passport in the name of Korotkov with a photograph of Bogdanov pasted into it for further use in fraudulent activities. Acting in accordance with the plan, Karanaev with Bogdanov, who introduced himself and acted on behalf of Korotkov, arrived at the notary's

office and, on behalf of Korotkov, made a will in favor of Meshcherov. Further, in order to obtain a certificate of Korotkov's death at the registry office, with the assistance of unidentified persons, a deliberately false medical certificate of Korotkov's death was produced, allegedly issued by the Bureau of Forensic Medical Examinations (hereinafter – BSME).

To obtain a medical certificate of death at the BSME, submit it to the registry office and obtain a death certificate in the name of Korotkov, Zvyaginskaya attracted Kalmykov and Monakhova, without devoting them to criminal intent. Having received these false documents, Meshcherov, in order to take possession of Korotkov's apartment, issued a power of attorney to Batyrbekova, authorizing her to be his representative on the issues of registration and obtaining a certificate of the right to inherit by will after the allegedly deceased Korotkov, without initiating her into criminal plans. Batyrbekova, acting in accordance with the instructions of Meshcheryakov, filed a will on behalf of Korotkov and an application for acceptance of the inheritance on behalf of Meshcherov to a notary of the notary district of St. Petersburg.

Thus, Zvyaginskaya, Meshcherov, Karanaev and Bogdanov tried to convert Korotkov's apartment worth 1,131,833 rubles to their advantage, thereby intending to cause significant material damage to the latter, on an especially large scale. They could not bring their criminal intent to the end due to circumstances beyond their control, since the deception was discovered by the notary and the victim. The actions of the perpetrators are qualified by the court under Art. 30 h. 3, Art. 159 part 4 of the Criminal Code of the Russian Federation [10].

It is also important to note that, after all, the main goal of criminals is not to falsify title documents, but to obtain duplicates of official documents by any means in order to further purchase and sell this real estate.

It is also worth noting the role of the intermediary – "realtor" in the fraudulent scheme, in the implementation of the purchase and sale transaction.

B., in order to steal funds from V., by deception and abuse of trust, assured V. that she would act in her interests, assist in the sale of her apartment and the acquisition of a two-room apartment. B., having received information about the sale of a two-room apartment, together with V. visited it. When V. expressed her consent to the purchase of this apartment, B. informed her of information that did not correspond to reality about her depositing funds in the amount of 300,000 rubles to the owner of the apartment as a deposit. B. also offered V. and her family members to deregister at their place of residence, which they did.

Misled by B. that an error was found in the previously certified power of attorney, which needs to be corrected and at the same time it is not possible to carry out transactions for the sale of her apartment and the acquisition of a 2-room apartment, it is not possible, she issued two notaries certified power of attorney, one of which authorized B. to sell the apartment she owns, sign the sale and purchase agreement on her behalf, register the transfer of ownership of the apartment and receive the money due to her, and the other – to purchase a two-room apartment for a price and on conditions at her own discretion apartment, which B. carried out secretly from V., taking possession of the proceeds, while the victims were left without money and without housing [11].

It should be noted that there are fraudulent schemes with the use of various subsidies, maternity capital, fictitious transactions (criminals enter into a transaction with real estate, and then go to court to declare this transaction invalid in order to return the real estate, but non-refundable payment under this agreement).

According to the analysis of judicial practice, similar fraudulent schemes are carried out in the commercial real estate market. A company engaged in the production and sale of jewelry has decided to expand its business and open another point of sale. The firm's management concluded that it was more expedient to buy premises for a new store, rather than rent it. After some searches, a suitable premise was found, and the trustee of the owner, who led all negotiations on the transaction, offered quite favorable terms. The owner of the premises himself was on a long business trip, so he did not take part in the process. However, after some time, he still had to join the process. Returning from a business trip, he learned that the tenant, who rented the premises from him, in his absence, forged a general power of attorney and sold this type of real estate.

Thus, in this case, we again see a forgery of documents, as in relation to secondary real estate.

Also, in most cases, you can find such a fraudulent scheme as the purchase of this type of real estate from a person who did not have the authority to complete a purchase and sale transaction. Often this is due to a conflict between shareholders who could not agree. Or, on the contrary, they agreed.

Let's consider one more example. A company engaged in the manufacture and sale of confectionery products was looking for a new building for its workshop. As a result, a joint-stock company was found that offered to purchase premises from it on favorable terms in a rather remote industrial zone. This company had two majority shareholders. The first owned 60% of the shares and his "right hand" is the general director, who led all negotiations on the sale of the premises. As a result, industrial areas were sold, the deal was formalized. After some time, a bona fide buyer received a letter from the arbitration court, where it was stated that the sale and purchase transaction was declared illegal. The General Director did not receive approval of the transaction at the general meeting of shareholders, as he was supposed to do by law, and the second shareholder was categorically against the completion of this transaction.

In this case, we can talk about the collusion of shareholders, with all the ensuing benefits for them if the transaction is recognized as illegal, since the new owner could have time to make expensive repairs to the premises, and compensation after the transaction was declared invalid would be several times less than it was spent.

We consider it necessary to note another widespread fraudulent scheme in which the purchase and sale transaction took place in accordance with the requirements of the law and by mutual agreement of the parties, however, after a certain period of time, a change of circumstances occurs and, accordingly, this transaction becomes allegedly unprofitable for one of the parties.

Very often, a selling company, if experiencing serious financial difficulties, is forced to sell its commercial space at a big discount. But, after some

time, the problems are solved, and the seller, who internally disagrees with the fact that he sold so much at one time, tries to return everything back. Very often, when challenging such a transaction, they use the following moment, which is present during most shareholders' meetings when approving a major transaction. The decision to make a transaction is made by several shareholders, and the minutes are signed only by the secretary of the meeting and the chairman. As a result, others may claim that they did not participate in the meeting and therefore the transaction is illegal.

Or another example, when a company suffered quite a lot during the crisis and did not have the means to repay a significant loan. It was decided to urgently sell its asset – a warehouse. Due to the urgency of the transaction, the owner significantly reduced the price in order to attract a buyer faster. When the transaction was made, the circumstances in the company changed.

As a result, taking advantage of the fact that only the chairman and the secretary signed the protocol on approval of the transaction, other participants stated that they did not vote at the meeting. The deal was disputed; the buyer got the money back with the payment of interest at the refinancing rate, which was very beneficial for the seller.

Thus, in order to minimize the risks of such situations, it is necessary that all participants in the joint-stock company, presenting a passport in the presence of the buyer, personally sign a protocol on the approval of the transaction.

Therefore, based on all of the above, transactions with commercial real estate are also considered transactions with increased risks, as well as residential real estate. Despite the fact that companies have legal support for transactions, various fraudulent schemes are still used, including using the unfair behavior of counterparties.

Bibliographic list

1. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // www.consultant.ru

2. "International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights" (Adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary session of the UN General Assembly) // www.consultant.ru

3. Housing Code of the Russian Federation of December 29, 2004 No. 188-FZ (as amended on December 28, 2016) (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2017) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1 (part 1).

4. 1. "Criminal Code of the Russian Federation" dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on December 29, 2022) // www.consultant.ru

5. 2. Federal Law No. 214-FZ dated December 30, 2004 (as amended on March 14, 2022) "On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // ATP "Consultant Plus"

6. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S.A. Komarov [i dr.]; ed. S.A. Komarov. – 4th ed., revised. and additional – М.: Yurait Publishing House, 2022. – 343 p. – (Series: Professional Comments).

7. Criminal case No. 44u-94 (sudact.ru/regular/doc/pNe7WoWlQoj/)
8. Criminal case No. 1-191/2015 (sudact.ru/regular/doc/tEO09D6fy8dE/)
9. Criminal case No. 2-54/2013 (sudact.ru/regular/doc/jOyexBJNUldj/)
10. Sentence of the Kalininsky District Court of St. Petersburg dated December 07, 2019 // http://kln.spb.sudrf.ru/modules.php?name=info_court
11. Sentence of the Kirovsky District Court of Samara dated February 01, 2017 // <http://kirovsky.sam.sudrf.ru/>.
12. Website of the Supreme Court of the Russian Federation // URL: <http://www.vsrp.ru>

For citation: Evseenkov S.A. Real estate fraud in modern Russian society: an article // Legal Thought. 2022. No. 4. P. 109–116.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.128.4.008

ТРЕБОВАНИЯ к оформлению рукописей, представляемых для опубликования

1. Рукопись представляется **в одном экземпляре**. Текст должен быть отпечатан через 1.5 компьютерных интервала 14 шрифтом. Страницы должны быть пронумерованы. Сноски оформляются в виде затекстовых ссылок в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Библиографический список». Источники в списке располагаются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Справки по оформлению списка литературы». При ссылке на конкретный фрагмент текста источника в отсылке указывается порядковый номер и страницы. Например:

– в тексте [8, с. 15].

– в затекстовой ссылке: *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. – СПб.: Издательство Юридического института, 2012. – 520 с.

2. Объем статьи не должен превышать **8–10** машинописных страниц, а рецензии – **3** страниц.

3. Автор оплачивает расходы за редактирование, рецензирование и подготовку к публикации в размере ориентировочно **5600 руб.**, за превышение установленного объема – дополнительно **300 руб.** за каждую страницу.

Отдельно оплачивается перевод статьи на английский язык.

Перевод рукописи статьи на английский язык осуществляется редактором-переводчиком журнала.

4. К статье должны прилагаться:

– **справка об авторах (соавторах)** с указанием:

а) фамилии, имени, отчества;

б) ученой степени, ученого звания;

в) должности, основного места работы;

г) контактного e-mail, домашнего и служебного адресов и телефонов;

– **аннотация статьи (не менее 5 строк);**

– **ключевые слова (не менее 10 слов);**

– **рецензия от научного руководителя (для студентов, магистрантов, аспирантов);**

– **справка о заимствованиях (антиплагиат)**

5. Автором должен быть подписан экземпляр статьи и лицензионный договор (высылается после утверждения «в печать» редакционной коллегией).

6. Плата с аспирантов за публикацию не взимается (за исключением стоимости 1 экземпляра журнала, его пересылки адресату, перевода статьи на английский язык).

7. Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с производственными изменениями и исправлениями в тексте (**в отпечатанном виде**) и с **электронной копией**.

8. Рецензии присылаются вместе со статьями. В противном случае статьи опубликованы не будут.

9. Статьи направляются **по почте** (не заказной) на адрес редакции: **199106, Санкт-Петербург, В.О., ул. Гаванская, д. 3** и по электронной почте: **lawinst-spb@mail.ru; komarova_tl@mail.ru**

10. В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению публикации редакция оставляет за собой право ее не рассматривать.

REQUIREMENTS for Manuscripts, submitted for publication

1. The manuscript is submitted **in one copy**. The text should be printed in 1.5 computer range 14 print. Pages must be numbered. Footnote out in the form of references in the endnotes according to bibliographic requirements are placed after the text of the article under the heading «References». Sources in the list are arranged in accordance with GOST R 7.0.5-2008 «Help on registration list of the literature». When referring to a specific piece of text is-sending source in the serial number and pages. For example:

– In the text [8, p. 15].

– In trans textual link: Komarov S.A. The general theory of state and law: the textbook. – St. Petersburg: Publishing House “Law Institute” (St. Petersburg), 2012. – 608 pp.

2. The paper should not exceed **8–10** printed pages and reviews – **3** pages.

3. The author pays for editing, review and preparation for the publication in the amount of 5 600 rubles, for exceeding the specified amount – an additional 300 rubles for each page.

Translation of the article into English is paid separately.

Translation of the manuscript of the article into English is carried out by the editor-translator of the journal.

4. Article shall be accompanied (in electronic form):

– **information about the author (co-author)**, indicating:

a) surname, name and patronymic;

b) scientific degree, academic rank;

c) the principal place of work, position;

d) an e-mail, home and office addresses and phone numbers;

– **abstract of the article (not less than 5 lines)**

– **keywords (not less than 10 words)**

– **review**

5. The author must be signed copy of the article and a license agreement (sent after the approval of «print» the editorial board). Articles graduate students must be signed by their research supervisor(s) to review the application.

6. The fee for the publication of a post-graduate students will be charged.

7. Articles, aimed authors for revision shall be returned to the editor in the commendatory term production changes and corrections in the text (**in the form of imprint**) and an **electronic copy**.

8. Reviews are sent along with the article. Otherwise, the article will not be published.

9. Article sent **by mail** (not registered) to the editorial office: **199106, 3, Gavanskaya st., Saint Petersburg, Russia** and by e-mail: **lawinst-spb@mail.ru; komarova_tl@mail.ru**

10. In the case of non-compliance with these requirements by designing the publication editors reserve the right not to consider it.

Частное образовательное учреждение
высшего образования

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (Санкт-Петербург)

основан в 1992 году

ЛИЦЕНЗИЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

специализации:

- ❖ гражданско-правовая;
- ❖ государственно-правовая;
- ❖ международно-правовая;
- ❖ уголовно-правовая

Документы:

1. Документ об образовании
2. Шесть фотографий размером 3x4 см
3. Свидетельства ЕГЭ по русскому языку, обществознанию, истории России

По окончании института выпускникам присваивается

степень бакалавра или ***магистра***

(в зависимости от срока обучения)

и выдается ***диплом о высшем образовании***

Срок обучения:

ДНЕВНОЕ – 4 года, ЗАОЧНОЕ – 5 ЛЕТ

Для лиц со ***средним юридическим*** и ***высшим (неюридическим) образованием***
– ***ускоренный курс обучения*** – 3 года

Ведется прием в АСПИРАНТУРУ

по научным специальностям:

- 1.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки);
- 1.1.2. – Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки);
- 5.1.4. – Уголовно-правовые науки (юридические науки)

**199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д. 3
(812) 325-46-25, 322-18-08**

Официальный сайт: www.lawinst-spb.ru

Книжный интернет-магазин на сайте института

Редактор, переводчик **М.В. Старцева**
верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
E-mail: Legal_thought@mail.ru
Сайт: <http://lawinst-spb.ru/magazine>
<http://matgip.ru>
Телефон: (812) 325-4625; (499) 431-5806

Издатель: ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Адрес издателя: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков
государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 30.12.2022. Формат 61x86 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 8,5. Усл. п.л. 14,54. Тираж 100 экз. Заказ № 5263.

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»
www.onebook.ru